ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЕН1541
Т 693

ЕН1541
Т 693

VIII Всесоюзный съезд профсоюзов

М. ТОМСКИЙ

ВСЕГДА С МАССАМИ, ВО ГЛАВЕ МАСС

Книгоиздательство ВЦСПС
МОСКВА
1929

331
Т 56

VIII ВСЕСОЮЗНЫЙ С'ЕЗД ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ

ЕН 1541
Т 693

М. ТОМСКИЙ

ВСЕГДА С МАССАМИ, ВО ГЛАВЕ МАСС

РЕЧЬ ПРИ ОТКРЫТИИ VIII С'ЕЗДА,
ДОКЛАД И ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

ПЯТНАДЦАТАЯ ТЫСЯЧА

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ВЦСПС МОСКВА
1929

Ж.

ЕН1541
Т 693

4649с.1

1059080

Главлит № А—29.917. Заказ № 22 Тираж 5.000.

Типография РИО ВЦСПС. Москва, Крутицкий Вал, д. 18.

Профсоюзы в условиях индустриализации страны.

(Речь при открытии VIII С'езда Профсоюзов).

Товарищи! Вся работа профессиональных союзов за период между VII и VIII С'ездами протекала в обстановке усиленного развертывания дела индустриализации страны, в обстановке напряженного капитального строительства новых фабрик, заводов, жел. дорог и электростанций, переоборудования старых предприятий и напряженной работы по рационализации промышленности.

На протяжении этих двух лет, несмотря на ряд ошибок и недочетов, рабочий класс шаг за шагом продвигался по пути действительной перестройки СССР из страны крестьянской, отсталой, мелкособственнической в страну индустриальную, в страну культурную, в страну социалистическую. Правда, мы находимся еще в начале этого пути, правда, перед нами стоят величайшие трудности, вся работа еще впереди, но и те, на первый взгляд скромные успехи, которых мы достигли за эти годы, на деле являются крупными, невиданными в истории человечества успехами. Наши успехи велики потому, что мы достигли их без посторонней помощи, без иностранных займов, в стране культурно, технически и эконо-

мически отсталой, где преобладающая масса населения состоит из мелких производителей, достигли после долгих лет изнурительной империалистической и гражданской войн, в невиданно короткий срок, без капиталистов, без помещиков, при враждебном отношении к нам капиталистического мира.

На первый взгляд нам, людям, непосредственно работающим у горнила социалистического строительства, наши достижения кажутся порой очень скромными. Особенно маленькими и скромными они кажутся нам через призму жесточайшей рабочей самокритики, на самом же деле они являются величайшими достижениями. Беспристрастно оглядываясь на пройденный путь, мы видим, что близится к концу постройка таких гигантов, как Днепрострой, Туркестано-Сибирская железная дорога, мы видим десятки новых мощных электростанций, мы видим уже работающие новые фабрики, которых мы не получили в наследство, а построили сами, несмотря на величайшие трудности.

К числу наших, несомненно, крупнейших достижений за период между VII и VIII С'ездами относится дальнейшее сокращение рабочего дня, переход к 7-часовому дню. Это достижение лучше всего доказывает каждому пролетарию, что дальнейшее улучшение его положения прямо зависит от успехов в рационализации труда. Этим фактом резко подчеркивается разница между нашей социа-

листической рационализацией и рационализацией в капиталистических странах. Этот факт наглядно показывает каждому, даже самому отсталому, рабочему, каждой работнице существеннейшее, важнейшее и главнейшее из того, чем отличается все наше социалистическое хозяйственное строительство, чем отличается вся наша хозяйственная работа от капиталистического строительства: каждый поворот колеса, каждый удар молота, каждый какой бы то ни было успех на нашем хозяйственном фронте в своем конечном счете несет ближайшее и непосредственное повышение экономического благосостояния и культурного уровня широких масс трудящихся.

Несомненен и очевиден во всех областях хозяйственного и культурного строительства рост социалистических элементов, укрепление всех позиций рабочего класса. Мы не только приступили к рационализации промышленности и ее радикальной перестройке, мы не только достигли на этом фронте значительных успехов, мы не только достигли серьезных успехов в области госторговли, развития кооперации, поднятия культурного и материального уровня широких слоев трудящихся, но рабочий класс в своем продвижении вперед по пути перестройки всего народного хозяйства на новых социалистических началах, не ограничиваясь всем этим, двинулся в деревню, как решительный преобразователь сельского хозяйства на новых основах, активно выступил за поднятие его не

только на более высокую техническую ступень, но и за решительную переделку сельского хозяйства на новых, социалистических основах.

Этим самым рабочий класс ставит перед собою величайшую, труднейшую, но почетную задачу перестройки раз'единенной, мелко-собственнической, отсталой деревни в деревню кооперированную по плану Ленина, деревню, охваченную сетью коллективных хозяйств, в деревню, покрытую мощными, действительно социалистическими, крупными, машинизированными советскими сельскохозяйственными предприятиями. Через кооперирование и коллективизацию десятков миллионов крестьянских хозяйств, через развитие мощных советских сельскохозяйственных предприятий перестроить деревню в деревню коллективизированную, *в деревню социалистическую* — вот гигантская задача, требующая длинного ряда лет упорной, кропотливой и настойчивой работы, — задача, к выполнению которой решительно приступил рабочий класс.

На ряду с индустриализацией страны продолжает расти численно рабочий класс, растет его культурный уровень, растут его организации — профессиональные союзы, — растет количество об'единяемых в них членов, растут и развиваются все отрасли их работы, растут их финансы. Однако, непрерывно растущий культурный уровень рабочего класса пред'являет вместе с тем все новые и новые требования ко всем организациям совет-

ской общественности. Рабочий класс пред'являет все большие требования и к рабочему государству, к его аппарату, он требует лучшей работы и лучшего обслуживания со стороны кооперации, он требует лучшего руководства, большей внимательности, большей чуткости, большей четкости в работе, лучшего выполнения самых обязанностей *со стороны своих организаций,* профессиональных союзов, непосредственно призванных защищать его экономические интересы.

Растет культурность и требовательность рабочего класса, растет его активность, являющаяся надежнейшим залогом наших дальнейших успехов и наших дальнейших побед.

Однако, трудности и опасности, стоящие перед нами, не малы, и было бы недостойно нас, было бы недостойно нашего класса, не знающего страха в своем движении к социализму, если бы мы попытались отвернуться от этих трудностей и опасностей, если бы мы закрыли глаза перед ними.

Первая трудность вытекает из самого факта существования социалистического пролетарского государства, окруженного враждебными ему капиталистическими государствами. Чем больше растет и крепнет государство диктатуры пролетариата, чем более непоколебимости проявляет стоящий у власти рабочий класс на пути осуществления социализма, чем больше его успехи на этом пути, тем большую тревогу и опасения вызывает это со стороны наших капиталистических ближних и даль-

них соседей. Чем менее надежд остается у них на «перерождение» советской власти, чем меньше надежд у них на то, что пролетариат откажется от своих решающих командных высот и пойдет на какие бы то ни было классовые компромиссы с капитализмом, чем более сглаживаются в их памяти неудачи белых интервенций, тем более и более возникает у них потребность разрешить спор между дряхлеющим капитализмом и строящимся социализмом непосредственно силой оружия.

Военная угроза Советскому Союзу со стороны капиталистических государств есть факт, стоящий во весь рост перед рабочим классом и его профсоюзами; эта угроза всему делу нашего социалистического строительства обязывает нас быть всегда готовыми вновь, как в былые годы гражданской войны, мобилизовать весь аппарат и весь рабочий класс СССР для защиты своего пролетарского социалистического отечества.

В своем поступательном движении на путях строительства социализма рабочий класс неизбежно должен встречать и встречает всяческое сопротивление со стороны социально враждебных ему слоев населения, которых строящий социализм рабочий безжалостно сметает с их экономических позиций, а равно и со стороны осколков белых дореволюционных господствующих классов, не забывших еще своего прошлого привилегированного положения. Бывшие помещики и генералы,

бывшие фабриканты, попы разных сортов, нэпманы, кулаки были, есть и будут упорными врагами строящегося социализма. Они имеют опору вне страны в лице всей капиталистической системы окружающих нас государств. Они оживают и их активность растет при каждой малейшей трудности, встающей перед рабочим классом в процессе строительства социализма. Каждое колебание в рядах трудящихся под влиянием этих трудностей является благодатной почвой, которую пытаются и будут пытаться еще не раз использовать враги рабочего класса. Вот почему упорная и последовательная борьба с нэпманом в городе, кулаком в деревне и попом повсюду есть важнейшая очередная задача рабочего класса, есть непременная предпосылка успешного строительства социализма. Из самого факта строительства социализма в экономически и культурно отсталой стране с большинством населения, состоящего из мелких производителей, и которые еще целый ряд лет будут именно таковыми, — из этого основного противоречия неизбежно возникает ряд иных различной степени трудностей и противоречий.

Перед нами стоит ряд затруднений. Перед нами стоит трудная проблема преодоления товарного голода, проблема устранения несоответствия между ростом потребностей широких рабочих масс трудящихся и все еще недостаточным темпом роста товарной продукции промышленности. Перед нами стоит проблема снабжения, важнейшая в настоя-

ший момент, вытекающая из чрезмерного отставания всего сельского хозяйства, в особенности его зерновой части, от темпа развития промышленности, от роста потребностей страны в целом. Перед нами затруднения, возникающие из той же отсталости сельского хозяйства, относящиеся к обеспечению сырьевыми ресурсами нашей растущей промышленности, затруднения, вытекающие из роста потребностей капитального строительства всего народного хозяйства в металле и из недостаточного темпа развертывания металлургии; наконец, все эти трудности в значительной мере вытекают из необходимости в возможно кратчайший срок обеспечить независимость строящемуся социализму от иностранной капиталистической индустрии, для чего необходимо форсировать развитие, главным образом и в первую очередь, тяжелой индустрии, производящей средства производства.

В отличие от капиталистического хозяйственного строительства наше социалистическое строительство должно и будет сопровождаться непосредственным и постепенным повышением материального и культурного уровня широких рабочих масс.

Разрешение всех этих задач затрудняется общей некультурностью широких масс населения, в частности, обще-технической отсталостью страны, несовершенством, неповоротливостью, бюрократическими извращениями некоторых звеньев пролетарского государственного аппарата, и не только

государственного, но и целым рядом бюрократических наслоений во всех организациях нашей советской общественности, в хозяйственных, кооперативных и профессиональных и даже партийных организациях.

Было бы глупо, недостойно нашего класса преуменьшать трудности этих задач, пытаться не видеть их, как недостойно нашего победоносного класса не только отступить, но хотя бы на минуту поколебаться, задержать поступательный ход по пути к осуществлению социализма. Вся наша славная история, все славные победы, одержанные нашим классом, являются порукой в том, что и эти трудности мы сумеем преодолеть, если мы будем, как и прежде, по-пролетарски, прямо глядя в глаза всем опасностям, мужественно и непоколебимо до конца проводить свою линию на всемерное укрепление диктатуры пролетариата, всестороннее развитие и развертывание индустриализации страны и культурной революции, как необходимых предпосылок успешного строительства социализма.

Все трудности, возникающие перед нами в процессе строительства социализма, все трудности настоящего периода напряженной борьбы за социалистическую реконструкцию всего нашего хозяйства будут преодолены при условии напряженной работы, при условии неуклонного дальнейшего поднятия культурного и материального уровня широких масс трудящихся, и в первую очередь пролетариата, при условии мобилизации самых

широких рабочих и батрацких масс на дело борьбы с бюрократизмом, за оздоровление госаппарата, его приближение к самым широким слоям трудящихся, при условии максимального вовлечения самых широких слоев рабочих, а через них и всего многомиллионного крестьянства, в дело практического строительства социализма.

А это в свою очередь может быть обеспечено при том условии, если передаточный механизм от гегемона революции — компартии — к широким слоям рабочих, а через них и к многомиллионным основным массам крестьянства, будет четко и бесперебойно работать. Этот передаточный механизм, — профсоюзы, — попрежнему, как это было и во все трудные и труднейшие моменты революции, должен целиком и полностью обеспечить мобилизацию вокруг советской власти и компартии самых широких масс трудящегося населения. Необходимо, чтобы этот передаточный механизм безукоризненно работал, передавая концентрированную волю авангарда рабочего класса — коммунистической партии — самым широким слоям трудящихся. Эта задача требует от профсоюзов, как самых широких пролетарских организаций, охватывающих почти поголовно весь пролетариат, максимального сплочения своих рядов, всестороннего и всемерного улучшения всех видов и форм своей массовой работы, укрепления всех своих организационных звеньев, развертывание активности и самодеятельности всех своих членов на

основе широкой пролетарской демократии, выборности, самокритики. Это требует еще большего проведения в жизнь нашего старого и вечно нового ленинского лозунга — «ближе к массам».

Такова обстановка, в которой приступает к своим работам VIII С'езд, и таковы задачи, к разрешению которых должны быть направлены усилия верховного органа наиболее широких организаций рабочего класса — профсоюзов. Пусть весь наш практический опыт, который вы вынесли, работая в местных профсоюзных организациях, опыт фабрик, заводов, шахт, рудников, транспорта, предприятий и различных учреждений, рабочих и служащих, которых вы здесь представляете, пусть весь этот опыт пролетариев и пролетарок будет направлен к разрешению стоящих перед нами задач.

Мы не сомневаемся в том, что вся наша работа пойдет по пути, указанному Лениным, — по пути неразрывности политики и экономики, неразрывности интересов советской власти и рабочего класса, неразрывности интересов широких масс рабочего класса и их профсоюзов от органов советской власти.

Мы будем успешно двигаться по этому пути при условии безоговорочного признания и непоколебимой поддержки со стороны многомиллионного рабочего класса, всем начинаниям, всей работе советской власти под руководством стойкой, сплоченной ленинской гвардии, под руководством ВКП(б).

Позвольте от имени ВЦСПС выразить уверенность в том, что настоящий с'езд, идя по этому пути, выполнит старый ленинский лозунг: «Профсоюзы, ближе к массам, вместе с массами, во главе масс».

Об'являю VIII С'езд Профсоюзов открытым.

(Аплодисменты. Оркестр исполняет «Интернационал»).

Итоги работы профсоюзов.

(Отчетный доклад VIII С'езду Профсоюзов).

Товарищи! Вчера, при открытии с'езда, я коснулся ряда основных вопросов общеполитического значения, стоящих перед рабочим классом, его партией и профсоюзами. В этой речи я говорил также об основных очередных задачах, стоящих в данный момент перед нами. Может быть, эта речь была несовершенна, может быть, она была слишком коротка, слишком сжата, но это уже дело другого рода. Я не желаю задерживать ваше внимание, тем более после обстоятельной, также политической, приветственной речи тов. Рыкова, снова и снова на политических вопросах и тем самым повторять все вчера сказанное. Таким образом, сегодня в своем отчетном докладе я буду исходить из того, что было сказано мною вчера, при открытии с'езда.

Наши достижения за отчетный период.

Если мы оглянемся на наши достижения за отчетный период, то к числу крупнейших и несомненнейших достижений рабочего класса нужно отнести общий рост численности рабочего класса.

Следствием общего роста рабочего класса является рост числа членов профсоюзов, которое в настоящее время перевалило за 11 миллионов.

Несомненным нашим достижением можно считать то положение, что темп повышения зарплаты оказался более быстрым, чем тот, которого мы с вами ожидали на прошлом с'езде. На VII С'езде профсоюзов, исходя из анализа общей экономики нашей страны, исходя из хозяйственных перспектив, стоящих перед рабочим классом, оглядываясь на пройденный путь в движении зарплаты, мы указывали всем профсоюзам и всему рабочему классу, что в дальнейшем темп роста зарплаты будет гораздо более замедленным. Мы исходили из того, что, конечно, такого быстрого роста зарплаты, который был на первом этапе новой экономической политики, быть не может. На самом деле, я тогда на VII С'езде профсоюзов приводил пример, что когда рабочий получает реальную зарплату, равную одному пуду хлеба, то стоит ему прибавить еще один пуд в месяц, как зарплата его возрастет на 100%. Когда же рабочий получает 40—50 пудов хлеба, и к этому прибавить 1 пуд, то это уже составит только 2—2,5%. Чем дальше, тем больше темп роста зарплаты должен замедляться. Если посмотрим на темп роста зарплаты, как он шел до настоящего с'езда, то получим такую картину: в 1923/24 г. зарплата повысилась на 30,7%, в 1924/25 г. — на 21,4%, в 1925/26 г. — на 13,4% и в 1926/27 г. — на 12,5%. Вы видите ясную тенденцию к замедлению роста, что давало нам основание сказать, что в дальнейшем темп роста зарплаты пойдет еще более замедленно. Однако, за отчетный период

замедление роста было меньшим, чем мы думали. Мы имеем сейчас рост реальной зарплаты на 10,8%, что считаем достижением значительным и серьезным.

Мы можем констатировать, что за отчетный период произошло укрепление всех профсоюзных организаций сверху донизу и улучшение почти всех отраслей нашей работы.

Мы можем констатировать, что в области развертывания профсоюзной демократии, несмотря на известную недостаточность этой нашей работы, мы все же достигли серьезных и значительных результатов.

Нашим несомненным и колоссальнейшим успехом за истекший период было достижение семичасового рабочего дня. Реальное осуществление его в ближайший хозяйственный год запроектировано на 20%. Целый ряд фабрик уже переведен на семичасовый рабочий день.

Наконец, совершон переход, может быть, еще очень осторожный, но переход без всяких громких фраз и деклараций, к реальному проведению страхования от старости.

Нашим следующим достижением является расширение рабочего законодательства для сельскохозяйственного пролетариата и продвижение социального страхования в деревню. Наконец, мы имеем применение Кодекса Законов о Труде к ряду хозяйств промышленного и кулацкого типа.

1059080

Ошибки и недостатки.

К нашим ошибкам и недосмотрам за отчетный период нужно отнести недостаточное со стороны профсоюзов понимание своей ответственности перед рабочим классом, как непосредственным участником в общей хозяйственной работе советской власти, за все ошибки и недочеты вообще и особенно в области капитального строительства. Мы не раз говорили, что профсоюзы, об'единяющие почти весь рабочий класс, являясь самыми широкими организациями, охватывающими почти поголовно всех рабочих и служащих, непосредственно участвующие в планировании и регулировании народного хозяйства, имеют перед собою задачей не только поправлять хозяйственников, не только критиковать их, но и нести ответственность перед рабочим классом, перед всей страной за все ошибки и недосмотры хозяйственных органов. У нас по капитальному строительству за отчетный период, несмотря на то, что в последнее время в этом отношении достигнуты значительные успехи, был ряд крупнейших недочетов, ряд недосмотров, качество не всегда соответствовало количеству, строительство не всегда было удовлетворительно по эффективности. Это следует записать как минус не только хозяйственникам, но и профсоюзам.

Наконец, колоссальнейшим сигналом того, что у нас в профсоюзах дело обстоит не везде и не во всем благополучно, что у нас есть много ошибок, недочетов и извращений, явилось шахтинское дело.

Я не стану особо останавливаться на этом деле, но оно показало все те же старые знакомые нам болезни, которые были свойственны профсоюзам на протяжении всей революции и с которыми мы боремся ряд лет, о которых имеются прекраснейшие резолюции партс'ездов и партконференций, профессиональных с'ездов, пленумов ВЦСПС и т. д. Речь идет о недостаточном внимании к массам, об отрыве от масс, нечуткости их к нуждам, пренебрежительном отношении к мелочам рабочей жизни, недостаточном внимании к голосу рабочих, который звучал через производственные совещания.

К величайшим недостаткам в нашей работе относится еще один, тот, который я считаю позорным пятном, порочащим всю работу профсоюзов, — пятном, лежащим на всех нас и на каждом из нас в отдельности, — на этом вопросе я позволю себе остановиться особо, это — вопрос о растратах. Нужно, к величайшему нашему стыду, сказать, что борьба с растратами, несмотря на то, что мы много об этом говорили, проводилась явно недостаточно, растраты продолжаются, есть лишь некоторое замедление в их темпе. Я на этом вопросе остановлюсь особо, так как это является совершенно недопустимым и даже нетерпимым явлением.

К нашим общим минусам следует отнести безработицу, с которой мы плохо справляемся. Безработица показывает некоторый рост в силу ряда об'ективных условий, в силу особенностей нашей страны, как, например, аграрное перенаселение,

недостаточная трудоемкость сельского хозяйства и в ряде районов разница в культурном уровне между городом и деревней, недостаточность средств у пролетарского государства для проведения широкой переселенческой политики и т. д. и т. д. Если немедленно изменить эти об'ективные условия не в нашей с вами власти, то все же мы с вами могли бы гораздо больше сделать для обслуживания безработных, в деле отсеивания из массы безработных тех, которые под тем или другим видом примазываются к безработным, подкрашиваются под безработного. А среди безработных таких немало. Есть деклассированные слои, ничего общего не имеющие с безработными.

Работа бирж труда, органов, которые призваны непосредственно обслуживать нужды безработных, за последнее время значительно улучшена, *но все же она оставляет желать много и много лучшего.* Я запросил наш аппарат: принимают ли безработные какое-либо участие в контроле или вообще в работе бирж труда? Оказалось, что в работе той организации, которая обслуживает безработных, они не принимают ни прямого, ни косвенного участия. А профсоюзы? Профсоюзы участие принимают, но как? Я позволю себе привести две выдержки из маленькой записки тов. Шварцмана. Первый факт. На биржах труда организованы комитеты бирж труда из представителей профессиональных, хозяйственных и страховых организаций, «*но эти комитеты в большинстве городов*

работают неисправно». А между тем, это главная организация, гарантирующая контроль и руководство организованного пролетариата над работой бирж труда. Значит, советы с участием профсоюзов на биржах труда существуют, но представители профсоюзов в них *работают неисправно.*

Второй факт. Во всех секциях бирж труда, особенно в крупных, установлены дежурства представителей профсоюзов, но эта докладная записка говорит, что эти представители посещают секции неаккуратно. Значит, и советы работают неисправно и дежурные посещают секции неисправно. А мы удивляемся, почему иногда безработные так некорректно держат себя по отношению к начальству и руководителям бирж труда. Здесь большая доля нашей вины, вины профсоюзов.

Я вовсе не собираюсь предлагать данному с'езду решать, но я все же предлагаю всем товарищам профессионалистам подумать над следующим вопросом: нельзя ли нам обеспечить некоторый контроль со стороны самих безработных над работой бирж труда и, в частности, над посылкой на работу? Вы, конечно, понимаете, что если в секции и комитеты выбрать для контроля людей из безработных, то они перестанут быть безработными и превратятся в работающих, находящихся на службе. Поэтому, мне кажется, нужно было бы создать какие-то иные, текучие наблюдательные комитеты или секции, в состав которых выбирались бы специально оплачиваемые, за время выполнения

данных обязанностей, безработные, сменяемые через определенный срок. Нельзя ли подумать над этим вопросом, ибо я утверждаю, что очень много сообщений по ряду бирж труда свидетельствует о плохой постановке работы, об отсутствии дисциплины среди безработных, о плохой постановке культпросветработы. Есть ряд жалоб на злоупотребления со стороны должностных лиц, и в связи с этим имеются и законные, как мне кажется, справедливые требования безработных самим присмотреть, проконтролировать постоянных, почти без контроля работающих служащих в органах, занятых важнейшим делом, делом распределения куска хлеба, посылки на работу. Нам следует этот вопрос поставить перед собою и обсудить с участием безработных.

Равным образом, нашим крупнейшим недостатком является все еще недостаточное внимание со стороны профсоюзных организаций, — я не говорю о хозорганизациях, потому что в данный момент нас интересует наша работа, — это — плохая постановка дела охраны труда. Достаточно сказать, что, несмотря на пропаганду в течение 10 лет важности охраны труда, несмотря на культурный рост рабочих, несмотря на рост профессионального движения, у нас все же травматизм на наших заводах и фабриках не уменьшается, а, наоборот, в ряде отраслей растет.

Если работа по охране труда на фабриках поставлена у нас далеко не идеально, то это отчасти

об'ясняется об'ективными условиями, которые не всегда можно преодолеть. Мы еще очень бедны. Мы не можем требовать ни от государства, ни от хозорганов больше того, что дается на данной стадии экономического развития. Но то, что пролетарское государство может дать для охраны труда рабочего, и то, что оно дает, — это должно быть использовано до копеечки, наиболее правильно, наиболее разумно и своевременно.

А как у нас обстоит дело? В 1926/27 г. было отпущено на охрану труда 37 млн. руб., а использовано 30 млн., 81%, т.-е. профсоюзы не сумели заставить хозяйственников выполнить свои обязательства в области охраны труда на 19%. В 1927/28 г. было отпущено 49 млн. руб., ассигнование, как видите, выросло, а использовано 42 млн., т.-е. только 85% отпущенных средств использовано по назначению, а остальные 15% утекли неизвестно куда. Вот это очень крупный недостаток, непростительный недостаток в нашей работе.

Нашим крупнейшим минусом является, далее, все еще плохо поставленная борьба с неграмотностью. До сих пор наблюдается еще небрежное, недостаточно серьезное отношение со стороны профсоюзов к этой величайшей работе.

Достаточно привести одну цифру: в Белоруссии союз нарпит насчитывает 32% неграмотных. Это после 11 лет диктатуры пролетариата. Если в союзе, в рядах организованного пролетариата, т.-е. передового пролетариата, может быть 32% неграмот-

ных, то это нам всем аттестат на бедность. Мы многого, конечно, не можем сделать, но многое у нас нужно отнести за счет нашей небрежности — пора научиться работать и относиться более серьезно к этому важнейшему делу.

Наконец, серьезнейшим показателем наших недостатков является недостаточное доверие масс к органам профсоюзов. О недостаточно внимательном отношении профорганов к массам свидетельствуют возникающие время от времени забастовки рабочих, происходящие «без ведома профсоюзов».

Что это означает: «без ведома профсоюзов»? Ведь у нас миллионный профсоюзный актив, ведь у нас почти через 4 станка на пятый стоит профсоюзных активист — либо сборщик взносов, либо делегат, либо член комитета. Они-то, ведь, должны знать о настроении рабочих, о их нуждах? Они должны руководить массами и сигнализировать союзу о ненормальностях, а если они этого не делают, это показывает, в какой степени на деле передовые слои пролетариата втянуты в нашу союзную работу. А кадры этих активистов у нас очень значительны. Об этом будет говорить тов. Догадов. И тем не менее, несмотря на это, вдруг у рабочих так наболит, что они, в обстановке диктатуры пролетариата, бросают работу, а союз ничего об этом не знает. Забастовка происходит, как говорят, «без ведома союза». Это значит, что не только между широкой профсоюзной рабочей массой и ближайшим к массе союзным органом — фабзавкомом —

наметилась трещина, опасность разрыва, но что такая же трещина наметилась и между широким союзным активом и союзным органом. Ибо, если активист, стоя у станка, слышит, что говорят рабочие, видит, как у них назревает недовольство, и не кричит своему союзному органу — «смотрите, что вы спите», не может этот орган от спячки разбудить, то это ясно свидетельствует о некоторой трещине и разрыве между широкими массами актива и между союзными органами.

И следующий наш недостаток, о котором нужно сказать откровенно и прямо: мы плохо справились с работой по обслуживанию новых, идущих к нам рабочих, мы недостаточно широко развернули эту работу.

В нашей политике зарплаты является недостатком все еще продолжающееся отставание зарплаты рабочих тяжелой промышленности, несоразмерность роста зарплаты рабочих легких отраслей промышленности и тяжелых, основных отраслей промышленности.

К нашим общим минусам, правда, вытекающим в большей степени из об'ективных условий, нужно отнести отставание в обслуживании бытовых нужд и потребностей рабочего класса, в особенности потребностей в жилстроительстве.

Жилстроительство требует очень больших денег, которых у нас с вами нет. Нам приходится эту важную нужду в силу того, что нам необходимо разрешать гораздо более неотложные и важные

задачи, — не отставать от Западной Европы и Америки в промышленном развитии, а догнать и перегнать капиталистические страны, — нам приходится много насущного откладывать на завтрашний день, хотя оно очень важно и необходимо сейчас. В частности так обстоит дело с жилстроительством. Но значительную часть этих недостатков следует отнести и на счет нашего общего неумения правильно, целесообразно, наиболее эффектно использовать имеющиеся средства по назначению.

Я не стану здесь занимать вашего внимания этим вопросом, я его довольно подробно осветил в докладе, сделанном в Ростове-на-Дону, на северокавказском краевом с'езде профсоюзов. Там я указывал, что у нас до сих пор не выучились строить по детально разработанным и утвержденным планам, что мы еще строим по так называемым «рабочим эскизам», т.-е. так, что неизвестно, сколько будет стоить и что получится. От такой системы строительства нужно избавиться.

Таковы наши плюсы и наши минусы, таковы наши достижения и наши недостатки.

Очередная задача—сплотить ряды рабочего класса.

Очередная задача, задача сегодняшнего дня, вытекающая из всей обстановки нашей страны и из общих задач индустриализации, из необходимости втягивания широких слоев рабочих в дело рационализации, из необходимости мобилизации рабочих

масс для генеральной перестройки деревни мелкособственнической в социалистическую, заключается в том, чтобы сплотить ряды рабочего класса. В обстановке капиталистического окружения, когда классовые враги внутри страны время от времени, при наличии трудностей, поднимают голову, когда они учитывают каждое наше затруднение, каждое колебание, каждую растерянность в рабочем классе для того, чтобы использовать все это в своих классовых интересах, для того, чтобы вставить палку в колеса социалистического строительства, для того, чтобы попытаться поссорить отдельные слои трудящихся с советской властью и рабочим классом. Необходимо еще больше сплотить и об'единить ряды пролетариата. Из факта развертывания активности всех слоев населения, и в том числе слоев враждебных пролетариату, из их попытки противодействовать победоносному движению социализма, который в своем поступательном, победоносном развитии сметает их с экономических позиций, из их сопротивления всей нашей работе,— из всего этого также вытекает необходимость большего, чем когда бы то ни было, *сплочения рядов рабочего класса*. Это задача не новая, она перед нами стояла и два года тому назад. Вот что говорил XIV С'езд ВКП(б), собравшийся в период перехода нашего хозяйства в период реконструкции хозяйства: «На фоне все более мощно обрисовывающегося хозяйственного под'ема все больше растет политическая, хозяйственная, культурная активность

всех слоев населения как города, так и деревни. Растет также активность враждебных и полувраждебных пролетарской диктатуре элементов населения — нэпман, кулачество, мещанство, некоторая часть буржуазной интеллигенции и т. п. В такой обстановке первейшей и важнейшей задачей компартии является собрать воедино всю энергию и активность рабочих масс, организованных в профсоюзы, чтобы тем усилить и увеличить удельный вес и руководящую роль пролетариата в дальнейшем ходе социалистической революции.

Более, чем когда бы то ни было до сих пор, наши профсоюзы должны быть школой строительства, инициативы, активности, сплочения сил рабочих, поголовной их организации, школой втягивания все более широкой массы трудящихся в дело строительства социализма, поднятия культуры, борьбы против бюрократических извращений, — словом, подлинной школой коммунизма».

Передаточный механизм от партии к массам должен работать без перебоя.

Это — задача в настоящий момент еще более насущная, чем была перед XIV С'ездом. И настоящий с'езд в своей работе в определении линии, в определении задач и оценке всех организационных, культурных, экономических мероприятий, должен подходить со следующим критерием: обеспечивается ли всеми этими мероприятиями наибольшая связь профсоюзов с массами; ведут ли они

к наибольшему сплочению, укреплению, об'единению рядов пролетариата; ведут ли они к наибольшему укреплению единства, воли, солидарности рабочих. Вот один из важнейших последних документов, писанных рукой покойного Владимира Ильича.

«Одной из самых больших и грозных опасностей для численно скромной компартии, которая в качестве авангарда рабочего класса руководит громадной страной, совершающей (пока еще без прямой поддержки более передовых стран) переход к социализму, является опасность отрыва от масс, опасность того, что авангард забежит слишком вперед, «не выравняв фронта», не сохраняя прочной связи со всей армией труда, т.-е. с громадным большинством рабочей и крестьянской массы.

Как самая лучшая фабрика с превосходным двигателем и первоклассными машинами окажется бездействующей, если попорчен передаточный механизм от двигателя к машинам, так неизбежна катастрофа нашего социалистического строительства, если неправильно построен или неправильно работает передаточный механизм от компартии к массам — профсоюзы. Эту истину недостаточно раз'яснять, напоминать, подтверждать, она должна быть организационно закреплена во всем строении профсоюзов и в их повседневной работе». (XI С'езд РКП(б). Резолюция о профсоюзах).

Вот почему эту цитату, всем вам или многим из вас хорошо известную, необходимо напоминать,

необходимо повторять, дабы о ней помнили в процессе строительства, во всей повседневной работе профсоюзов.

Ибо на самом деле, когда больше, чем не в настоящее время, важна именно для партии и для советского государства работа профсоюзов, как передаточного механизма от партии к рабочей массе, когда, как не теперь, когда в рабочий класс вливаются новые слои рабочих, еще не изведавшие фабрику, когда, как не теперь, в период обострения классовой борьбы в городе и деревне, когда кулак пытается влиять на средние слои крестьянства и вырвать их из-под влияния организованного пролетариата, когда, как не теперь, когда нэпман в городе старается поднять голову против пролетариата? Именно теперь особенно важна роль профсоюзов, как передаточного механизма от компартии к широким рабочим массам, именно теперь для гегемона и вождя революции — ВКП(б) — больше чем когда-либо необходимо обеспечение связи партии с рабочей, а через нее и с крестьянской массой.

Когда, как не теперь, когда перед партией в процессе строительства социализма встает ряд трудностей и когда мы испытываем целый ряд мер воздействия капиталистического мира на страну строящегося социализма, мер воздействия, близких к экономической и финансовой блокаде, когда нас все время держат под дулом револьвера, когда, как не теперь, требуется широкая поддержка, горячая симпатия, ясная сознательность со стороны рабочей

массы? Именно теперь особенно важна роль профсоюзов, как передаточного механизма от партии к широким слоям рабочего класса и через них к крестьянству, чтобы не допустить создания сколько-нибудь значительных слоев рабочих, которые не понимали бы, что наша фабрика есть социалистическая, которые не понимали бы, почему рабочий несет трудности, а порою и жертвы, почему приходится откладывать удовлетворение насущнейших нужд рабочего класса на завтрашний день.

Вот почему с'езд должен подходит к каждому вопросу профсоюзной работы, учитывая, насколько предлагаемое мероприятие обеспечивает профсоюзам выполнение их исторический роли в обстановке диктатуры пролетариата, роли приводного ремня от гегемона революции, вождя революции — коммунистической партии — к широким массам рабочих, и под этим углом оценивать каждое обсуждаемое мероприятие.

Ближе к массам: к каждому слою рабочего класса особый специальный подход.

Я думаю, мы не разойдемся в том, что наша основная задача — сплачивать рабочий класс, но одного утверждения, что мы за сплачивание рабочего класса — мало. Нам нужно определить особые методы сплачивания и уяснить трудность этой задачи. На самом деле, когда мы произносим: рабочий класс, — это перед нами стоит как что-то единое, однородное, не отвлеченное, а на самом деле рабо-

чий класс состоит из десятка миллионов весьма конкретных лиц. Если мы посмотрим на наше профдвижение, об'единяющее почти поголовно весь рабочий класс, если мы посмотрим на членов наших профсоюзов, то нащупаем определенные слои и наслоения в этом рабочем классе.

Вот, грубо говоря, первый слой — слой высшего командного персонала промышленности и прочих отраслей народного хозяйства. В наши союзы входят инженеры, агрономы, учителя, профессора. Они входят в нашу профсоюзную семью. К ним требуется специальный, особый подход.

Второй слой, следующий непосредственно за первым, это — слой служащих, культурно и политически иной, более высокий, чем он был пять-шесть лет тому назад.

Третий слой — квалифицированные рабочие крупной индустрии, культурно-выросшие, экономически более обеспеченные, так как квалифицированные рабочие получают иногда побольше, чем некоторые категории высших слоев. У нас в Москве есть квалифицированные рабочие, которые имеют заработок от 250 до 300 рублей в месяц. Это культурно-выросшие слои, которые непосредственно брали с винтовкой в руках Кремль в Москве, защищали Ленинград, которые строят советскую власть и бывали не раз на выборных должностях.

Следующий слой, это — широкий слой старых кадровых рабочих. Далее мы имеем новые слои рабочих. В большинстве эти новые рабочие — вы-

ходцы из деревни. Это тот слой, которому мы на XIV С'езде нашей партии дали характеристику, как слою, еще корнями сидящему в земле, в деревне, приносящему порой с собою на фабрику, на завод деревенские настроения и живущему в значительной степени настроениями деревни, слой, для которого фабрика с ее историческими и революционными традициями, — а у каждой нашей фабрики — своя история, свои революционные традиции, — является чем-то чуждым. Эту фабрику он воспринимает как место, куда его загнала нужда.

Наконец, слой молодых рабочих, детей рабочих, выросших в городе, впитавших в себя революционные традиции, воспитанных в духе советских условий, но которые имеют другой недостаток, а именно, — они не знают и не могут себе представить старой, дореволюционной фабрики. Они плохо знакомы с тем, что было до революции, и они не могут оценить всей широты и глубины наших октябрьских завоеваний.

Когда мы, старые рабочие, смотрим и думаем порой, что у нас еще многое плохо, что мы еще мало чего достигли, что у нас многое идет не так, как следовало бы, порой вкривь и вкось, то другой раз как будто бы делается обидно. Но когда вспомнишь старое, вспомнишь старые фабрики, что было когда-то в царской России, жандармской, помещичьей России, где на фабриках и заводах, на моей еще памяти, шел мордобой, и когда на многих фабриках, как, например, в Ленинграде, существо-

вали застенки фабрик, в которых мастера насиловали работниц, тогда видишь, как велики наши достижения, за которые мы дрались, за которые мы деремся и боремся, и за которые мы должны нести величайшие жертвы, чтобы не только сохранить и упрочить завоевания, но и пойти дальше. Молодой рабочий это воспринимает только теоретически. Что такое городовой для молодого рабочего? Для нас, для старых рабочих, городовой — существо довольно реальное. Для него это что-то в роде огнедышащего дракона из старых рыцарских сказок. Он его не только, этого городового, не видал, но он не может себе даже представить, как это какой-то там городовой мог колотить человека шашкой по голове ни за что, ни про что. В том, что они такие, что они не знали ярма старого рабства, — в этом наше величайшее достижение, наша гордость и в этом залог того, что их молодые головы нелегко и почти невозможно согнуть снова под ярмо. Им можно голову оторвать, но нельзя эту голову согнуть. Но то, что молодые рабочие не знали старого, имеет и свою плохую сторону в том отношении, что они порой недооценивают новое и иногда пред'являют такие повышенные требования, которые нам в данный момент удовлетворить невозможно, требования, которые будут вполне законными лет этак через пять. Но они, в порыве к нашему лучшему, иногда лет на пять-десять раньше пред'являют эти требования, раньше, чем полагается. Все это таит в себе опасности и требует

специального подхода. У нас нет и не может быть ко всем этим слоям одной и той же мерки: мы не можем одинаково подойти к учительнице и к работнице табачной плантации. В отношении каждого слоя рабочего класса должен быть особый, специальный метод работы.

Вопрос о специалистах. Больше внимания среднему техперсоналу.

Вопрос о специалистах. Этот вопрос является для нас далеко не новым,— о нем сказано и в нашей партийной программе и во всех резолюциях наших с'ездов. Сейчас в свете шахтинского процесса этот вопрос встает по-новому. Перед рабочим классом стоит задача подготовки из своей среды собственных кадров новых специалистов. Шахтинское дело вместе с тем ставит перед нашими рабочими-директорами такую задачу: работай со специалистами рука об руку, максимум доверия, максимум товарищеской поддержки, учись у них, но не забывай того, что ты должен поглядывать, ибо специалисты бывают разные, что это несколько особый слой. Задача профсоюзов заключается в том, чтобы более внимательно прислушиваться к голосу рабочих. Для нас нет никакого сомнения в том, что саботажников и мошенников из инженеров мы должны гнать; но вместе с тем здесь необходимо отметить, что в некоторых слоях рабочего класса, отчасти в результате шахтинского дела, появились некоторые антиспецовские настроения, наблюдаются случаи

травли спецов, т.-е. то, чему мы должны положить конец.

Мы должны напомнить рабочим старое положение, написанное, если мне не изменяет память, рукою Владимира Ильича: «Профсоюзы должны помнить, что одним из завоеваний революции являются та тесная связь и взаимное доверие, которые установились в производстве между рабочей массой и теми специалистами, которые, несмотря на все тяготы, работали бок о бок с рабочими для сохранения промышленности и ее восстановления» (XI С'езд РКП(б). Резолюция о профсоюзах).

И второе: «Мы еще не скоро сможем осуществить, но во что бы то ни стало должны осуществить, то, чтобы спецам, как особой социальной прослойке, которая останется особой прослойкой впредь до достижения самой высокой ступени развития коммунистического общества, жилось лучше при социализме, чем при капитализме, в отношении и материальном, и правовом, и в деле товарищеского сотрудничества с рабочими и крестьянами, в отношении идейном, т.-е. в отношении удовлетворения своей работой и сознания ее общественной пользы при независимости от корыстных интересов класса капиталистов» (XI С'езд РКП(б). Резолюция о профсоюзах).

Так бывает иногда полезно нам просмотреть документы, которые должны как будто быть настольной книгой для каждого из нас. Но именно, может быть, потому, что эта книга настольная, мы

ее часто передвигаем с одного угла стола на другой *(смех)*, но редко заглядываем в нее. А между тем, как полезно порой заглянуть в эту книгу и вспомнить некоторые старые ильичевские положения и привести их в простой, доступной пониманию каждого рабочего и работницы, форме. Это особенно важно напомнить теперь, потому что наблюдаются нездоровые явления в отношении специалистов, которым (явлениям) мы должны об'явить решительную борьбу и положить конец.

Я здесь, кстати, коснусь не только нездорового, но даже безобразного явления последнего времени, безобразного со всех сторон, с какой бы мы только к нему ни подошли. Я имею в виду, с одной стороны, проявления некультурности мастеров, их грубости, с другой — отдельные насилия над мастерами, что свидетельствует, с одной стороны, о страшной некультурности, страшной отсталости, а с другой — о какой-то оторванности нашего среднего технического персонала и от инженеров и от рабочих. От одних-то (инженеров) отстали, но к другим (к рабочим) еще не пристали. О среднем техперсонале никто не заботится, ибо чем же иначе об'яснить такую дикую, такую необычайную степень отсталости, какую проявили эти слои на смоленской фабрике «Катушка», на витебском стекло-заводе? С другой стороны: чем об'ясните — и об'ясните не трафаретно — то, что происходило в Ленинграде, что, в частности, произошло на фабрике «Скороход», где застрелили мастера? Конеч-

но, если по-трафаретному подойти к этому, то можно сказать, что рабочий был ненормален или что он был хулиган и т. п. Но такое об'яснение является слишком элементарным. Подумайте, сколь нездоровыми должны были быть взаимоотношения между этим мастером и рабочими для того, чтобы эти отношения разрешились револьверным выстрелом! Подумайте только, как мало доверия имел рабочий к своим союзным организациям! Почему он не пошел в свой фабзавком, почему, если мастер был плох и довел его до такого состояния, он не крикнул о помощи своим союзным организациям? И где были эти организации, как они допустили зародиться такому настроению? Все это свидетельствует о том, что мы слишком мало внимания уделяем мастерам, что эти мастера хотя и отстали от одних, но к другим еще не пристали. Это налагает на нас обязанность уделить больше внимания среднему персоналу промышленности — мастерам — и обеспечить им возможность культурного развития не на словах, а на деле, обеспечить им товарищескую, братскую и совместную работу их со всем рабочим классом.

Особенного подхода требуют сейчас и служащие. Я не стану вам напоминать тяжелую и печальную историю отношений служащих к рабочему классу в самом начале, в 1917—1918 гг., я не буду вспоминать период саботажа, который обусловил нездоровое отношение рабочих к служащим. «Совслужащий» стало с тех пор нарицательным, прене-

брежительным словом. Но, товарищи, ведь с того момента прошло 10 лет, и за эти 10 лет служащие радикально изменились. Уже XIV С'езд партии определяет советского служащего таким образом:

«Советский служащий (учитель, врач, инженер, агроном и т. д.) по своим стремлениям и настроениям начинает становиться советским по существу. Это требует от профсоюзов и партии иного подхода к этим категориям трудящихся; должно систематически и неуклонно вести борьбу с предрассудками против специалистов. Необходимо более внимательное и товарищеское отношение к совслужащим, являющимся равноправными членами наших профсоюзов, путем раз'яснения массам роли специалистов и служащих в строительстве госаппарата, госхозяйства и культуры, а равно энергичной работы над дальнейшим политическим воспитанием этих категорий трудящихся и привлечения их через профсоюзы к активному участию в деле строительства госхозяйства и госаппарата».

Служащий не тот, что был, и это мы должны признать. Теперь мы можем сказать, что советский служащий становится действительно советским без всяких кавычек. Эти клички «совслужащий», «совбарышня» в их ироническом смысле пора сдать в архив. Сейчас к служащему нужен новый, товарищеский подход.

Опыт нам показал, что экономические совещания, которые созываются в ряде государственных учреждений, дают большие результаты. На целом

ряде «экзаменов» советский служащий показал себя на достаточной политической и гражданской высоте. Служащие в своей работе учатся через экономсовещания подходить не только с точки зрения своих шкурных интересов, они доросли уже до понимания государственных интересов. К этому отряду трудящихся требуется особо чуткое и внимательное отношение. Если мы будем к советскому служащему подходить попрежнему с оттенком пренебрежения, — это, мол, не индустриальный союз и т. д., — то скажите, поможет ли такое отношение сплочению всех слоев трудящихся? Нет, это не сплачивает, а раскалывает. Это отношение нужно решительно переломить.

Помочь женщине-работнице учиться, помочь ей продвигаться вперед.

О молодежи, по ряду причин, я буду говорить отдельно. Сейчас хочу коснуться вопроса о работнице. В работе среди женщин у нас достигнуты значительные результаты. Нужно сказать, что женщина начинает не на шутку, а всерьез и надолго, прочно и крепко занимать свое место в профессиональном движении. С каждым годом растут настоящие активистки среди женщин, которые по своим способностям, пониманию, по работоспособности поспорят со многими и многими даже лучшими профессионалистами-мужчинами. Но этих успехов недостаточно, мы должны двигаться дальше по этому пути. Для того, чтобы успешно двигаться

дальше по этому пути, мы должны, во-первых, больше помогать женщине учиться. Я выдвигаю, — я не настаиваю, чтобы с'езд это обсуждал, — предложение о том, чтобы профессиональные организации, об'единяющие значительные массы женского пролетариата, подумали над таким вопросом: поскольку женщина до сих пор была более забита, чем мужчина, поскольку она была более отсталой, чем мужчина, следовало бы там, где строится новая школа для профактива, в первую очередь построить школу для воспитания женщин-активисток, для воспитания профработницы. Особенно, повторяю, нужно подумать над этим тем союзам, которые об'единяют в большей своей массе женский пролетариат. Нужно помочь женщине учиться — вот важнейшая задача профсоюзов.

Во-вторых, вопрос об освобождении женщины не на словах, а на деле. Мы об этом много говорим, но нельзя ли нам чуточку побольше делать? Мы часто говорим и выносим резолюции о том, что раскрепощение женщины лежит в плоскости освобождения ее от мелких повседневных нужд и т. д. Думаете ли вы, что от этих разговоров и резолюций у нее будет выстирана хоть одна пеленка? Ничего подобного. На собраниях вы пишете резолюции о раскрепощении, женщина слушает, голосует, — все хорошо, а когда женщина придет домой, то у нее те же грязные пеленки, те же грязные горшки, плошки. Все это надо перемыть при отсутствии горячей воды и т. д. От всех этих резолюций

ей ничуть не становится легче и она также находит у себя дома плачущего ребенка. Резолюция хороша, и она читать ее должна на досуге, досуга же у женщин нет. Вот в чем дело. Нельзя ли нам (может быть, меня упрекнут «в узком делячестве») лучше поменьше выносить резолюций, а побольше сорганизовывать прачечных, побольше строить хорошо оборудованные дома с элементарными удобствами, побольше иметь яслей, да подешевле, чтобы в них действительно обслуживали детей рабочих. Ведь у нас слишком дорого обходится государству ребенок в яслях. Многие бедные работницы упали бы в обморок, если бы узнали, что их Ванятка обходится государству в 50—60 рублей в месяц. Это такая сумма, на которую может прокормиться целая семья. Нельзя ли поближе подойти к этим яслям и детским домам и подумать о том, чтобы ребенок государству обходился подешевле, а за счет экономии открыть дополнительные ясли? Нельзя ли союзу медсантруд, во главе которого стоит уважаемый нами тов. Сенюшкин, позаботиться о том, чтобы ясли были подешевле? Это будет одним из маленьких, но реальных шагов по пути раскрепощения женщин.

Разрешение бытовых нужд является самым важным, самым первоочередным шагом по пути раскрепощения женщин. Я смею утверждать, не боясь упреков в узости подхода, что для культурной революции, для освобождения женщин гораздо важнее проведение в домах горячей воды, устрой-

ство удобных кооперативных прачечных, устройство дешевых яслей, и притом не теоретически дешевых, как наши столовые, а по-настоящему дешевых. Я не буду долго говорить о столовых, чтобы не отвлекаться от основной темы доклада, но скажу, что для рабочего, особенно низкооплачиваемого, совершенно не под силу платить при четырех членах семьи 45 коп. за обед, а многосемейному рабочему совсем не придется обедать.

Таким образом, вопрос о помощи женщинам, забота о женщинах лежит в настоящее время в той плоскости, чтобы помочь женщине учиться, помочь продвигаться вперед, помочь ей товарищеским содействием ориентироваться в новом деле, помочь не на словах, а на деле, хотя бы постепенно, в пределах реальных возможностей, итти по пути действительного раскрепощения ее от повседневных забот и нужд.

Надо как можно скорее переработать, перевоспитать новых рабочих.

Наконец, на фабрики и заводы идут, как я говорил, большие колонны молодых рабочих из деревни. Нужно прямо сказать, что, несмотря на ряд резолюций, которые мы с вами выносим о новых рабочих, мы не сумели в должной степени классово освоить их. Значительный слой этих рабочих держится особняком, эти рабочие живут какой-то своей внутренней жизнью, не сливаются с общей массой рабочих, не заражаются до сих пор пролетарской

общественностью на наших социалистических фабриках и заводах. В этом лежит большая опасность для всего дела строительства социализма. Раньше мы доказывали хозяйственникам, что культурные рабочие — самые хозяйственно выгодные рабочие, и это для хозяйственников было, повидимому, недостаточно убедительно. Теперь же новые, прибывающие из деревни, рабочие должны доказать каждому хозяйственнику, даже самому узко-смотрящему, не видящему дальше своей фабрики, что культурное воспитание таких рабочих является не просто делом «культуры для культуры», вызывается не отвлеченными интересами, а самыми насущными хозяйственными интересами каждой фабрики, каждого завода. Эти рабочие не связаны с фабрикой, они не понимают еще всех задач рабочего класса, они плохо понимают вообще, что собою представляет рабочий класс, они думают еще только о своей деревне. Работа на фабрике для такого рабочего — тяжелая обязанность. Для него хозяин неизвестен и безразличен, для него безразлично, как работать и где работать, а этот подход определяет и отношение к материалам, и отношение к работе, и отношение к производству в целом. Такому рабочему фабрика совершенно чужда. Наша главнейшая и важнейшая задача — как можно скорее переработать, перевоспитать таких рабочих, сделать их сознательными членами нашего класса, ознакомить их со всей историей героической, великой борьбы рабочего класса.

Необходимо показать новым молодым рабочим перспективы, выяснить задачи, которые стоят перед нами, раз'яснить значение общей борьбы и ее конечную цель, втянуть этих рабочих в активную жизнь нашего класса, в разрешение очередных задач профсоюза, а хозорганы должны нам помочь в этом деле и по-новому посмотреть на культработу профсоюзов.

Необходимо чуткое, товарищеское отношение к новым рабочим.

Тут есть своего рода опасность, поскольку наблюдается в известной степени характерная черточка отчуждения и с другого конца: квалифицированный рабочий, старый кадровый рабочий порой подходит тоже несколько небрежно, свысока с этим рабочим. Он говорит: «это — деревенщина», «они ничего не понимают», «это — отсталые», «они только-что из деревни, они некультурны», и получается, что одни живут своей жизнью, а эти как будто пусть живут своей жизнью. Такой аристократический подход к отсталым рабочим опасен. А, между тем, это есть. Недаром на одном из последних наших совещаний по массовой экономработе прозвучала такая нотка: следует ли новых рабочих втягивать в производственные совещания или не следует? Пусть это была мимолетная нотка, но за ней скрываются известные аристократические настроения. Разве здесь не проглядывает аристократизм, который имеется у старых рабочих по отно-

шению к «деревенщине»? Подобные рабочие-аристократы рассуждают так: «что он понимает в производственных задачах, что он понимает в улучшении производства?» А сами того не понимают, что производственное совещание есть та школа управления и та школа вовлечения рабочих в производство, с помощью которой надлежит воспитывать этих отсталых рабочих, как и всех рабочих вообще, приближать этих рабочих к производству. Это непонимание со стороны некоторых наших профработников, несомненно, имеет место, оно проглядывает в этаких небрежных нотках, в отношении отсталых рабочих и в оправдании своего пренебрежения якобы к потребительским настроениям этих отсталых слоев рабочих. А, между тем, этих новых товарищей — отсталых рабочих — необходимо терпеливо и внимательно воспитывать, вовлечь в работу, несмотря на их предрассудки. Необходимо сделать этого, сейчас еще получужого, человека на сто процентов своим, сделать борцом за интересы рабочего класса.

Разве среди наших деятелей рабочего класса многие не вышли из деревни, разве их не привезли в свое время, когда им было 10—12 лет, из Ярославской или другой губернии в город, где они потом стали борцами за интересы рабочего класса? А теперь вместо того, чтобы изо дня в день терпеливо воспитывать новые слои рабочего класса, терпеливо раз'яснять им роль рабочего класса и его задачи, несмотря на их предрассудки, и чем больше у но-

вого рабочего предрассудков, тем более внимательно к нему нужно отнестись, — у нас наблюдается со стороны некоторых работников аристократическое отношение: это — «деревенщина», «темнота», это — «отсталые слои рабочего класса с потребительскими настроениями». Так легко отмахнуться от большой задачи, труднее уметь подойти к рабочему «без тени фальшивой идеализации» (Ленин), понять сущность всяких настроений и требований, удовлетворить возможные и правильные и раз'яснить неправильность или невыполнимость других.

Если у нас в рабочем классе есть отсталые слои, то, товарищи, это не делает нам с вами чести, значит, мы плохо работаем. Если мы будем хорошо работать, в рабочем классе не будет отсталых слоев. Наличие отсталых слоев рабочих говорит о наличии отсталых профессионалистов. Это те профессионалисты, которые не понимают задач нашей работы, которые не умеют по-товарищески, терпеливо воспитывать новые слои рабочих и видеть в них не «хвосты», не только носителей потребительских настроений, а своих товарищей по классу, которых путем длительной, терпеливой и непременно внимательной работы и отношения к ним необходимо поднять до уровня передовых слоев рабочего класса. Нельзя сваливать на то, что эти темные слои некультурны — некультурен был в свое время и весь наш класс, в том числе и те, кто теперь принадлежит к лучшим, передовым слоям,

которые потом совершили Октябрьскую революцию, боролись за власть советов, которые строили пролетарское государство и защищали страну и восстанавливали промышленность, которую теперь они перекраивают и переделывают. Это самые лучшие слои рабочего класса, но от периода капитализма и у них был и сохранился еще целый ряд предрассудков, целый ряд нездоровых наслоений, целый ряд уродливых, некультурных навыков, но, тем не менее, должно сказать, что в данное время это лучшее, что есть в человечестве, и этому рабочему классу, несмотря на несовершенства и недостатки отдельных рабочих, надлежит совершить величайшую историческую миссию — освободить от гнета капитализма все человечество, а если мы будем подходить к новым рабочим с такими рассуждениями, что это-де отсталые, темные, невежественные, некультурные рабочие, то мы далеко не уйдем.

Вопрос о подходе к новым рабочим на данный период есть один из важнейших вопросов. Я позволю себе еще вернуться к нему в докладе, если позволит время.

Всемерная помощь сельхозлесрабочим.

Наконец, сельскохозяйственный пролетариат в данный период требует особого отношения и подхода. Мы многого достигли, многим помогли союзу сельхозлесрабочих. Можно сказать, что союз сельхозлесрабочих стал на ноги. Он является действи-

тельно союзом, который все более и более становится батрацким. Союз получил возможность успешно работать среди широких масс сельхозлесрабочих и приступил к большой работе по воспитанию своего широкого батрацкого актива. Но все же мы должны еще больше помогать этому союзу, если мы хотим не на словах, а на деле помочь батрачеству и бедноте вести успешную классовую борьбу с кулаком в деревне. Нам необходимо иметь в виду, что передовые отряды нашего рабочего класса не могут оставлять с.-х. рабочих без культурной, материальной и моральной поддержки. Это необходимо твердо усвоить. Я об этом говорил на с'езде сельскохозяйственных и лесных рабочих. Здесь мне приходится повторить, что, конечно, во много раз легче вести борьбу на фабриках и заводах в капиталистической стране, где могут забастовать 10—12 тыс. чел., чем вести борьбу в сельском хозяйстве один на один с хозяином. Тут находишься не на заводе, не на глазах у людей — «на миру и смерть красна» — двенадцать тысяч всех не уволишь! — а в деревне, лицом к лицу с врагом, где классовая борьба развертывается не прикрыто, во всей наготе. Тут необходима солидарность всех рабочих для оказания всемерной помощи сельхозлесрабочим.

Опасности роста.

Несомненным достижением является рост численности членов профсоюзов. В прошлом году мы

об'единяли 10.248.000, а в настоящее время об'единяем 11.060.400 челов. Профсоюзы растут, — это плюс. Но не надо забывать и опасности, которую таит в себе этот рост.

В чем заключается эта опасность? В том, что у нас в нашем государстве самым почетным званием, самым высоким чином является звание рабочего. Раз ты рабочий, то лучшего звания и не может быть. Кто не рабочий или не крестьянин, тот во всех анкетах идет в графу «прочие». Любопытно, как я недавно узнал, что есть люди, которые в анкете на вопрос: ваше происхождение, так и пишут: «*прочие*». А если вы рабочий, член профсоюза, то значит, вы не только полноправный, но и привилегированный гражданин Советской республики. Так и сейчас — билет профсоюза, это значит билет на принадлежность к правящему классу. Но тут кроется известная опасность, потому что вот эти самые «прочие» тоже хотят жить, «прочие» тоже хотят иметь билет, чтобы стать гражданами первого класса, они тоже желают находиться в привилегированном положении. И теперь не раз приходят к нам и рассказывают, что членские билеты котируются, как в былые времена на бирже акции, и говорят, что вы можете по ценности билета, как говорят теперь, определить, сколь серьезен и крепок тот или иной союз. Например, билет союза металлистов котируется гораздо выше, нежели билет союза строительных рабочих. Попасть в союз металлистов труднее. Это требует сугубо-осторожно-

го отношения к вопросу об опасности засорения наших союзов, ибо через союзы льются на фабрики и заводы неорганизованные, а порой и далеко не пролетарские элементы.

Не нужно забывать, что у нас единая союзная книжка, что, вступив в один союз, каждый может механически перейти в другой союз, пойти на любую фабрику и завод. Не нужно забывать, что разные непролетарские элементы стараются, проработавши некоторое время, получить потом союзный билет и стать равноправным членом профсоюзной семьи, а потом можно стать и безработным. И когда я смотрю на цифры, говорящие о том, как мы растем, я считаю своим долгом и обязанностью, — несмотря на то, что наши враги могут сделать из этого кой-какие политические выводы не в нашу пользу, — нам на это не нужно обращать внимания, мы должны правду представлять для себя как она есть, — сказать, что для нас вырисовывается опасность некоторого засорения профсоюзных рядов.

Какие союзы растут? — спрашиваю я себя. Все союзы промышленной группы выросли в этом году на 14,1%, союзы работников государственных, общественных, торговых предприятий — на 15,4%, нарпит — на 51,8%, союз работников земли и леса — на 36,3%, строители — на 46,1%. Вот где собака зарыта! Статистика вам сигнализирует: смотрите те русла, по которым может итти наибольшая опасность засорения. Это нас заставило поставить некоторые преграды для вступления в союз

временных и сезонных рабочих. Это заставляет все союзные организации, особенно организации, об'единяющие сезонных и временных рабочих, обратить сугубое внимание на подбор чисто пролетарского состава, ибо параллельно с ростом числа членов растет количество членов союза, зарегистрированных на биржах труда. Цифры, подтверждающие это, вам огласит тов. Догадов. Эта опасность есть и на нее нужно обратить должное внимание.

Не терять перспективы. Основное — тесная связь с массой.

Переходя к отдельным отраслям нашей работы, в частности, к организационной деятельности, я должен напомнить, что на каждом губс'езде профсоюзов, на каждом отдельном с'езде производственного союза, везде говорится: «ближе к массам», «ближе к массам», и все-таки приходится начинать и кончать каждый доклад все этим — «ближе к массам». Приходится неустанно, терпеливо раз'яснять о том, что лозунг «ближе к массам» есть не только красивый лозунг, а он должен быть облечен в ряд практических мероприятий. Я уже показывал вам, что мало говорить о подходе к массам вообще; нужно суметь к каждому слою этой массы найти соответствующий наиболее практический подход. В условиях такого большого роста рабочего класса, вхождения в него новых слоев рабочих, возникает целый ряд трудностей и

опасностей в осуществлении стоящих перед нами задач. Первая опасность—это то, что называется узким делячеством. Зарывшись в практической работе, отдельные товарищи действительно порой теряют перспективы, «не видят из-за деревьев леса» и размениваются целиком и полностью на мелкие практические деловые вопросы, забывая об общих задачах рабочего класса. Отсюда потеря перспективы, потеря представления о движении классов, узость в подходе к воспитанию рабочих, опасность цеховщины.

Я должен здесь кстати сказать, что когда порою на профсоюзы сыплются обвинения в цеховщине, то в основном, я думаю, эти упреки не основательны. Но эта опасность есть. Некоторые зарываются в повседневную мелкую работу, думают только об интересах узкого круга об'единяемых рабочих, теряют перспективу общего движения рабочего класса и классовых интересов, отсюда ударяются в цеховщину. Отсюда могут возникнуть требования к пролетарскому государству, которые не соответствуют ни классовым интересам, ни задачам экономики настоящего периода. И вторая опасность — не видеть из-за леса отдельных деревьев, уйти целиком в перспективы. В перспективы смотрят, а под ноги не глядят. Смотрят, что будет через 10 лет, и подчас прекрасно видят, но как работать теперь, — этого не знают. Прекрасно знают о том, что мы идет к социализму, но *что нужно сделать сегодня,* чтобы содействовать этому, что-

бы ускорить это движение —этого не знают. Могут видеть движение рабочего класса *вообще* и говорить о связи с массами *вообще,* но не видят, не знают и мало интересуются тем, как при данном составе рабочих, при данной экономической и политической обстановке, при данных экономических ресурсах осуществить связь с массами, как не на словах, а на деле поднять ее в культурном и классовом отношении ступенькой выше. Такой работник порою может написать тысячу хороших резолюций, может прочесть доклад о ближайших задачах международного рабочего движения «вообще», может говорить о связи с массой также «вообще», но если он не умеет найти в данной конкретной обстановке необходимые методы работы для обслуживания и для поднятия на ступеньку выше в культурном и классовом отношении данной группы рабочих и работниц, то, пожалуй, для редакции газеты такой работник пригодится и, пожалуй, будет годен при наших невысоких требованиях работников в культотделе какого-либо ЦК или даже ВЦСПС, но на практическую работу в низах, там, где идет действительная живая работа в массе, туда такой работник негоден, такие работники там не нужны. Нужно уметь подобрать, найти в данных экономических условиях, при данных средствах такие методы, чтобы не на словах, а на деле установить крепчайшую связь с рабочими, с батраками, с временными рабочими. Нужно понимать, какие формы культработы для каждого

слоя рабочих нужны, как в эти формы работу облечь, каким языком говорить с ними. Вот, если этого профработник не знает, не умеет и этим не интересуется, то перспектива у него будет хорошая, а профсоюзник он из рук вон плохой.

Я позволю себе огласить несколько цитат по этому вопросу, ибо считаю чрезвычайно важным напоминать кое-что из наших настольных книг:

«Связь с массой, т.-е. с громадным большинством рабочих (а затем и всех трудящихся), является самым важным, самым основным условием успеха какой бы то ни было деятельности профсоюза». (XI С'езд РКП (б). Резолюция о профсоюзах).

Затем дальше:

«Для успешной работы профсоюзов недостаточно правильное понимание этих задач, недостаточно правильное строение их; необходим еще особый такт, *умение подойти к массе особым образом в каждом отдельном конкретном случае*, достигая с минимумом трений под'ема этой массы на ступеньку выше в отношении культурном, хозяйственном, политическом» (XI С'езд РКП (б). Резолюция о профсоюзах).

И, наконец:

«*Снизу до самого верха организация профсоюзов и их аппаратов должна быть создана и проверена практически на опыте долгого ряда лет.* Необходима система подбора ответственных товарищей из числа коммунистов, которые должны жить

рабочей жизнью, знать ее вдоль и поперек, уметь безошибочно определить *по любому вопросу, в любой момент настроение массы, ее действительное стремление, потребности, мысли, уметь определить без тени фальшивой идеализации* степень ее сознательности *и силу влияния тех или других предрассудков и пережитков старины,* уметь завоевать себе безграничное доверие массы *товарищеским* отношением к ней, заботливым удовлетворением ее нужд». (Там же).

Я боюсь, что порою такого ленинского, товарищеского отношения к массе, несмотря на все ее предрассудки, умения все эти предрассудки понять, бороться с этими предрассудками, относясь все же по-товарищески к этой массе, беря ее такою, какая она есть, без тени фальшивой идеализации, боюсь, порою этого не слышно и не видно в ряде отраслей нашей профсоюзной работы и особенно частенько в нашей культурно-просветительной работе.

Фабзавком и цех.

Я бегло коснусь еще нескольких оргвопросов. Общая генеральная задача оргработы — быть ближе к массам, быть внимательней к массам, уметь подойти к массам, к каждой группе, к каждому слою рабочих, учитывая их предрассудки, степень культурности, терпеливо, по-товарищески воспитывая их. Из этой общей, генеральной задачи следует, что попрежнему главными организационными

звеньями, точками опоры всей нашей организационной работы должны быть низовые звенья наших профорганизаций — фабзавком, цех и смена. Вот три направления в нашей низовой профессиональной работе.

И тут я позволю себе коснуться маленького вопроса, — во избежание того, чтобы он не вызвал больших прений у нас на секциях, — это — вопрос о взаимоотношении цеха и фабзавкома, вопрос сугубо деловой. Здесь, конечно, практикам с мест и книги в руки. Но некоторые практики с мест либо потому, что они недостаточно практики, либо потому, что недостаточно связаны с местами, в этом вопросе чересчур торопливы. Что наши цеховые бюро, наша работа в цеху дали нам большие результаты, это верно; что эту работу нужно развивать, это бесспорно. Но некоторые в своей торопливости делают отсюда выводы, что надо цеховые бюро наделить всеми правами фабзавкомов. Наши фабзавкомы, это — исторически сложившаяся организация, имеющая величайшие революционные традиции, знакомая каждому рабочему. Это одна из величайших осей нашей революции. И эту организацию хотят превратить в подрайком или отдел союза. Здесь уместно вспомнить многократные предупреждения Владимира Ильича о торопливости. Он всегда предупреждал: «пожалуйста, не торопитесь, особенно в больших серьезных делах, не торопитесь, если что-нибудь сделали, проверьте».

Я сейчас только оглашал цитату об аппарате профсоюзов, который должен быть проверен на основании опыта ряда лет. Проверьте, расскажите, какие плюсы и какие минусы у этой организации, изучите внимательно каждый оборот этого колесика и уже после этого делайте выводы. А разве мы повсюду уже организовали цеховые бюро? Далеко не повсюду. Разве все цеховые бюро наделены теми правами, которые они должны иметь по резолюции VII С'езда? Далеко не все. Куда же вы торопитесь? Почему те права, которые уже даны, не осуществлены, почему ими не воспользовались? Поэтому давайте сначала проведем от буквы до буквы то, что сказал VII С'езд, осуществим все права, предоставленные цеховым бюро, проверим некоторое время, как они будут работать, и тогда уже будем говорить о том, как перестраивать профорганы на заводе.

На протяжении 11 лет революции фабзавком являлся организацией не только союзной. Поймите вы это! Кто думает, что фабзавком является *только профсоюзной организацией,* тот ничего еще не понимает в организационном строительстве. В самые трудные, героические моменты нашей революции фабзавком превращался в советский вспомогательный орган. Разве это неправильно? Фабзавком об'единяет *не только членов союза, но и всех рабочих данного предприятия.* Он орган союза, но и не только орган союза, поймите это и не торопитесь с выводами.

Нам вообще нужно в нашей оргработе пойти немножко, может быть, замедленным темпом в отношении нововведений, но зато нужно побольше проверки того, что у нас делается. Правда, мы выносим много хороших резолюций, но мы торопимся выносить все новые и новые резолюции, забывая о том, что случилось со старыми. Это болезнь не только профсоюзов, но и всей нашей советской общественности. Правда, мы очень хорошо научились писать резолюции, но и то правда, что мы недостаточно хорошо научились писать краткие резолюции и плохо научились их проводить в жизнь. Они чересчур длинны, и поэтому их не все читают. Давайте писать покороче, обрезывать резолюции сначала или с конца. Но давайте те резолюции, которые мы выносим, изучать от буквы и проверять, проводятся ли они в жизнь или не проводятся, а если не проводятся, то выяснить почему. Если резолюция, принятая на данном с'езде, к будущему с'езду не будет проведена, нужно на следующем с'езде сказать, что такая-то резолюция не проведена в жизнь потому, что в том-то и в том-то мы ошиблись и такая-то была об'ективная обстановка, помешавшая проведению резолюции. Но нельзя делать так, как это делается: старые резолюции бросают в корзину и пишут новые. Что мы осуществили из резолюций VII С'езда и чего не осуществили? Никто из нас этого не знает, а это было бы очень интересно посмотреть. Нужно больше проверки, внимательной, об'ектив-

ной, тщательной проверки каждого союзного мероприятия, нужно больше внимания и наблюдения за принятыми решениями. Вот что должно стать общей руководящей нитью нашей союзной работы.

Кассы взаимопомощи — самодеятельные рабочие организации.

Я позволю себе сказать об отдельном маленьком вопросе — о кассах взаимопомощи. Я бы не стал касаться этого вопроса и затруднять им с'езд, ибо на III Пленуме ВЦСПС считали этот вопрос решенным бесспорно. Но его снова ставят отдельные работники из Всекобанка и работники касс взаимопомощи. О чем идет речь? Должны ли кассы взаимопомощи — самодеятельные организации рабочего класса, призванные развивать у рабочих чувства солидарности и взаимопомощи, призванные сорганизовать рабочих для помощи друг другу в трудные минуты жизни и тем самым воспитывать в них на почве доступных пониманию каждого рабочего интересов чувство пролетарской солидарности, — кассы взаимопомощи должны быть самодеятельными в том смысле, чтобы работать на средства членов или нечленов профсоюзов (это не обязательно) и оказывать друг другу помощь или же эти кассы взаимопомощи должны превратиться в такие организации, через которые наши советские банки, в том числе и кооперативный, будут кредитовать рабочих. Мы высказались на III Пленуме ВЦСПС, насколько помнится, против креди-

тования касс взаимопомощи банками. Должен предупредить, что я, пожалуй, согласился бы на это кредитование, хотя бы пришлось поступиться воспитательным значением касс взаимопомощи во имя практической помощи нуждающимся рабочим, если бы в наших советских банках были такие излишние деньги, которые могли бы пойти на кредитование рабочих. Но ведь этих денег нет, и такое решение является маниловщиной. Ведь вы поймите, что будет, если все одиннадцать миллионов членов профсоюзов будут кредитоваться нашими банками. А я утверждаю, что все члены профсоюзов в кредитовании нуждаются, я думаю, что даже $^{9}/_{10}$ из сидящих в этом зале нуждаются в кредитовании *(смех)*. И поэтому, если мы потребуем от банков кредитования, то получится явная чепуха, ибо наши банки не имеют таких свободных средств. Перед нашим пролетарским государством стоит задача — мы должны это прямо и честно сказать — об'единения мелких сбережений трудящихся и в первую очередь пролетариев. Аккумулирование, собирание этих мелких сбережений в государственных советских банках для кредитования дела социалистического строительства — вот основа нашей финансовой политики. Правильно это или нет? *(Голоса:* «Правильно»). И какому это только чудаку вздумалось всю эту политику вверх ногами ставить, ставить дело таким образом, чтобы те средства, которые мы собираем у трудящихся на дело социалистического строительства и социа-

листического накопления, пускать на кредитование через кассы взаимопомощи этих трудящихся? Ей-ей, товарищи, я был бы всей душой за то, чтобы наши банки кредитовали рабочих, и было бы очень хорошо, если бы это положение осуществилось. Но это время еще не наступило. И все эти иллюзии о том, будто какие-то банки через какие бы то ни было кассы взаимопомощи полностью или в значительной степени покроют нужду трудящихся в кредитовании, такие иллюзии могут привести к тому, что кассы взаимопомощи из самодеятельных организаций превратятся в филиалы банков, ибо если ты мне должен, если $^2/_3$ твоего оборотного капитала принадлежит мне, то я тебе диктую и порядок делопроизводства, я пожелаю осуществлять контроль над тем, как ты расходуешь деньги, я захочу направлять твою деятельность. Поэтому, товарищи, я предлагаю вам этот вопрос, если он будет поставлен перед с'ездом, решительно и бесповоротно отклонить.

Каленым железом выжечь растраты.

Я позволю себе коснуться еще одного вопроса, вопроса о растратах. Я уже говорил, что это позорное явление до сих пор еще не изжито. Быть может, с точки зрения сохранения престижа своей организации, с точки зрения того, чтобы о нас дурно не сказали, следовало бы об этом если не помалкивать, то во всяком случае поменьше говорить. Нас упрекают в том, что мы боимся самокри-

тики, не хотим самокритики, не любим ее. Я теперь перед лицом всех рабочих спрашиваю: хватило ли бы у какой-нибудь организации, кроме профсоюзной, поставить перед всем рабочим классом, перед всем населением страны, перед всем миром вопрос, сказать о том, что вот у нас существует такое безобразное явление, как растраты. У нас, у профсоюзников, по этому вопросу были некоторые колебания, и когда я впервые заговорил об этом, то некоторые заявляли: «Зачем вы отдаете нас на поругание наших врагов?» А разве это пятно не есть самое позорное пятно на нашем молодом, здоровом пролетарском теле, самое позорное, гнилое, гадкое пятно, которое нужно выжечь каленым железом? Когда я впервые говорил об этом, если мне не изменяет память, на с'езде швейников, и когда я потребовал растрела за растрату, то многие работники подходили ко мне и говорили: «Тов. Томский, мы не ожидали, чтобы вы были таким строгим и кровожадным». Но, товарищи, вы поймите, что растратчик это — худший враг рабочего класса, ибо он подрывает у организованных пролетариев веру в их выборные органы, ибо он действует разлагающе на своих товарищей, а безнаказанность растратчиков порождает самое легкомысленное отношение к растратам. Разве у нас в настоящее время нет растрат? Есть. А это значит, что мы плохо боролись, плохо пропагандировали, что надо эту борьбу усилить, эту пропаганду улучшить для того, чтобы в конец уничтожить это позорное для

нас явление. Мне очень много приходится слышать о растратах, несмотря на то, что я как будто бы сижу в четырех стенах. Я получаю письма с фабрик и заводов, ко мне приходят рабочие. Оказывается, что иногда, если тот или другой работник учинил растрату, проворовался, то его, правда, снимают с работы, но, принимая во внимание его пролетарское происхождение, снимают только для того, чтобы послать на другую, не менее ответственную работу. Как же после этого рабочие будут относиться к таким лицам? Получается, что растрата — не подлость, не преступление, а... несчастье. Подумайте только, какие бедненькие, какие несчастненькие! А вот и результаты этого самого «несчастья». За первое полугодие 1928 г. растрачено 442.766 руб. Это только то, что мы учли. Конечно, по сравнению с общим финансовым состоянием профорганизаций эта цифра небольшая, но мы не можем тут считать по-коммерчески — какой процент к обороту должны растаскивать *(смех)*. Этого мы не можем дальше допускать, с этим мы мириться не можем. Мы должны поставить своей ближайшей задачей — очистить наш класс, наши профсоюзы от этой гадкой, гнусной, позорной болезни. Мы должны привить рабочему классу отвращение к растратчикам, как к подлецам, провокаторам, ренегатам. Только при этом условии мы сможем переломить эту косную психологию. Общественная, пролетарская копейка — святая копейка. Недопустимо ни в коем случае такое положение, что-

бы растратчика снимали с одного места и посылали в какое-то другое хозяйствовать над деньгами. Такому человеку не место на работе. Каждый растратчик должен быть немедленно исключен из профсоюза и отдан под суд. *(Аплодисменты).*

Где воруют? Везде воруют в наших организациях — и в фабкомах, и в кассах взаимопомощи, и в клубах, и в уездных отделениях, в губернских, в областных — везде. Есть одна графа «нет сведений», т.-е. где-то воруют, а не знаем где *(смех).* Кто ворует? К стыду нашей «корпорации», должен сказать, что на первом месте стоят председатели. Как распределяются растраты по политическим группировкам? Нужно сказать, что почти равномерно: воруют беспартийные, воруют коммунисты, воруют комсомольцы, воруют и такие, о которых «нет сведений» *(смех).* Товарищи! Это наводит на печальные мысли. Отдельно скажу о молодежи. Молодежь, это — ведь наша смена, наше лучшее будущее, наша надежда. Старый рабочий вырос в капиталистических условиях, на нем лежат в большей степени наслоения и грехи прошлой рабской страны, он больше подвержен порокам, свойственным рабочим в обстановке капитализма, и для него можно найти какое-то извинение, но такого извинения мы не можем найти для нашей молодежи, для нашей смены, для нашей гордости. Ведь не для себя же мы бьемся, как рыба об лед, мы бьемся для своих детей — для будущего. Я вам скажу, как распределяются растратчики между

беспартийными и партийными. Среди растратчиков членов и кандидатов ВКП(б) — 31%. Если мы примем во внимание процент коммунистов в общем активе, то процент растратчиков среди коммунистов будет меньше, чем среди беспартийных. Таким образом, это соотношение за последний год изменилось к лучшему, т.-е. коммунистов в числе растратчиков стало попадаться меньше, чем это было в предыдущие годы. Я думаю, что это следует отнести за счет большей выдержанности, за счет большей воспитанности и за счет большей ответственности у членов партии. Беспартийных среди растратчиков 49,3%. Что касается молодежи, то здесь дело обстоит очень печально. В профсоюзном активе ни в одной графе нет больше 9% молодежи. В числе же растратчиков — молодежи 12,2%. Вот на что следует обратить внимание комсомола. Надо борьбу с растратами развернуть так, чтобы у тех, кто ворует, несмотря на их возраст, чубы затрещали. Если где остается у нас область, где не может быть никакой поблажки, где во главу угла надо поставить жесткие и суровые методы принуждения, — это в области финансовой дисциплины и бережного отношения к рабочей копеечке. Здесь мы пощады давать никому не будем. Должен сказать, что вопрос растрат волнует меня более всего, и я думаю, что он должен волновать каждого работника профдвижения. Если бы мы избавились от этого позора, — это было бы нашим величайшим достижением. Мы должны от этого

избавиться, мы должны каленым железом выжечь растраты!

Возьму цифру о растратах по прокурорским данным. Как вообще растраты распределяются по всему СССР и, в частности, по государственным и общественным организациям и какую долю занимают союзные растраты? В первой половине 1927 г. из общего числа всех растрат в государственных организациях было 40,6%, в кооперативных — 35,5%, в профессиональных — 5% и в других общественных организациях — 8,9%. Мы должны сказать, что даже в худшие времена мы стояли на довольно почетном месте, т.-е. у нас было по сравнению с другими организациями относительно благополучно. Но мы не довольствуемся этим, мы считаем это явление для себя позором и должны считать величайшим позором, пока в нашей системе будет иметь место хотя бы 1% среди общего количества растрат. Во втором полугодии 1927 г. соотношение осталось, примерно, тем же. В первом полугодии 1928 г. в государственных органах процент растрат снизился до 38,8, в кооперативных организациях процент вырос до 40,2, в других общественных организациях вырос до 16,3, а у нас снизился на 0,3, дойдя до 4,7. При плохой жизни и это утешение. Я думаю, товарищи, что мы должны во что бы то ни стало разделаться с этим явлением. Это есть наша главнейшая и важнейшая задача. Нетерпимо, чтобы в организациях рабочего класса, стоящего у власти, в организациях проле-

тариата, в классовых профсоюзах — школах коммунизма — были такие позорные, грязные, порочащие нас и порочащие наш героический класс явления. Позвольте быть уверенным в том, что мы борьбу с этими явлениями поставим своей первоочередной задачей и к будущему с'езду добьемся значительных успехов, вплоть до полного искоренения этого позорного явления.

Развертывание пролетарской самокритики—первое условие профсоюзной демократии.

Товарищи! Если я говорил, что в области профсоюзной демократии и ее развертывания мы достигли значительных успехов, то это ни в какой степени не преувеличение. Но что у нас эти успехи явно недостаточны, это тоже одинаково несомненно. Правда, в практике профсоюзной работы проявляются все реже и реже явные извращения. Но что эти извращения существуют и продолжают еще наблюдаться, — это тоже несомненно. И это требует от нас, особенно в настоящее время, когда перед нами стоят задачи сплочения рабочих, задачи вовлечения миллионов рабочих в активное дело социалистического строительства, — максимального развертывания профсоюзной демократии.

Проведение профсоюзной демократии должно вызывать максимально широкое развертывание пролетарской самокритики. В последнее время мы проводим это довольно серьезно и довольно крепко нас подвергают критике извне. Плохо это

последнее или хорошо? Вообще говоря, это хорошо. Если нам уделяют внимание, если нас критикуют, то это хорошо, но минус я усматриваю в том, что еще мало слышится голос масс в этой самокритике. Нас еще недостаточно критикуют массы, а для нас это самая дорогая самокритика, это именно самокритика непосредственно от массы, непосредственно от рабочих, об'единяемых нами. Это для нас самая ценная и самая важная самокритика.

Значит ли это, что, кроме низовых работников и рабочих масс, никто нас не должен критиковать? Ничего подобного. Мы говорим всем: пожалуйста, критикуйте нас сколько хотите, но самая важная для нас критика — критика масс — еще пока что-то молчит, не подает своего настоящего голоса. А самокритика широких пролетарских масс нам всего нужнее, и мы должны добиваться именно, чтобы массы заговорили. Мы ни в какой степени не претендуем на роль непогрешимых пап или бонз, которых нельзя критиковать. Пожалуйста, критикуйте, но при одном условии: дайте порой и нам покритиковать. Мы не можем ограничиться только самокритикой сверху. Нам нужна самокритика и снизу и сверху. Для меня лично, — и я думаю, что со мной и вы согласитесь, — критика со стороны массы членов наших профсоюзов, критика со стороны рабочих, со стороны широких масс служащих — членов наших профсоюзов — все-таки в сто раз важнее, чем критика самых умных, самых хороших, «стопроцентно» коммунистически на-

строенных газетных работников и литераторов, критика масс важнее, чем критика нашего брата, ответственного работника, который сидит в одних стенах со мною, под одной и той же крышей и который в течение нескольких лет совместной бок о бок работы не мог ни в чем меня поправить, не мог ничего предложить, сидел, в рот воды набравши, и вдруг — святая благодать, — им начинает овладевать дух самокритики, и он вдруг начинает ясно видеть тысячу недостатков в нашей общей работе. Может быть, он и прав, это его законное право критиковать. Но если критика исходит от рабочего, для всестороннего обслуживания нужд которого, поднятия его культурного уровня мы призваны, если в конечном счете мы увидим желание масс поправить нас, улучшить работу своих организаций — профсоюзов, — что в этой критике рабочий чувствует с нами связь, то это самое для нас дорогое, самое ценное. Именно такая критика поможет нам лучше обслуживать массы. А профсоюзы существуют для обслуживания рабочих масс. Развернуть самокритику масс, направить ее в здоровое пролетарское русло необходимо, потому что, если будет только издевательство или желание посмеяться, то это будет не самокритика, а зубоскальство, которое не будет отличаться от озорства. Правильно же направить самокритику для того, чтобы вскрыть недостатки, найти ошибки, найти неправильности в нашей работе, — это нужно делать беспощадно

так же, как и в отношении растрат, о чем я уже говорил. Это необходимо для того, что улучшить, исправить всю нашу работу. Вот эту критику, идущую непосредственно от рабочих масс, — самую дорогую, самую ценную и самую необходимую для развертывания профсоюзной демократии, — надо развивать, надо поощрять. В это русло здоровой пролетарской критики надо направить и профсоюзную самокритику.

Не в первый год и не впервые на этом с'езде мы говорим о необходимости развертывания пролетарской критики. Теперь это приходится повторять, но я думаю, что многие профессионалисты помнят наши выступления в Президиуме ВЦСПС, наши брошюры, директивы и письма, в которых мы убедительно призывали относиться с максимальным вниманием к критике рабочих масс.

Но тут же нужно сказать, что если человек выступит с критикой, а мы ему сейчас же наклеим ярлык или отмахнемся, как от надоедливой мухи, и, пользуясь своим опытом, своим авторитетом, своим положением, пользуясь тем, что наши слова более внимательно слушают, что у нас больше развита способность разговаривать, отмахнемся и скажем, что это — «бузотерство»: у тебя, мол, меньшевистское настроение, это хвостизм и проч., то, конечно, при таком отношении с нашей стороны к самокритике беспартийные рабочие будут помалкивать. То, что голос масс еще недостаточно слышен в профсоюзной самокритике, что самокритика

больше звучит сверху, это, я боюсь, есть показатель нетерпеливого и невнимательного отношения, а не товарищеской полемики, которая необходима для развития самокритики со стороны широких рабочих масс. Этой предпосылки для развертывания действительно широкой массовой самокритики мы как будто еще не сумели создать в наших профсоюзных организациях.

Что греха таить, еще часто можно наблюдать, что если против председателя какого-нибудь профсоюза, человека, умудренного опытом, привыкшего выступать на собраниях, умеющего говорить, выступит какой-нибудь рабочий, то он его сразу, пользуясь своим авторитетом, четырьмя плетьми огреет («бузотер», «меньшевик» и пр. и пр.), разделает и растянет, как заячью шкурку, на трибуне, и этот рабочий больше уже не выступит. Правда, в подобном случае такой ответ на самокритику не есть непосредственно-административный нажим. Это есть нетоварищеская полемика, бой не на равном оружии. Создать атмосферу товарищеской критики, товарищеской полемики, товарищеского отношения к критике рабочих, хотя бы в отдельных чертах и неправильной, это — очередная задача профсоюзов.

Необходимо самое широкое обеспечение свободы выборов.

Второе условие профсоюзной демократии, это— выборность. Одно время у нас выборы происхо-

дили только по спискам. Сразу выдвигается список, голосуется: «возражений нет. Нет, принято единогласно». Такая система была очень развита при голосовании на выборах фабзавкомов. Если потом эта система стала применяться уже как исключение из правила, то нужно сказать решительно и бесповоротно, что теперь голосованию по спискам в низовых организациях мы должны положить конец. Только ничем не ограничиваемая выборность, только обеспечение для широких масс пролетариев-избирателей возможности все обсудить и подготовиться к выборам, — расклейка списков кандидатур, широкое обсуждение их в цехах, непременное обсуждение на избирательных собраниях, — только широкое обеспечение выборности даст действительно широкое развертывание профсоюзной демократии.

Как курьез, я приведу один пример. Мне прошлый год пришлось столкнуться с одной забастовкой, происшедшей без ведома профсоюза. Я сам расследовал эту забастовку, сам вызвал руководителей данного завода, опросил их, послал инструкторов на место, со всеми печальными героями переговорил сам и выяснил небольшую подробность. Забастовка без ведома профсоюзов произошла на заводе, где председатель фабзавкома был избран в заводской комитет меньшинством голосов. Вот, когда существует такая избирательная конституция, что могут быть выбраны в фабзавком лица, получившие меньшее количество голосов, да еще

после этого пройти в председатели фабзавкома, — ну, тогда забастовка без ведома профсоюза гарантирована на 100%. Ибо такой фабзавком ни для кого не авторитетен. Такой председатель фабзавкома, будь он семи пядей во лбу, будь он очень хорошим и решительным человеком, коммунистом и обладай он всеми добродетелями, но у него нет одной добродетели — он не завладел доверием и уважением массы. И если нет у него такой добродетели, не место ему в фабзавкоме, не будет он иметь доверия массы и масса будет прятать от него свои нужды и заботы.

Задача обеспечения, проведения на деле самой широко развернутой выборности есть очередная задача профсоюзов.

Однако, товарищи, выборность, самокритика, развертывание пролетарской демократии, все это будет неполным для нашего класса, который осуществляет диктатуру пролетариата, является соучастником государственной власти и хозяином производства, которому требуется максимальная выдержка и стойкость, никакая демократия не будет полна без одного элемента: без дисциплины. Демократия предполагает дисциплину, а не исключает ее. Что толку в нашей демократии, если мы проголосуем: большинство проголосует «за», меньшинство — «против»? Но меньшинство вместо того, чтобы подчиниться большинству, скажет: «Ну, это дудки. Вы делайте, что хотите, а мы будем делать, как хотим». Никакой демократии не будет,

если каждый может проводить ту линию, какую захочет.

Демократия предполагает широкую выборность гласность, отчетность в широкой популярной для рабочих форме, широкую выборность, предварительное обсуждение кандидатур, права досрочного отзыва избранных. (Это мы должны обеспечить рабочим во всех союзных звеньях. Право досрочного отзыва тех, кто теряет доверие массы, это мы должны поставить, как залог развертывания профсоюзной демократии). Но профсоюзная демократия предполагает непременное подчинение меньшинства большинству. Демократический централизм, на основе которого построены наши профсоюзные организации, предполагает выборность снизу доверху всех звеньев профсоюзных организаций, их отчетность перед избирателями, но он предполагает также и подчинение директивам и руководству специально выбранных и уставом установленных профорганов. Без этого никакая работа, никакой успех, особенно в обстановке диктатуры пролетариата, где требуется максимум сплочения, максимальная выдержка, максимальное единство действия для рабочего класса, — обеспечены быть не могут.

Усилить профсоюзную дисциплину.

Если мы подойдем к профсоюзной дисциплине, то нужно сказать: демократия у нас хромает, самокритика хромает, выборность хромает, но и дис-

циплина тоже хромает. Возьмем ли мы пример с растратами, с нарушением союзной демократии, забастовками без ведома союза, много ли мы воспользовались правом, предоставленным нам строением наших союзов по принципу демократического централизма? Если у тебя в организации произошла растрата, безобразная растрата, если ты ее проспал, если у тебя чорт знает что творится, так нельзя ли тебя снять с этой организации и поставить вопрос о выборе другого? Мало мы и руководящие органы пользовались этим правом, — дисциплины у нас мало.

Мы в профсоюзе должны так поставить свою работу, чтобы рабочие со всеми нуждами, со всеми своими жалобами шли законным, естественным, нормальным путем, путем разрешения их в союзном порядке. Если фабзавком плох, нужно научить рабочих, чтобы они переизбрали фабзавком, научить отзывать засидевшихся, оторвавшихся, опустившихся. Наконец, чтобы они шли жаловаться в губотдел своего союза. Для этого есть почта, телефон, телеграф. Пора научиться в обстановке диктатуры пролетариата, в культурной форме отстаивать свои права. Каждый рабочий должен понимать, что остановка фабрики или завода, остановка хотя бы одного колеса, в условиях напряженного, интенсивного строительства социализма, перед лицом всех трудностей, которые нам необходимо преодолеть, является преступлением перед рабочим классом.

Если плох у тебя фабзавком, плох губотдел, потрудись пожаловаться в вышестоящую организацию. Всегда, когда происходит забастовка без ведома профсоюза, — это есть «свидетельство на бедность», в работе союза там, где происходит эта забастовка, но она показывает и недисциплинированность наших рабочих, некоторое легкомысленное отношение к профсоюзу: «Что я, дескать, в фабзавком пойду? Он плох!» А ты пойди выше, ты должен испробовать все пути. Это оздоровит профсоюзные организации и заставит их больше соприкасаться с нуждами, требованиями масс, лучше их отражать. К нам даже в ВЦСПС, иногда обращаются беспартийные рабочие с жалобами на нижестоящие союзные организации, значит, наиболее сознательные рабочие знают, как и куда надо обращаться с жалобами, и мало кто может сказать, что мы невнимательно отнеслись к обоснованным жалобам. Почему в тех организациях, где происходят безобразные выступления, союзу не разобраться в том, какими причинами они вызваны, кто виноват, кто именно из должностных союзных лиц невнимательно относится к нуждам рабочих и тем самым побуждает их на крайнюю меру? Правда, мы не запрещаем стачек, мы считаем, что даже в обстановке диктатуры пролетариата стачка есть законная, хотя и нежелательная форма борьбы, и мера эта допустима лишь, как решительная реакция против бюрократических извращений не только в хозяйственных, но и в профсоюзных орга-

низациях. Однако, применение этой меры представляется неправильным, когда рабочие предварительно недостаточно используют свои права, не использовали всех возможностей, чтобы разрешить нормально свои требования. Мы должны во всех звеньях требовать дисциплины. Мало того, что мы говорим, что в таком-то городе, в такой-то организации произошла растрата. А где те товарищи, которые этого не видели? Считаясь с требованиями союзной дисциплины, нужно спросить, почему не выполнено известное постановление, циркуляр или директива? С'езд должен сказать: если вы хотите нас обречь на такую роль, чтобы мы писали только хорошие, умные циркуляры (а наши директивные письма даже те товарищи, которые нас критикуют, считают хорошими), то вы будете читать наши письма, умиляться, говорить, что, дескать, душа радуется, как мы хорошо пишем, а потом соберете эти письма и превратите их в «настольную книгу», которой никто не читает. Но в таком случае не стоит для этого выбирать ВЦСПС, не стоит выбирать центральные комитеты, пусть каждый живет своим умом. Никуда не годится выполнять директивы лишь «постольку поскольку», и на каждом с'езде повторять прописные истины, что черное — черное, а белое — белое, что профсоюзную дисциплину нужно выполнять, что она не противоречит директивам и т. д. Развертывание профсоюзной демократии есть важнейшее и главнейшее условие, обеспечивающее связь с массами, выполнение за-

дач профсоюзов и в том числе их основной задачи — быть передаточным механизмом от партии к широким массам рабочих. Мы эту задачу должны и будем развертывать. Но параллельно с этим нужно развертывать и профсоюзную дисциплину.

Ошибки и недосмотры в области зарплаты.

Я уже говорил относительно зарплаты. В зарплате у нас имеются несомненные достижения, но не стану скрывать, что у нас в этой области имеются и ошибки и недосмотры. Мы не выполнили директивы с'ёзда о том, чтобы подтянуть зарплату рабочих отсталых отраслей промышленности и, в первую очередь, тяжелой промышленности до уровня зарплаты ушедших вперед отраслей промышленности. Нужно прямо сказать, что, как вы это видите по отчету, у нас получается даже некоторый рост зарплаты в ушедших вперед отраслях промышленности. Кто в этом виноват? Мы не отрицаем, что и мы виноваты, но чья вина больше, чья вина решающая? Когда мы сидим в высоких учреждениях, то товарищи хозяйственники с нами торгуются из-за каждой копейки, но как только они спускаются в низшие звенья, то охотно идут во всех так называемых «рентабельных», т.-е. доходных предприятиях на повышение зарплаты и решительно уклоняются от повышения зарплаты в предприятиях нерентабельных, дефицитных, т.-е. убыточных. Рентабельными предприятиями являются предприятия легкой промышленности, а не-

рентабельными долго еще будут предприятия горной и металлургической промышленности, и нерентабельными они являются не потому, что они действительно абсолютно нерентабельны, а в силу нашей политики цен: мы хоть завтра можем сделать угольную промышленность рентабельной, если только разрешим прибавить цену на уголь на несколько копеек, но так как мы цену на уголь регулируем, так как уголь — основа развития всей промышленности, то в силу этого уголь в цене вынужден отставать.

«Наверху» мы во всем согласны с хозяйственниками: и мы и они за повышение зарплаты в тяжелой промышленности, за подтягивание ее к уровню легкой промышленности. На практике же «внизу» хозяйственники говорят, что никак нельзя повышать зарплату в тяжелой промышленности, или же нужно дать дополнительную дотацию, помощь со стороны государства. А так как дотации получить нельзя, то получается попрежнему отставание зарплаты в тяжелой промышленности. Правда, мы недостаточно проверяли существующее положение с зарплатой, недостаточно настойчивы были в отношении тяжелой промышленности, но факт остается фактом. Товарищи хозяйственники в легкой индустрии ставят нас зачастую в очень тяжелое положение: какой же профсоюз откажется от увеличения зарплаты? Где вы это видели? Да и не может профсоюз итти на это, не может он быть *более бережливым,* чем хозяйственник, кото-

рый за это отвечает. Регулирование этого вопроса лежит в области усиления *тарифной дисциплины среди хозяйственников.*

Производственное совещание — важнейшее орудие вовлечения рабочих в управление государством.

Важнейшим вопросом для нас в нашей массовой экономической работе является вопрос о производственных совещаниях. Программа коммунистической партии гласит:

«Обеспечивая, таким образом, неразрывную связь между центральным государственным управлением, народным хозяйством и широкими массами трудящихся, профессиональные союзы должны в самых широких размерах вовлекать последние в непосредственную работу по ведению хозяйства». (Программа ВКП (б).

И дальше:

«Участие профессиональных союзов в ведении хозяйства и привлечение ими к этому широких масс является вместе с тем и главным средством борьбы с бюрократизацией экономического аппарата советской власти и дает возможность поставить действительно народный контроль над результатами производства». (Программа ВКП (б).

XIV Съезд партии говорит:

«Наилучшей формой втягивания широких рабочих масс в дело практического строительства советского хозяйства, воспитания в них тесной зависимости интересов трудящихся от степени хозяй-

ственных успехов социалистического государства, выдвижения и воспитания новых кадров хозяйственников, администраторов из среды рабочих, являются производственные совещания при фабриках и заводах и других крупных предприятиях и хозяйствах».

Я думаю, товарищи, что лучше, чем сказано в оглашенных цитатах о производственных совещаниях, едва ли можно сказать. Программа ставит общие задачи, XIV же С'езд партии говорит: «а вот и аппарат для осуществления этого — производственные совещания»; десятком авторитетных учреждений — XV Партконференцией, VII С'ездом профсоюзов, Пленумами ВЦСПС, с'ездами производственных союзов и т. д. — подтверждена важность, нужность, но вместе с тем и трудность работы производственных совещаний, подчеркнута необходимость руководства ими. Улучшилась ли работа производственных совещаний? Если об'ективно говорить, то это можно сказать одним коротеньким словом — *немножко*.

Продолжается и наблюдается все еще подмена производственных совещаний производственными комиссиями, попрежнему наблюдается случайность всей этой работы. Целый ряд профессиональных организаций к этой работе относится, как к какой-то побочной сторонней, союзной работе. Здесь нет статистического учета, нет собирания опыта, до сих пор профсоюзы не постарались это наладить. Руководство работой производственных совеща-

ний все еще весьма несовершенно. Здесь нужно создать какой-то коренной перелом, совершить переворот. Довольно уже говорить хорошие слова о производственных совещаниях, мы этих слов столько наговорили, что сейчас лучше будет на год замолчать, ничего не говорить о производственных совещаниях, но, засучив рукава, работать и работать, ибо главным здесь является работа.

Если мы обратимся к статистике производственных совещаний, то увидим, что статистика также весьма несовершенна, что здесь сдвига нет. Но и эта статистика показывает, что происходит обычно подмена, упрощение, обход, увертка, замена производственных совещаний производственными комиссиями. Учет работы производственных совещаний поставлен недостаточно удовлетворительно. Интересно отметить, что сама статистика по производственным совещаниям несколько «приспосабливается» к потребностям момента, к тому, чтобы создать благоприятное впечатление. Я, например, обратил не так давно внимание на то, что статистика к отчетным союзным органам, к с'ездам, конференциям и т. д., отмечая все моменты о производственных совещаниях — и количество рабочих, посещающих это собрание, и количество активно в них участвующих, и т. п. — упускает одну деталь: как часто собираются производственные совещания. Когда мы подходим ближе к этому вопросу, то оказывается, что производственные совещания в большинстве случаев собираются три раза в год.

Поэтому лучше не считать и не писать на тему, сколько раз в год собираются производственные совещания. Когда мы поставили производственные совещания на первую ступень их работы, мы сказали, — займитесь конкретными и практическими вопросами, затем от простейшего переходите к сложному. Далее мы сказали: — производственные совещания в основном, вчерне, с простыми задачами справились, не пора ли перейти к более сложной, к более систематической работе. Очень часто мне от рабочих приходится слышать, что в работе производственных совещаний царит хаос, царит бесплановость и несистематичность и т. д. Очень часто у нас за плановостью кроется печальная вещь. Плановость часто понимается так: говори по плану, а без плана ни мур-мур, не смей слова сказать, ясно, что при такой постановке дела ничего хорошего из производственных совещаний не выйдет. Давайте план для производственных совещаний вырабатывать ориентировочно, но предоставим этим молодым организациям, работая в общем и целом по плану, отходить от этого плана. Предоставим такую возможность производственным совещаниям. Ведь не всегда же у нас на предприятиях «по плану» вертятся станки, иногда они и перестают вертеться не по плану, не всегда все делается по плану. Так, что давайте, на наших производственных совещаниях, ставя в первую очередь самые важные, самые насущные и неотложные вопросы, вместе с тем, и отходить от плана.

Нужно сказать, что все еще до сих пор наблюдается несколько пренебрежительное отношение, даже значительное непонимание роли производственных совещаний. Некоторые ноты, прозвучавшие со стороны части хозяйственников в последнее время, внушают мне тревогу за производственные совещания, ибо эти ноты свидетельствуют о непонимании тех задач производственных совещаний, о которых сказано в приведенных цитатах. Если бы эти хозяйственники рассматривали место производственных совещаний в нашей советской системе в таком разрезе: производственные совещания служат для привлечения рабочих масс к делу управления всем государством и, в первую очередь, своим хозяйством, что в этом основная задача всей советской общественности, без разрешения которой немыслимо ни строительство социализма, ни индустриализация, ни рационализация и вообще немыслимо ничего с места сдвинуть без поддержки широких рабочих масс, ничего нельзя сделать, если бы они так подошли к этому делу, и спорить бы было не о чем.

Если же, подходя к производственным совещаниям, считать, что задача их заключается в улучшении производства и только в улучшении производства, если подходить с этой относительно узкой точки зрения, то ясно, что производственные совещания, безусловно, должны своей работой улучшать производство. Но не только в этом их задача, они являются и школой управления, и системой

втягивания в советскую общественность широких слоев рабочего класса, и системой осуществления прав рабочего, его прерогатив, как хозяина страны. Подходить к этому вопросу узко — значит недооценивать, не понимать роли производственных совещаний.

Иной раз раздаются голоса: «производственные совещания мешают работать», «не было печали — черти накачали» и т. д. Подумайте, три раза в год собираются производственные совещания, и они уже кому-то мешают работать! Со стороны создается впечатление, будто непрерывно заседают производственные совещания, будто непрерывно отчитываются инженеры и директора. В действительности оказывается, что производственные совещания собираются только три раза в год. Необходимо поставить вопрос о более частом созыве производственных совещаний, на первое время хотя бы двенадцать раз в год. В таком случае можно было бы хозяйственникам лучше ознакомиться с рабочими, лучше им понять друг друга. Поэтому перед нами стоит задача — почаще созывать производственные совещания, а не подменять их производственными комиссиями.

Больше внимания временным контрольным комиссиям.

Нашим несомненным завоеванием и экзаменом на нашу экономическую, хозяйственную и организационную зрелость являются контрольные комис-

сии. Если два года тому назад контрольные комиссии были под сомнением, если тогда были люди, которые скептически смотрели на них, то теперь нужно сказать: в лице контрольных комиссий мы нащупали и осуществили могучий инструмент связи с массой, могучий инструмент для вовлечения рабочих в активное строительство и сознательное, хозяйственное отношение к производству. Мы повысили компетентность массовых производственных организаций — это не подлежит сомнению. Но сейчас встает вопрос о том — сумеем ли мы этими прекрасными организациями руководить так, чтобы они оправдали те надежды, которые мы на них возлагаем и которые они, несомненно, могут оправдать. Можем мы это сделать или нет? Первый опыт был не плох. В дальнейшем стало хуже. Когда контрольные комиссии насчитывались десятками, были ошибки, были просчеты, но общий результат был хорош. На второй стадии, когда мы стали насчитывать их сотнями, результат был не плох. После этого все союзы, все города стали требовать: дайте нам контрольные комиссии. В результате, после долгих разговоров и обсуждений, мы довели количество контрольных комиссий до двух тысяч, вернее, не довели, а согласились на такую цифру для всего СССР, хотя требования были больше. Идя навстречу профорганизациям, мы сказали: даем две тысячи комиссий, вам столько-то и т. д. Все как будто стали довольны. А сколько из двух тысяч организовали? Организовали только тысячу. Наши

профорганизации не удосужились организовать 50% ВКК — органов действительно пролетарского, специального, целевого контроля над производством. Это величайший массовый опыт, который для нас является экзаменом на зрелость. Мы его выдержали плохо. Необходимо обратить большее внимание на временные контрольные комиссии, всемерно помочь им союзным аппаратом, суметь привлечь, помимо союзного аппарата, бухгалтеров и вообще сведущих лиц, при неудачах помогать рабочим, исправлять ошибки, достижения, обобщать и делиться ими в других комиссиях и т. д. — вот очередные задачи по отношению к контрольным комиссиям.

Беспощадная борьба против расхлябанности и разгильдяйства.

Я хотел бы коснуться еще одного вопроса из области тарифно-экономической работы — это о трудовой дисциплине. Несомненно, что за последнее время наблюдается некоторое ослабление труддисциплины. Мы должны приложить все усилия для изжития этого отрицательного явления. Я позволю себе огласить некоторые цитаты из ранее принятых решений, которые должны быть известны каждому профессионалисту. Вот цитата из резолюции XI С'езда РКП (б):

«Сознательно и решительно перейти к упорной, деловой, рассчитанной на долгий ряд лет работе практического обучения рабочих и всех трудя-

щихся управлять народным хозяйством целой страны, неуклонно повышая дисциплину труда, и культурной формы борьбы за нее и за повышение производительности» (из резолюции XI С'езда РКП (б).

Вот другая цитата:

«В то же время очередной задачей профсоюзов является планомерная неустанная работа над укреплением профсоюзной и трудовой дисциплины, решительная борьба с анархическими приемами, применяемыми отдельными группами рабочих для разрешения экономических и бытовых вопросов («волынки», забастовки без разрешения союза и т. п.) без того, чтобы исчерпать законные и нормальные методы удовлетворения своих претензий» (XV Конференция ВКП (б). О работе профсоюзов).

Это цитата из резолюции XV Конференции ВКП(б). Эти основные документы профдвижения говорят о необходимости борьбы за трудовую дисциплину. В последнее время наблюдаются анархические формы выступления, это мы видим в выступлении рабочих ленинградского «Скорохода». Это свидетельствует об общей расхлябанности трудовой дисциплины. Надо сказать прямо, что на ближайшее время важнейшей задачей в нашей тарифной политике является, при относительно ограниченных возможностях в повышении зарплаты, повышать производительность труда и трудовую дисциплину. Мы должны прямо сказать рабочим, как организация, ответственная перед

ними, что в настоящем году темп роста зарплаты будет замедлен потому, что мы взвалили на свои плечи невиданное в мире по размаху капитальное строительство, и что это капитальное строительство даст такой мощный толчек, что в ближайшие годы обеспечит дальнейшее улучшение экономического положения рабочего класса. Если мы откажемся от индустриализации, то это грозит гибелью. Поэтому наша очередная задача на ближайшее время выполнить на 100% то, что закреплено по колдоговорам. Здесь никакого смягчения, никакой дружбы между хозяйственником и профессионалистом не должно быть, как не должно быть и никакого снижения. Профессионалист и хозяйственник, в период заключения колдоговора учтите точно и строго ваши возможности, взвесьте ваши ресурсы и подписывайте только то, что можете выполнить. Подписавши колдоговор, профсоюзы должны добиваться без всякой проволочки и увиливания выполнения того, что подписано. Но когда мы так говорим, то мы, профсоюзы, склонны толковать это так: требуйте безусловного выполнения колдоговора со стороны хозяйственников. То, что должны выполнять со своей стороны профсоюзы, мы об этом умалчиваем, как будто мы всегда выполняем колдоговор. Это не так. Что значит выполнять колдоговоры? Это значит выполнять правила внутреннего распорядка, выполнять требования трудовой дисциплины, предусмотренные колдоговором, это значит выполнять все,

что из колдоговора вытекает. Мы, профсоюзы СССР, никогда не отказывались и не отказываемся от этого в интересах нашего класса в целом, ибо у нас каждая копейка идет не в карман капиталиста и буржуазии, а идет на строительство новых фабрик и заводов, на создание новых ценностей и на удовлетворение потребностей рабочих. Мы никогда не считали позором, а, наоборот, святой обязанностью добиваться большего и большего поднятия производительности труда и большей трудовой дисциплины. И если вы предложите всякому культурному профессионалисту и культурному рабочему такой вопрос: «Что хочешь: работать покороче, но хорошо и исправно, или длинный рабочий день тянуть бесконечно?», то, конечно, каждый культурный рабочий скажет: «Давай покороче рабочий день, лучшие, более культурные условия труда, хорошую зарплату, а я дам хорошую работу, интенсивный и насыщенный рабочий день». Вот как ставит культурный рабочий вопрос о защите его интересов, а тем более в обстановке диктатуры пролетариата.

Когда сейчас говорят о наших недостатках, о слабой дисциплине труда, то нужно возразить против одного уклона. У некоторых хозяйственников, в особенности во время развертывания самокритики, есть такая мера: когда нужно говорить рабочим о прибавке, то хозяйственник выходит на трибуну и говорит: «Мы подсчитали свои ресурсы и решили прибавить», и тут аплоди-

сменты, крики «браво, Иван Петрович» и т. д. А когда нужно говорить о поднятии трудовой дисциплины, тогда хозяйственники перекладывают это дело на профсоюзы, на фабкомы. Я считаю, что это однобокое распределение обязанностей. На профсоюзе лежит, как неот'емлемая, основная его задача, защита экономических интересов рабочих, но эта задача не противоречит, а, наоборот, увязывается с общеклассовыми задачами, задачами максимального развития производительных сил страны, поднятия трудовой дисциплины, борьбы с распущенностью, расхлябанностью и т. д. Неправильна попытка превратить профсоюзы в маленький плохенький политотдел, который должен бороться только за поднятие производительности труда, только за трудовую дисциплину в то время, как хозяйственник будет стоять сбоку, заложив руки в карман, и говорить: «Профсоюзы ничего не делают». Извините! Мы, профсоюзы, должны поддержать каждое хозяйственное мероприятие, направленное к поднятию производительности труда, мы должны быть инициаторами прогрессивных форм производства. Это — верно. Но мы не одни должны делать эту работу. Плох тот хозяйственник, который увиливает от этой работы и хочет переложить всю работу на профсоюз. Такого хозяйственника надо гнать из предприятия. Эта работа должна вестись и хозяйственником и профсоюзом, и только увязка двух отмеченных мною задач — задачи повышения труддисциплины

и задачи улучшения материального положения рабочих — означает правильную постановку вопроса о защите профсоюзами экономических интересов. Нельзя вести борьбу за прогрессивные формы производства без борьбы против расхлябанности, против разгильдяйства. Как профсоюзы могут бороться, я уже говорил и привел цитату Ленина, где сказано о необходимости неуклонного повышения труддисциплины и культурных форм борьбы за нее и за повышение производительности.

Правильная постановка культурной работы — важнейшая задача.

А что такое культурные формы борьбы? Это значит, что мы с вами отошли от периода военного коммунизма, когда, нечего греха таить, в некоторых союзах чуть ли не устраивались арестные дома. Это, конечно, не была культурная форма, когда сами союзы, сидя рядом с директорами, налагали на рабочих дисциплинарные взыскания. Культурная форма подразумевает поднятие производственного воспитания, поднятие дисциплины, создание такого общественного мнения пролетариата, при котором всякий прогул, расхлябанность, небрежное отношение к инструментам или материалам считается некультурным, антисоциальным, антиклассовым проступком. Вот что такое борьба за культурные формы дисциплины труда.

Товарищи! Культурная работа остается нашей важнейшей и труднейшей проблемой. Несомненно,

немыслимо и невозможно для нас разрешить все те задачи, которые мы взяли на себя, без культурной революции. А что такое культурная революция? Во-первых, это борьба с неграмотностью, и здесь нужно сказать, что профсоюзами не все делается для того, чтобы можно было считать, что эта работа ведется удовлетворительно. В деле борьбы с неграмотностью необходимы: терпеливое воспитание отсталых рабочих, подыскание специальных форм для поднятия их культурного уровня, борьба с чиновничьей брезгливостью, надменностью в отношении культурно-отсталых рабочих, товарищеское умение подойти к культурно-отсталым рабочим, подыскать новые формы для обслуживания их. Вот эта основная задача в области культурной работы. Необходима борьба за производственную культуру, борьба за новую культуру на предприятиях. Таковы огромные задачи, стоящие перед профсоюзами.

Надо сказать, что в нашей культурной работе именно потому, что эта работа молодая и слишком разносторонняя, мы наблюдаем все время некоторую качку. Иногда мы, обращая внимание исключительно на политпросветительную работу, забываем и не удовлетворяем другие культурные нужды рабочих, и рабочий бежит от нас в пивную. Я недавно читал в стенограмме собрания беспартийных рабочих одного из крупных передовых предприятий Москвы буквально следующее. Один рабочий говорит: «В клубах у нас еще неинте-

ресно, духота, давка; невольно пойдешь в пивную, потому что в пивной сидишь спокойно, тут тебе и балерину, хоть простенькую, посмотришь и какой-нибудь музыкальный номер, и бутылку пива выпьешь и с товарищем можно толковать». А мы вот пока еще не сумели нащупать эти потребности рабочих, и они попадают в пивную и смотрят дешевую балерину, а в клуб не идут. Другие клубы, наоборот, качнулись исключительно в сторону художественных постановок, кино, а политическая работа, воспитательная работа у них куда-то исчезает. То качнемся только к развлечениям, то только к политической работе и забываем о развлечениях. А, между тем, самые серьезные документы самых важных наших собраний говорят о необходимости всесторонней клубной работы. Сейчас под разными видами в клубы просачивается самая паршивенькая халтура, которая начинает пускать прочные корни, и когда наш пролетарский оркестр, который мы организовали, чтобы во время демонстрации рабочие шли с оркестром во главе, — оркестр, конечно, не очень хороший, не такой, как в Большом театре, но для клуба все-таки очень хороший, — когда этот оркестр начинает играть для своих рабочих организаций *за деньги,* когда он от своей родной организации требует «за выступления», то от этого оркестра трубы надо отобрать, а музыкантов разогнать, и это будет по всем правилам союзной демократии.

То же самое делают и другие наши кружки, в которые просачивается халтура. С этой халтурой нужно бороться. Перед нами стоит величайшая задача: из новых молодых рабочих, идущих на фабрики и заводы, воспитать сознательных борцов за свои классовые идеалы. Эта величайшая задача должна выполняться не только во всей системе культпросветработы, но и во всей системе союзной работы. В первую очередь это задача наших клубов, красных уголков.

Меня удивляет, когда наши культработники проявляют односторонность и заявляют, что это есть задача исключительно культпросветработы. Это полное непонимание задач всей системы профсоюзной работы. Разве классовое воспитание рабочих ведется только методами культработы? Каждое делегатское собрание, каждое общее собрание, каждый доклад по тарифной работе должен быть увязан с общими задачами рабочего класса, с общими перспективами социалистического строительства, со всеми трудностями и достижениями рабочего класса. Только тогда это будет понятно рабочему. Разве каждое, хорошо проведенное делегатское собрание, конференция фабзавкомов, цеховое собрание, разве это не есть школа воспитания рабочего класса? Вот почему, когда культурники говорят, что задача воспитания рабочего класса — задача исключительно культотделов, то это, конечно, очень хорошо характеризует их отдельческий патриотизм. Но это пока-

зывает, что они забывают о том, что вся система профсоюзной работы есть школа коммунизма и классового воспитания пролетариев.

Мы принимали очень хорошие решения о клубах, о том, что клубы должны заниматься политическим и классовым воспитанием рабочих, что клубы должны попрежнему удовлетворять разносторонние запросы и интересы рабочих. Но, однако, все время получается какая-то качка. Эту качку надо прекратить, надо заявить ясно и бесспорно, что клуб является таким местом, которое обязано обслуживать и удовлетворять всесторонние запросы рабочих, их разносторонние культурные потребности. Клубы, несомненно, должны давать классовое политическое воспитание, здоровый отдых и здоровые развлечения. Они должны воспитывать сознательного активного борца за классовые интересы.

Если мы так поставим задачу нашей профсоюзной работы и культработы, то это нам поможет проще подойти к вопросу об изгнании из клубов халтуры. Есть у нас сейчас опасность халтуры, опасность безыдейности, беспринципности в клубах, но не меньшая опасность есть и от некоторого интеллигентского ригоризма, который порой выталкивает рабочих в чайную и в пивную из своих рабочих клубов. Товарищи! Мы говорим о том, что одним из симптомов оживления деятельности социально-враждебных групп является некоторое оживление религиозных настроений среди отста-

лых слоев рабочего класса, в частности, среди баптистов. А если это так, то имейте в виду, что тот рабочий, который не найдет удовлетворения у вас в клубе, пойдет либо к баптистам, либо в пивную. Вот куда он пойдет. И когда говорят, что в том, что растут или вновь появляются религиозные настроения среди рабочих виноваты социально враждебные нам классы, ну, конечно, это есть отражение их влияния; но, товарищи, давайте говорить и так — нечего на зеркало пенять, если рожа крива! — виноваты и мы с вами; мы не можем как следует удовлетворить духовные нужды рабочих.

Вот передо мной отчеты, которые говорят: «работа в политических кружках падает, рабочие бегут из кружков». О чем это говорит? Это говорит о том, что эти кружки поставлены отвратительно, рабочие бегут из них зачастую — значит тоска в них. Значит, у нас нет хороших пропагандистов, значит мало уделяем мы этому внимания. Внимание нужно направить не на то, чтобы рабочих за шиворот в кружки тащить, а на то, чтобы дать хороших пропагандистов, которые увлекли бы рабочих, заинтересовали бы так, чтобы рабочий охотно шел в кружки, а не бежал из них.

Против «системы» выворачивания мозгов.

Когда мы говорим, что культурная революция требует борьбы с целым рядом бытовых наследий старого с некультурностью в быту, с новыми налетами и настроениями, влияниями социально-вра-

ждебных групп, с такими явлениями, как религиозность, антисемитизм, то мы должны сказать о том, как нужно с этим бороться и как не нужно с этим бороться. У нас в клубной работе и в культпросветработе есть все еще душок методов командования, навязывания, есть еще методы интеллигентского выдумывания форм работы, без учета состава, культурного уровня, потребностей рабочих. Вместо того, чтобы к рабочему подойти товарищески, нащупать, о чем он думает, какие у него потребности, и если он отсталый, исходя из его отсталости, без фальшивой интеллигентской идеализации взять его таким, каков он есть, стремиться в форме доступной ему на данном уровне поднять его на ступеньку выше, а у нас начинают подходить к нему с раздражением: некультурные, бей их, кроши, этого не смей, туда не ходи!

Вот передо мною один журнал, который одновременно свидетельствует и о нашем руководстве прессой — далеко не блестящем, и о некоторых наших культурных методах. У автора есть хорошие мысли в статье. Он говорит о том, что пора отказаться от методов нажима в культработе, перейти к действительной глубокой воспитательной работе. Мысль в основном верная и правильная, то, о чем я говорил. Потому ли, что он ее не умел выразить или сбивается с нее, он, как ни вертелся, а уйти от некоторых иных привычных методов мысли не мог. Я процитирую две цитаты. Одна о том, как низовой работник правильно охарак-

теризовывает методы нашей культпросветработы. Он так картинно выражается:

> «Эти методы руководства идут попрежнему, обычно, привычно выражаясь в словах: «гайку завинтить», «хвост закрутить», «мозги завернуть». Т.-е. руководство зачастую выражается в окрике, в организации. Оно направляется на форму, на организацию работы, а не на сокращение ее, не на качество». («Профессиональное Движение», Новосибирск, 39).

Вот, что пишет низовой работник. Вот именно: «гайку завернуть», «хвост закрутить», «мозги завертеть».

Так нельзя поступать! Необходимо, чтобы с'езд сказал и чтобы во всей нашей работе было проведено: не сметь «гайку закручивать» в культработе, не сметь «мозги завертывать» в культпросветработе, не сметь «хвост закручивать» в культпросветработе, а то таким работникам мы накрутим хвосты так, что они для блага нашей культработы уйдут, куда глаза глядят. На 11 году диктатуры пролетариата, в обстановке развертывающейся культурной революции нельзя «гайки закручивать», «мозги выворачивать». Это же люди такие методы употребляют, у которых у самих мозги на-бекрень.

Дальше он, автор этой статьи, говорит: «Необходима углубленная борьба с этими, как он называет, бытовыми явлениями враждебных классов,

баптизмом, антисемитизмом, с одной стороны, пережитками старого некультурного быта, алкоголизмом — с другой стороны». Он, однако, это сваливает в одну кучу. Он говорит:

«Теперь, когда в боевом соприкосновении находится идеология пролетариата с враждебной нам идеологией: с баптистами, алкоголиками, с упадниками, со всякими хлюпиками, которых много везде,— необходимо изменить метод работы». («Профессиональное Движение», Новосибирск, 39).

Вторая статья говорит:

«Откроем огонь пролетарской критики по всей враждебной нам идеологии: по пьянству, по сектантству и поповщине, по антисемитизму, по хулиганству, по упадничеству, индивидуализму, шкурничеству, домостроевщине, по хныканью, неверию в победу социализма, по нежеланию учиться». («Профессиональное Движение», Новосибирск, № 39).

Если мы будем рассматривать борьбу с алкоголизмом, как враждебную идеологию, далеко мы никуда не уйдем. Во-первых, алкоголизм, пьянство,— это не идеология и идеологии тут никакой нет. Во-вторых, как рассматривать под видом враждебной идеологии — пьянство? Среди кого пьянство? Среди нашего класса. Это нас, повидимому, интересует? Ну, если в нашем классе, в какой-нибудь отсталой группе, к предрассудкам, к пере-

житкам ты будешь подходить так, как к враждебной идеологии, если к пьянству и к бытовым явлениям, которые имеют глубокие экономические и социальные корни, будешь так подходить, будешь бить по ним так, как по баптизму и антисемитизму, то плохо будет с нашей работой.

Нужно всю систему культработы построить под знаком поднятия культурного уровня рабочих, создания действительно здорового отдыха для рабочих. Вот где лежит проблема физкультуры, как одного из методов борьбы с пьянством.

Борьба с баптизмом для профсоюзов сводится к борьбе с баптизмом внутри рабочего класса, борьба с антисемитизмом сводится к борьбе с антисемитизмом внутри рабочего класса. Какими методами бороться? Если мы будем закручивать, как враждебную идеологию, сразу бить по голове, то это будет плохой метод работы. Мы должны эти пережитки в рабочем классе, это влияние враждебных социальных групп в отдельных отсталых его слоях искоренять с помощью культурной и политической работы, памятуя, что это — рабочие, считаясь с их предрассудками, терпеливо разъясняя, воспитывая, поднимая их культурный уровень, действуя не наскоком, как против враждебной идеологии. Это дети нашего класса, они отсталые, некультурные, но мы условились, что к некультурным рабочим мы будем подходить не для того, чтобы разбить и раскрошить их, а чтобы поднять их на несколько ступенек выше.

Журнал, из которого я вам цитировал, это профсоюзный журнал, издающийся в Сибири. Вы видите, что даже в таких краевых органах, довольно серьезных, можно встретить смешение в одно, — пьянство, баптизм, антисемитизм и т. д. Мы должны рабочим терпеливо раз'яснять, что религия была, есть и будет методом одурачивания, обмана широких рабочих масс, методом классового угнетения имущим, господствующим классом широких масс трудящихся, что антисемитизм есть вредный пережиток, что национальная рознь тоже есть один из методов, применяющихся эксплоататорским классом для раз'единения трудящихся. Этим методом царь натравливал одну народность на другую, — армян на татар, русских на евреев, отвлекая этим энергию и недовольство рабочих в другое русло. Мы должны раз'яснять рабочим, что национальные предрассудки, национальная вражда противоречат духу классовой борьбы, сплачивающей всех рабочих, без различия национальности, цвета кожи, без различия их религиозных убеждений, в одну тесную семью, борющуюся с капиталом. Мы должны раз'яснять рабочим, что религия мешает этой борьбе. К рабочему, зараженному религиозными предрассудками, нужно подходить по-братски, по-товарищески, раз'ясняя ему и не отчаиваясь, если мы терпим неудачу, снова и снова возвращаясь к этому предмету и стремясь к тому, чтобы рабочий сознательно воспринял научное марксистское, материалистиче-

ское мировоззрение. Если же мы подойдем к этому вопросу при помощи «системы» закручивания и выворачивания мозгов, то у нас опять будут всякие уродливые явления в виде исключения из союза рабочих, посещающих церкви, и т. д.

Профсоюзную культработу и физкультуру разъединять нельзя.

Теперь я хотел бы отдельно коснуться вопроса о физкультуре и о нашем отношении к молодежи. Если мы поставим вопрос о том, какова роль физкультуры в работе профсоюзов, то мы должны будем ответить, что физкультура является одной из форм культурно-просветительной деятельности профсоюзов среди рабочих. Мы ставим своей задачей — воспитать боевого, сознательного, классово-выдержанного бойца из каждого рабочего и приспособить к этому всю систему нашей культурной работы, обслужить все разносторонние запросы каждого рабочего. Для нас, как мы уже не раз говорили, рабочий с большой головой или вообще человек с большой головой на тоненьких ножках — это не идеал человека, и было бы плохо, если бы мы воспитывали такого ребенка. Но не менее было бы плохо, если бы мы воспитывали рабочего с большими ногами, с громадными бицепсами, развитой грудной клеткой, но с маленькой головой. Это тоже никуда не годится. Мы заинтересованы в воспитании здорового поколения, в нейтрализации вредных последствий труда.

Поэтому физкультура должна быть увязана с работой по охране труда, с работой по исследованию трудностей труда, со всей нашей экономической работой. Физкультура должна быть увязана с нашей культурно-просветительной работой, ибо нам нужен рабочий-боец, физически крепкий, смелый, выдержанный, классово-сознательный.

Можно ли раз'единять профсоюзную культработу и физкультуру? Можно ли физкультуру выделить в самостоятельные общества, как этого требует молодежь? Способствует ли это единому универсальному воспитанию настоящего классово-выдержанного рабочего или нет? Я думаю, что это способствует воспитанию однобоких людей, ведет к уходу от массовых рабочих организаций, к попыткам замкнуться в узкой форме работы, в физкультуре и только. При этом вам надо будет либо внутри физкультурных добровольных обществ строить отдел по поднятию общего культурного уровня, но тогда это не будет только физкультурное общество, и тогда вы будете копировать профсоюзную работу, либо вы должны будете воспитывать в этих обществах только физкультурника, а на остальное вам будет наплевать, но тогда это будет противоречить делу воспитания выдержанного, физически-развитого, законченного рабочего. Поэтому тенденция обособления физкультуры — вредная тенденция, направленная к раз'единению, а не об'единению. И недаром некоторые товарищи из «Комсомольской Правды» договори-

лись до создания отдельных добровольных обществ по различным видам профсоюзной работы.

Мы из этого должны вынести кое-какие уроки. На прошлом с'езде некоторые из профсоюзников недоумевали, почему я так горячился по поводу брошюры, которая говорила о диференциации профсоюзной работы. Я указывал, что в этой брошюре проводится вредная тенденция, тенденция на расщепление, на расслоение нашей профсоюзной работы. И вот теперь говорят уже о создании добровольного физкультурного общества, завтра будут говорить о создании добровольного музыкального общества, потом о создании добровольного общества шахматистов и т. д. По примеру, мол, Западной Европы. Но в Западной Европе многим реформистским союзам выгодно дробить профсоюзную работу, капиталистам это тоже выгодно, и те, кто ссылается на Западную Европу, не знают, что многие из этих обществ, хоровых, певческих и т. д., находятся под протекторатом не пролетариата, а буржуазии. Конечно, для капиталистов выгоднее, чтобы рабочий только пел, а больше ничем не занимался. *(Аплодисменты)*. Для них, конечно, выгоднее, чтобы рабочий только дудил в трубу и не занимался ничем другим. Вот, пожалуйста, не угодно ли вам вести классовую борьбу через тромбон — и только. *(Аплодисменты)*. Если нас думают в деле постановки культурно-просветительной работы равнять по буржуазному Западу, то мы туда учиться этому

делу не пойдем. Как ни плоха у нас культурно-просветительная работа, она плоха, и многое надо исправить, нужно все-таки сказать, что у нас впервые в мире развернута такая многообразная, широкая и такая в общем гармоническая работа по воспитанию культурного рабочего. Эта работа у нас поставлена, как нигде в мире. В буржуазных государствах эта работа находится под влиянием буржуазии и ничего общего с классовой борьбой не имеет. Кое-кто побывал в Западной Европе, одним глазом видел, что там делается, ничего не понял во всей системе разделения и одурачивания рабочих, приходит и предлагает нам такие вещи. Увлечение техническими мелочами принято называть узким делячеством, и я, как «узкий делец», заинтересован вопросом о «монете». Мы, профсоюзники, говорим, что без денег ничего не сделаешь. Пусть молодежь строит свои добровольные общества, но зачем ей, в конце-концов, наша физкультура? Было бы глупо с нашей стороны, если бы мы сказали: «Вот мы ведем культпросветработу, а вы, молодежь, не смейте строить добровольческих обществ рабочих». Мы всех не охватили, и пусть они строят добровольные общества, разве мы запрещаем? Можно ли здесь спорить? Нет, здесь спорить нельзя.

Рабочих на всех хватит. Мы культработой обслуживаем какие-нибудь 10—20% рабочих. Ну, и вы обслуживайте на здоровье — о чем же спорить? Мы будем по своей системе обслуживать

рабочих физкультурой, а вы постройте свое добровольное физкультурное общество. Посмотрим, у кого будет лучше. Если у вас будет лучше, мы у вас будем учиться, если у нас будет лучше, вы будете у нас учиться. «Нет, — говорят они, — вы нам ваше отдайте». Но ведь вы желаете построить добровольное общество, — к чему же спорить? Стройте! «Нет, — говорят они, — строить мы-то будем, а вы нам денежек дайте». Вот в чем дело. *(Смех, аплодисменты).* Ну, это — своеобразная «добровольность», оригинальное разделение труда. *(Смех).* Нельзя ли, чтобы вы сами построили добровольное общество, сумели бы собрать от этих добровольных членов денежки, одним словом, все это дело организовать самым добровольным образом и затем показать нам — вот вы, дескать, ничего не понимаете в физкультуре, посмотрите, как это надо делать. Сделайте это, — челом будем бить! Вы же хотите, чтобы мы вам дали денег, чтобы отдали свою организацию, которую вы назовете добровольной, но которая будет «под общим руководством». Нам, товарищи, общее руководство не нужно. Стройте добровольное общество и руководите им от начала до конца, — мы ничуть не возражаем, рабочих на всех хватит. Есть же добровольное общество «Динамо», которое об'единяет рабочих (хотя и не рабочих тоже), оно нам нисколько не мешает. Пожалуйста, стройте десятки таких обществ, но только то, что у нас есть, мы сохраним и будем этим руко-

водить, так же, как до сих пор руководили, и не будем воспитывать *только* трубачей, *только* футболистов, потому что мы не хотим итти назад, не хотим брать в пример худшие образцы физкультуры буржуазного Запада. Мы будем итти по линии всемерного и всестороннего обслуживания наших членов, но ни в коем случае не станем на путь узких, специальных, замкнутых обществ, отрыва какой-либо одной формы работы от всей системы культурно-просветительной работы союзов.

Профсоюзы и молодежь — за братскую работу с комсомолом.

Раз я уж говорю о молодежи, то не могу не коснуться и некоторых других вопросов. Я с удовольствием вчера слушал первую часть речи тов. Мильчакова. Хорошо было бы, если бы он эту первую часть своей речи произнес так месяцев 6 тому назад. Тогда бы у нас не было полемики между двумя органами двух братских организаций, т.-е. между «Комсомольской Правдой» и «Трудом», не было бы пролито столько чернил, израсходовано столько бумаги и затрачено столько средств на гонорар за те статьи, которые порой этого не стоили. *(Смех)*. Много бы мы тогда избежали с тов. Мильчаковым, и это было бы очень полезно для комсомола и для профсоюзов. Мы всегда твердили, что комсомол — родственная нам рабочая организация, и когда со стороны отдельных профсоюзников проявлялись по отношению

к молодежи лейб-гусарские замашки, Президиум ВЦСПС всегда одергивал этих профсоюзников. Мы говорили, что молодежь, это — наше будущее, наша смена, это — родственная, братская организация. Нельзя к ним относиться грубо, свысока, когда они совершают ту или иную ошибку, когда сгоряча наскакивают на то, на что наскакивать не следует. Что это организация молодая, это — ее плюс, но вместе с тем это и ее минус. К этой организации нужно относиться с должным вниманием, как к массовой организации рабочей молодежи. Но чем является для нас молодежь? Подходить к молодежи так, как теперь подходят к ней ее же представители, — узко и явно неправильно. Что это за проблема «молодежь и профсоюзы»? Что это значит? Значит ли это, что комсомол об'единяет только молодых, а профсоюзы — старых? *(Смех)*. Так что ли? — Мы об'единяем рабочих всех возрастов, независимо от их пола, независимо от их политических и национальных убеждений, даже независимо от цвета их волос. Как же это так можно говорить, что для профсоюзов интересы молодежи не имеют значения? Как это понять? Позвольте мне, наконец, говорить, хотя бы от имени взрослых рабочих. *(Смех, аплодисменты)*. С точки зрения взрослых рабочих, — что такое молодой рабочий? Это сын взрослого рабочего. Так где же это видно, чтобы вдруг в обстановке диктатуры пролетариата взрослый рабочий сказал: «Нам на молодежь наплевать, пускай она

сама, как знает». Ведь это же дети рабочего класса, это же плоть от плоти, кость от кости рабочего класса. Как же можно говорить, что это — взрослый, а это — молодой. Такой подход не может содействовать сплочению рабочего класса. Рабочая молодежь, как часть рабочего класса, тесно и неразрывно связана со своим классом. Она имеет свои специфические нужды и интересы, а к этому нужно подходить внимательно, вдумчиво, чутко, как ко всякой особенности отдельных групп рабочего класса. Ведь взрослый рабочий, совершая революцию, знал, что не доживет до окончательной формы развернутого коммунизма, что революцию он совершает для молодежи. Ведь за эту же молодежь мы и дрались. А тут вдруг оказывается, что молодежь, это — что-то особенное, и мы, профсоюзы, на это «особенное» не обращаем внимания, и только один комсомол и болеет нуждами молодежи.

Мы, профсоюзы, классовая организация, не можем ставить перед собою задачу о том, чтобы заботиться только о молодежи, точно так же, как не можем поставить задачу заботиться только о взрослых рабочих. Если мы поставим в первую очередь обслуживание молодежи, во вторую очередь — женщин, то кто же будет защищать взрослых рабочих, кто о них, бедняжках, подумает? *(Смех).* Нельзя так ставить вопрос: этих — в первую очередь, этих — во вторую, а тех — в последнюю. Мы должны иметь в виду в первую очередь инте-

ресы рабочего класса в целом, ибо плохо будет, если у нас старые рабочие — отцы семейств — останутся без нашего внимания, точно так же, как если мы не будем уделять достаточного внимания нашей смене, нашей молодежи, нашему будущему рабочему классу, который должен будет сменить настоящий. Может быть, у нас имеются некоторые ошибки в наших отношениях с организацией молодежи,— это другое дело, практически укажите на эти ошибки, давайте их вместе исправим, но такое противопоставление, которое звучало в некоторых статьях, является не только нелепым, но и вредным. Если мы уделяем мало внимания молодежи, то ведь наша система построена таким образом, что всюду имеются представители молодежи для того, чтобы мы не забыли тех или других ее интересов. Для этого мы и берем от организации молодежи, от комсомола, представителей во все звенья союзных организаций. О специфических нуждах молодежи — вот о чем вы подумайте, вот о чем вы скажите. И вместе с тем, в процессе практической работы вы, молодые представители, учитесь обслуживать не только нужды молодых рабочих, но и нужды всего рабочего класса в целом. Вы наша смена и вы должны в процессе вашей, не только представительской, но и практической работы внутри профорганизаций, научиться работать так, чтобы могли с честью нас сменить, чтобы могли дать из своей среды хороших активистов. Нам уже нужно уходить в отставку, мы довольно

посидели, нужно дать другим посидеть. Дайте же смену. А для этого научитесь в процессе повседневной работы и внутрисоюзной организации, как нужно руководить рабочим классом, как нужно обслуживать его нужды. Несомненно, вы в будущем будете знать больше нашего. Вы, молодые представители, нам дороги, как звенья, осуществляющие связь между организацией молодежи и профсоюзной организацией, и вы, как ученики, должны перенять наш опыт, должны притти к нам на помощь. Но, когда вы ограничиваетесь посылкой отдельных представителей, которых рассматриваете, как полпредов к дружественной державе *(смех)*, тогда выходит очень плохо. Плохо, когда ваши представители являются с портфелями, повертываются на заседании и потом исчезают. Мне обидно и больно критиковать молодежь, ибо это лучшее из того, что у нас имеется.

Мы взяли работниц от станка, взяли женщин с низовой профработы, например, тт. Тихомирову, Чернышеву, Шаляпину и др., начали их воспитывать внутри аппарата и теперь никто не будет оспаривать того, что они действительно себя оправдали, и из них вырабатываются крупные работницы-профессионалистки, которые станут в одну голову с мужчинами. А вы, комсомольцы, дали нам работников, которые в процессе этого представительства, научившись работать в аппарате, стали бы крупными работниками? Нет. А почему так получилось? Только потому, что подход был

представительский, было беганье с портфелями. 8 месяцев посидел, его сняли. Где же тут система воспитания? Вы не дали нам работников, которые бы росли, воспитывались и учились овладеть профсоюзным аппаратом, а потом уже руководили. Вы претендуете прямо в руководители только потому, что вы молодежь, но ведь мы тоже были молодыми, это достоинство, но не очень великая заслуга,— каждый человек бывает молодым.

В последнее время мы претерпели ряд энергичных атак, что, мол, все нехорошо в профсоюзах, там не терпят самокритики, там плохое обслуживание интересов рабочих. Нужно сказать, что большинство этих атак были кавалерийскими и очень легкими кавалерийскими атаками. Мы не против самокритики, мы за самократику: мы хотим самокритики, особенно, как я говорил, ценим самокритику масс, но мы за деловую самокритику.

Мы очень терпеливо и внимательно вслушивались в вашу самокритику, изучали и систематизировали ее. Я приведу вам маленький пример. Я подвергался обстрелу из 12-дюймового орудия, но позвольте воспользоваться самокритикой и мне, рабу божьему. *(Смех)*. Вы хотите посмотреть, где у нас болит? Посмотрите, но для этого нужно войти в профсоюзный аппарат и нащупать, где болит. Посмотрите и научите, как исправить эти болячки. Мы вам все покажем, но в то же время нельзя ли и нам с точки зрения

рабочей самокритики посмотреть, что у вас делается? Вы за что ни возьметесь, — если у вас не удается, начинаете кричать, что профсоюзы виноваты, что они мало денег дают, не поддерживают и т. д. А членские взносы вы собираете? Собираете. А нельзя ли нам посмотреть, правильно ли и целесообразно вы используете эти деньги, как обращаетесь со своими финансами, нет ли у вас растрат, бережно ли вы относитесь к рабочей копеечке? Если мы тоже возьмемся за самокритику, то мы и у вас кое-что найдем. *(Аплодисменты, смех).* Теперь очень принято говорить: «О деньгах заговорили — это делячество». Скажите, пожалуйста! Если бы вы ни к кому не обращались за деньгами — это одно, а раз вы обращаетесь к папенькиному кошельку, потрудитесь и выслушать отцовские наставления. *(Аплодисменты).*

Делячество вредно, делячеством называется то, когда человек, зарывшись в маленькие вопросы, не видит больших, сбивается с принципиальной линии. Вообще же трезвый расчет необходим и этому учил нас Ленин. Революционные трескучие фразы он называл пустым делом. Он говорил: «Побольше дела, поменьше фраз». Тот, кто не умеет делать, а отделывается только звонкими революционными фразами, тот пустозвон. Учиться по-деловому и бережливо относиться к рабочей копейке — это важное дело. Нельзя так легкомысленно заявлять, как заявляете вы о делячестве. Давайте нам комсомольцев в казначеи. Давайте

мы научим вас считать рабочую копейку. Не сдергивайте с работы ваших представителей. Плохо будете считать, будем наказывать, как и взрослых. Вот система воспитания. Давайте нам работников и мы их будем учить. Давайте условимся, что через 2-3 года комсомол даст таких работников, из которых впоследствии выйдут активисты, руководители, которых можно будет послать в качестве представителей в Совнарком, в СТО, в ВСНХ и т. д. Давайте таких работников, но нужно, чтобы они учились. Теперь только одними общеполитическими вопросами не отделаешься, и для того, чтобы руководить хотя небольшим тарифным отделом, нужно знать экономику, нужно уметь взвесить все в связи с общими перспективами. Например, когда рассматривается пятилетка, нельзя сказать: пятилетка не хороша, а нужно доказать, где и в чем она не хороша, в'есться в нее, нужно уметь считать миллионами, десятками миллионов, сотнями миллионов и т. д. Нужно не шарахаться от миллионных цифр, а видеть в них картину всего бюджета, отражение всей экономики страны, чтобы оттуда уже отстаивать свои интересы. То ли мы видим от нашей братской организации? Вот я приведу выписку требований комсомола к нашим профорганизациям и, в частности, к с'езду: «наметить четкую линию в вопросе выдвижения молодежи», ну, — это общий вопрос. Затем: «принять меры к росту актива из молодежи». Я считаю, что это ваше, комсомольское дело. Дальше: «выделить

при профбюро специального работника по работе среди молодежи». Давайте сперва сделаем так, чтобы те, кто работают, работали хорошо, чтобы они учились работать, чтобы мы от вас получили активистов на руководящие должности. Мы хотим выдвигать, но давайте работать вместе с тем, чтобы вы учились. Читаю дальше: «перевод больных подростков с тяжелой работы на легкую». Почему подростков, а разве взрослого больного рабочего с тяжелой работы не надо переводить, а разве женщину с тяжелой работы не надо перевести? Почему только подростков переводить? Я считаю, что всякого больного человека, независимо от того, взрослый ли он рабочий, женщина, или подросток, нужно вообще к работе не допускать. Что за этим кроется? Если уже строго свидетельствовать, то все мы с вами окажемся больными и всех нас нужно перевести на более легкую работу. *(Смех)*.

Читаю дальше: «организация общежитий и коммун для молодежи. Организация летних дач-коммун молодежи. Большее выдвижение мест для подростков на курортах, санаториях и домах отдыха. Диспансеризация всех рабочих-подростков в городских и крупно-промышленных центрах. Ввести горячие завтраки в школах, ФЗУ и на производстве для подростков».

Я за горячие завтраки для молодежи, я за летние дачи для молодежи, я за культурное общежитие для молодежи, если мне только укажут, откуда

взять деньги. Больше того, я за дома-дачи для всех рабочих мужчин и женщин, старых и молодых. Я за горячие завтраки для всех рабочих.

Я за горячие завтраки и для мужчин, и для женщин. Если хотите так ставить вопрос, кто даст рабочим больше, то мы даем все в двойном размере! И я думаю, что вы больше нашего не дадите, а давать рабочим какие-нибудь легкомысленные посулы и вызывать со стороны рабочих новые требования, которые в практических условиях не могут быть удовлетворены, это то, чего нельзя делать в данный момент. Если кто пред'являет такие требования, не указывая средств, не указывая источников для их удовлетворения, то мы таких людей привыкли называть болтунами.

Ну кто же в самом деле больше нас,— выходцев из рабочих, стоящих во главе профсоюза, кто же больше нас, — коммунистов, хочет добра для рабочих? Разве мы не видим, что рабочие живут тесно, в скверных квартирах, что не имеют элементарных бытовых удобств, что детские ясли охватывают ничтожный процент детей рабочих, что столовые у нас отвратительные, что зарплата все еще низка, разве мы этого не видим, разве мы не хотим, чтобы рабочим было лучше? Мы, конечно, этого хотим и для детей, и для подростков, и для взрослых мужчин и женщин. Ведь, когда рабочие приходят с фабрик и заводов усталые, а мы теперь требуем от рабочих хорошей работы и правильно требуем, потому, что индустриализация страны без ино-

странных займов может быть проведена только при великом напряжении сил рабочих, то они приходят даже не в квартиры, а в казармы, часто в таких казармах нет места и сундука раскрыть, а если одна работница свой сундук раскроет, то остальным нельзя пройти, а в комнате живет четыре семейства. Конечно, лучше всего было бы сказать: давайте построим для текстильщиков летние дачи, давайте расширим жилплощадь хотя бы на один кв. метр. Я за расширение и даже за удвоение площади. И если даже она будет удвоена, то я скажу, что русскому рабочему этого мало, потому что он живет не в культурных условиях. Но если рабочее государство не может дать больше? Не забудьте, что еще совсем недавно у нас паровозы стояли, фабрики не работали, это было недавно, несколько лет тому назад, очевидно, что в настоящее время давать такие несбыточные обещания, это значит раздразнить молодежь и обозлить рабочих. Это, конечно, было бы глупо и неправильно.

Мы с вами представляем не только молодежь, но представляем и взрослых рабочих. Мы претендуем на представительство всего рабочего класса и мы должны вести широкое руководство молодежью. И вот, представьте себе, что мы с вами начнем безответственно бросать лозунги, что мы рабочим дадим летние дачи. Да, если бы даже и деньги были, то мы бы не могли сейчас построить эти дачи, потому что у нас строительных материалов нехватило бы. Значит, мы этих летних дач не

дадим и нам незачем дразнить рабочих обещаниями. Если бы мы это сделали, то, конечно, взрослые мужчины и женщины совершенно справедливо протестовали бы против создания привилегированного слоя внутри рабочего класса.

Это, товарищи, несерьезно. Мы, конечно, понимаем, что молодежь — наш свет и надежды, это будущие завершители строительства социализма. Несомненно, нам нужно помочь им развернуть свои силы, мы должны больше заниматься молодежью, но мы отнюдь не можем устраивать внутри рабочего класса из организации молодежи какие-то привилегированные слои. Это значит, создать трещину по линии сплочения стариков и молодежи. Правильно это? Конечно, неправильно. Как вы этого не понимаете? Мы ставим себе основную задачу на настоящий момент — сплочение рабочего класса. Мы ищем форм, чтобы не было разногласий, а как мы можем провести на практике это сплочение, если вы будете ставить такие требования, подростки особняком, женщины особняком, физкультурники особняком, инженеры особняком, — то что станет со сплочением?

Я думаю, что дружная работа между комсомолом и профсоюзами необходима. Я утверждаю, что мы со своей стороны были и будем за то, чтобы эту дружную работу наладить. Но нельзя делать легковесных заявлений. Если здесь собрались люди практики, то пусть они рассудят спор между нами. Вы просите, чтобы я сказал еще о фабзавуче.

Я очень много говорил, и мне еще нужно сказать многое. Я позволю себе еще пять минут остановиться на ФЗУ. Должен сказать, что несерьезность и несправедливость, которую вы проявили в полемике с профсоюзами, это невиданная вещь в истории взаимоотношений братских рабочих организаций в обстановке диктатуры пролетариата. Давайте напомним основные этапы этой истории. С'езд советов постановил о сокращении брони подростков. Правильно? *(Голос:* Зачем начинать со старого?). Если вы говорите, чтобы не вспоминать старого, а начинать с сегодняшнего дня, то почему не начать прямо с заврашнего дня? С'езд советов постановил, как высший советский орган, сокращение брони подростков. Совнарком поставил этот вопрос, было принято постановление о сокращении брони подростков, была создана комиссия по рационализации, которой и было поручено конкретно рассмотреть этот вопрос. В этой комиссии комсомол остался в меньшинстве. И лишь благодаря нашей энергичной поддержке вы получили большее число забронированных, чем вам давали хозорганы, и больше, чем то, на которое вы могли рассчитывать в тот момент. *Этап второй* — уже много месяцев спустя Президиум ВЦСПС слушает вопрос о броне, при чем представлены цифры комсомола, цифры Наркомтруда и цифры ВСНХ. Но, исходя из общих экономических положений, исходя из того, что никем не было отменено решение с'езда Советов, нам надо было считаться с этим решением и

мы приняли среднюю цифру Наркомтруда. Представьте себе, я на минуту допускаю, что мы сделали ошибку и надо было бы взять цифру комсомола, а не Наркомтруда. Как должен был комсомол поставить этот вопрос практически? Если он считал, что цифра высчитана неверно или неправильно, то он мог бы предложить: давайте создадим компетентную комиссию, обратимся к третейскому судье, пусть ЦК ВКП или РКИ рассудит вопрос, кто прав и кто виноват? А вместо этого комсомол поставил этот вопрос на принципиальную точку зрения. Владимир Ильич несколько раз говорил, что, когда человек хочет сделать ошибку, он начинает под практические вопросы подводить принципы. Что же получается? Получилось принципиальное разногласие, слова об общей системе, наскок легкой кавалерии. Получился спор и, вместо того, чтобы партия нас разобрала и приняла соответствующее решение, мы начали спорить, кто прав, кто виноват. Выходит, что как будто бы мы были правы, наше предложение было принято СНК, ибо оно соответствовало практическим возможностям данного момента.

А как теперь обстоит дело? Я утверждаю, что никто не осмелится спорить насчет того, что то, что принято, возможно осуществить и будет осуществлено только при нашей активной профсоюзной поддержке. Правильно? Правильно. Зачем же вы напускали туман, зачем морочили головы рабочей молодежи, что мы не соблюдаем ее интересы,

когда сами говорите, что то, что принято, может быть и будет проведено нашими профессиональными союзами честно, в чем никто не может сомневаться.

Зачем же этот спор, зачем принципиальный туман напускать? Вольно или невольно, но получилась попытка рассорить нас с рабочей молодежью, отцов с детьми. Это немыслимая вещь. Пока миллионы молодых рабочих состоят в профсоюзе, пока они участвуют в нашей работе, мы должны обращать внимание на то, чтобы они больше участвовали, мы должны отстаивать систему работы молодежи внутри профсоюзов, мы не имеем желания запугивать молодежь, обижать ее, отнестись неуважительно к ней, мы будем одергивать тех профработников, которые позволят себе неуважительно отнестись к организации рабочей молодежи, к комсомолу. Мы за братскую работу. Но, товарищи, что вы — легкая кавалерия, — это хорошо, но что вы иногда слишком легко относитесь к вопросам — это скверно. Не годится, что вы иногда по-кавалерийски, с наскоком, налетаете на вопросы, которые требуют глубокой проработки, вдумчивого отношения, взвешивания с разных сторон, учета обще-экономической обстановки, возможностей рабочего государства. Если вы говорите о самокритике, то разрешите и нам порой вас покритиковать. А покритиковать вас есть за что. Я уже говорил о некоторых грехах комсомола и таких грехов найдем немало.

Я хочу закончить о культпросветработе следующим: развивая работу по классовому воспитанию рабочих, мы должны окончательно выбросить из употребления все методы навязывания, методы командования, методы надумывания, методы нечуткого отношения к действительным запросам рабочих, методы небрежного отношения к нуждам рабочего класса.

Борьба за единство, за классовую политику международного профдвижения.

В заключение, после того, как я значительно обрезал план своей речи в части культурно-просветительной, мне хочется очень кратко сказать о нашей международной работе. За это время, за отчетный период, как вам известно, по инициативе английского Генсовета был разорван Англо-Русский Комитет. Это было так давно и так подробно и всесторонне было нами освещено, что, я думаю, не стоит останавливаться на этом вопросе. Пожелаем «мир праху» Англо-Русскому Комитету и перейдем к следующему вопросу.

После Англо-Русского Комитета важнейшим событием в международной работе профсоюзов явился организованный в Москве конгресс друзей СССР. Базисом этого конгресса явились те многочисленные рабочие делегации со всех концов мира, которые посетили СССР. Я не стану затруднять вашего внимания сообщением о количестве этих рабочих делегаций, прошедших за два года через

нашу страну. В результате этого конгресса в различных странах организовались общества друзей СССР, основным ядром которых явились рабочие делегации, побывавшие в СССР.

Следующим важнейшим фактом последнего времени явилось наше вступление в антиимпериалистическую Лигу. Равным образом одним из крупнейших фактов в нашей борьбе за единство международного движения явилась Копенгагенская конференция 18-го апреля 1928 г. На эту Копенгагенскую конференцию с'ехались представители советских союзов — с одной стороны, представители норвежских союзов — с другой, и представители финляндских союзов — с третьей, представители профдвижения трех стран. На этой конференции принят ряд документов, в частности, заключен договор о дружбе, который явился как бы платформой *нового,* образовавшегося на этой конференции, Норвежско-Финско-Советского Комитета. Если оценить об'ективно программу этого Норвежско-Советско-Финского Комитета, то она шире и идет дальше программы Англо-Русского Комитета. Если рассматривать его значение для международного рабочего движения, если рассматривать его роль в общей системе нашей борьбы за единство, то этот Комитет при известных условиях может иметь значение не менее Англо-Русского Комитета. Это есть организация, об'единяющая три соседних страны, из которых ни одна не входит в Амстердамский Интернационал. Этот центр может явиться, при пра-

вильной политике, центром притяжения всех сил, борющихся за единство международного профдвижения. Как будто хорошо, но вот — это несчастное «но», — оно всегда попадается на нежелательном месте. У меня возникают серьезные сомнения. Я не боюсь о них сказать перед лицом присутствующих здесь представителей и руководителей норвежского профдвижения, братского норвежского движения, что у меня есть маленькое «но». Мы ратифицировали, т.-е. утвердили решение, принятое на этой конференции. Решения, принятые на этой конференции, подлежат утверждению руководящих профсоюзных органов всех стран, участвовавших в этой конференции: с нашей стороны ВЦСПС, с их — норвежским и финским об'единениями профсоюзов. Мы давно утвердили эти документы, уже более полгода. Прошло 9 месяцев после этой конференции, но до сих пор другая сторона этого не сделала и этих протоколов не утвердила. Таким образом, если вы меня спросите, существует ли Норвежско-Советско-Финиский Комитет, я вам на этот вопрос ответить не смогу. По-нашему существует, с точки зрения же норвежских товарищей, пожалуй, нет, потому что он не утвержден их центром. Это внушает серьезную тревогу, почему так долго не утверждено это решение. Товарищи, вероятно, нам это скажут. За 9 месяцев в той обстановке, в которой мы живем, этот комитет ни разу не собрался, а он должен был бы несколько раз собраться. И хорошая платформа лежит написанной,

к слову сказать, как многие из наших резолюций лежат, и ни с места, ни туда, ни сюда, а между тем момент, переживаемый мировым рабочим движением, чрезвычайно важный, чрезвычайно напряженный. Вы видите, как наше предсказание о наступлении капитала, о том, что оно будет итти форсированным темпом, сбывается, как по писанному, чересчур сбывается; лучше, чтобы поменьше сбывалось. Мы видим, что прошла полоса стачек: забастовка текстильщиков во Франции, забастовка и локаут металлистов в Германии, угольная забастовка в Норвегии. Мы видим, как опять текстильщики во всем мире накануне новых решительных боев. Борьба за понижение себестоимости в капиталистических странах вызывает бешеное наступление капитала на труд. Здесь нам, как борцам за единство, за классовую политику международного профдвижения,— было бы о чем поговорить с норвежскими и финскими профсоюзами. Нам, как застрельщикам в борьбе за революционное профдвижение, было бы о чем поговорить — какая наша политика и можем ли мы чем-нибудь здесь помочь. Конечно, мы знаем свой долг перед рабочим классом всего мира и там, где рука капитала хватает за горло рабочего, первые, кто готов притти на помощь, это — советские профсоюзы. Факт это или нет? *(Аплодисменты)*. Так было и так будет. Пока существует диктатура пролетариата, а нашими усилиями она будет существовать, крепнуть, расти и развиваться *(аплодисменты)*, всегда первыми на помощь всякому

угнетенному, всякому обездоленному, всякому, ведущему борьбу с капиталом, явятся профсоюзы СССР. *(Аплодисменты).* На мировой арене разыгрывается невиданная в истории всего рабочего движения гигантская борьба труда с капиталом. Если вспомнить, что мы говорили в свое время, то мы увидим, что все разыгрывается по сказанному. Каждая стачка, каждый конфликт будут захватывать все большие массы рабочих. Прошла пора мелких стачек и конфликтов, которые можно было разрешить отдельным союзикам. Теперь каждая борьба труда с капиталом — французских ткачей, немецких металлистов, индусских железнодоржников — требует поддержки рабочих других стран. Капиталисты выступают крупными об'единениями. Если об'является локаут, то выбрасывается 400 — 600 тыс. рабочих. Попробуйте — суньтесь с фондом, накопленным в отдельном союзе. Вы раздадите по одному рублю, и закрывай лавочку. Весь стачечный фонд исчерпан. Без помощи других рабочих, без международного об'единения рабочих может ли вести рабочий класс эту борьбу? Это немыслимо. Вот почему сейчас ряд неудач в стачечной борьбе. Реформисты проводят свою политику примирения труда с капиталом, видя безвыходность своего положения, боятся доводить стачку до логического развития и стараются как можно скорее смазать дело, скорей «потерпеть поражение». Благодаря своей политике, они стали одной из частей общей капиталистической машины, одной

из предпосылок стабилизации капитализма. Своей политикой половинчатости, примиренчества, пассивности в отношении стачечной борьбы, раздробленности национальной политики они обеспечивают дряхлеющему, загнивающему капитализму еще некоторое время существования. Каждый рабочий, каждая работница, понимают, что сейчас требуется максимальная солидарность рабочих всех стран, необходим классово-выдержанный революционный Интернационал рабочих, мощный рабочий орган. И разве профсоюзы СССР, об'единяющие 11 млн. рабочих, не играют серьезной роли в этой борьбе? Разве можно выбросить, как арбузную корку, шестую часть света и 11 млн. рабочих из классовой борьбы пролетариата? Их никак не выбросишь с их идейной сплоченностью и готовностью к жертвам. Разве они не сыграли бы важнейшей роли в этой борьбе труда с капиталом, если бы западно-европейские вожди не на словах, а на деле хотели бороться с капиталом, хотели бы по-настоящему драться, а не так, как они «борются», чтобы и стекла не разбить и рубашки не порвать на своем противнике. Вот почему русские союзы в этой гигантской борьбе остаются за бортом. Мы уже показали, что кое-что мы можем сделать в этой борьбе. Я утверждаю, что за эти годы не было ни одного конфликта, где бы рука русского рабочего не протянулась, как рука братской помощи, начиная от забастовки железнодорожников в Мексике, забастовки текстильщиков в Китае,

забастовки текстильщиков и железнодорожников в Индии, забастовки горнорабочих в Норвегии и кончая последней забастовкой в Лодзи. Везде, где происходит классовый конфликт, профсоюзы СССР приходят первыми на помощь. Разве не играет роли наша 11-миллионная армия?

И несмотря на то, что мы — народ небогатый, все-таки у нас в стачечном фонде накоплено более 5 млн. руб., т.-е. мы накопили в фонде международной солидарности 5 млн. руб. Это немаловажная гирька на весах борьбы труда с капиталом. Кто этого не понимает, тот ничего не понимает и тот не хочет бороться на деле с капиталом. Амстердамцы удачно от нас отписались. Наш роман, который длился несколько лет, окончился разрывом. Алиментов не с кого спрашивать, связь была платонической и кончилась отпиской. Им удалось отписаться, и они очень довольны тем, что их мы оставили в покое. То же самое относится и к английскому Генсовету. Но что это значит? Отписались ли они от рабочей массы, от проблемы величайшего экономического конфликта между трудом и капиталом? Где здесь Амстердам? Загадочная картинка! Где в этой борьбе Амстердамский Интернационал и какой его удельный вес? Если мы взвесим в истории данной экономической борьбы удельный вес союзов СССР на одной чаше весов и всего Амстердамского Интернационала на другой чаше весов, то на чьей стороне будет перевес? Я утверждаю, что везде, где были классовые бои, где есть клас-

совые бои, и где будут классовые бои, независимо от того, в каком положении находятся у нас переговоры с профсоюзами этих стран, мы не переставали быть, есть и будем сторонниками создания единого интернационала рабочих для борьбы труда с капиталом. Мы своей платформы не изменили. Если амстердамцам удалось на время затормозить это дело, то рабочая масса на повседневном опыте своей борьбы должна почувствовать и понять необходимость единства труда, единства профсоюзов всех стран против капитализма. Иначе при существующем положении дел у международных рабочих, об'единяемых амстердамскими союзами, могут быть только два вывода: либо они должны уйти поголовно из этих профсоюзов, как из отживших и переживших себя организаций, либо должны будут притти к твердому убеждению в непригодности национальной замкнутости и той позорной политики, которую проводит Амстердамский Интернационал. Я думаю, что мы должны будем выразить пожелание, направленное к присутствующим здесь нашим норвежским товарищам, о том, что настоящий с'езд, являющийся руководящим органом профдвижения СССР, желал бы видеть утвержденным заключенный договор о дружбе, желал бы, чтобы, мягко говоря, «продвижение этого договора по пути к утверждению шло более ускоренным темпом». *(Аплодисменты).*

Мы ставим очередной задачей профсоюзов СССР у себя, внутри страны энергичную борьбу

с бюрократизмом в государственном аппарате. Но должен сказать, что даже в самом дурном участке нашего госаппарата так долго дела к утверждению не идут. *(Смех, аплодисменты).*

Заключение.

Мы должны правду сказать, товарищи, — в нашей работе за отчетный период, несомненно, было много недостатков. Было бы глупо утверждать, что мы работали безошибочно. Эти ошибки вы найдете, укажите на них, на кой-какие ошибки указал я сам. Теперь не ошибается только тот, кто нигде не работает. *(Смех).* Мне передавали по секрету, что будто бы не ошибаются только газетные репортеры, да и те иногда ошибаются. *(Смех).* Оказывается, ошибки свойственны всем. В таком же большом деле, которое вы на нас возложили, и которое мы по мере сил и возможности стараемся выполнять без ошибок, в таком большом деле с такой очень сложной 11-миллионной машиной, с которой нам приходится работать, ошибки не могут не быть. У нас очень сложные задачи, очень большие и очень трудные, — правда, комсомол хочет от некоторых задач нас разгрузить *(смех),* но мы не так уж всем обременены, чтобы не смогли сами с ними справиться. Мы сделали много ошибок, и мы уверены, что ваша критика будет критикой людей дела, людей, приехавших сюда от живой практической работы. Мы уверены, что два разряда работников, сидящих здесь:

с одной стороны — профсоюзный актив, который по своей работе знает, какая это нелегкая штука осуществление всех возложенных на нас задач без всяких ошибок, без сучка и задоринки, задач, которые начинаются правильным распределением брезентовых рукавиц и кончаются классовым воспитанием и развитием марксистского материалистического мировоззрения рабочих, а с другой — рабочие непосредственно с производства, что они практически и по-деловому подойдут к обсуждению стоящих перед нами задач. Мы просим у вас и в праве у вас просить в вашей критике как можно больше деловых указаний, как можно бсльше конкретных указаний, как можно больше товарищеской критики. Сейчас, если что-нибудь скажешь по поводу самокритики, моментально начинают говорить, что ты против самокритики. Вы, представляющие собой, с одной стороны, наших активных союзных работников, а с другой — рабочих и работниц от станка, должны будете дать свои практические указания относительно нашей работы, и я думаю, что ваша критика со всеми вашими указаниями будет направлена к тому, чтобы изжить имеющиеся у нас недостатки.

Я уверен, что вы в своей критике не скажете, что в нашей линии, в каком-нибудь месте ее, имеется пристрастие к той или другой группе рабочих, к той или другой категории рабочих, вы не сможете сказать, также и то, что у нас было неправильное отношение к индустриальным союзам и к неинду-

стриальным, а равным образом к вертикальным или к горизонтальным организациям, — это сказать вы не сможете, ибо мы старались и, мне кажется, нам удалось найти правильное отношение ко всем частям рабочего класса, ко всем звеньям союзных организаций. Вы должны признать, что наша линия и наша деятельность были направлены на развертывание пролетарской демократии, вы должны будете признать, что мы со своей стороны в этом направлении сделали все, что было в наших силах.

И, наконец, вы должны будете признать, что наша основная линия была правильна, что мы в своей работе руководились единственно правильным критерием для революционных профсоюзов в обстановке диктатуры пролетариата при разрешении каждого вопроса, вставшего перед нами, как бы он ни был мелок, ибо мы всегда оценивали, определяли и решали его под углом зрения увязки этого вопроса с общеклассовыми задачами всего рабочего класса, с интересами, возможностями и ресурсами рабочего государства, с очередными задачами, которые стоят перед рабочим классом и его партией в области практического строительства социализма. Вы должны будете признать, что наша линия была направлена на протяжении отчетного периода на безоговорочное и полное содействие советской власти в ее работе, что мы не отделяли своих задач от задач, стоящих перед советской властью, и мы гордимся этим.

Вы должны будете признать, что наша линия была линией защиты и отстаивания общеклассовых задач нашего класса, что все частные, групповые интересы были подчинены общим интересам всего класса в целом. Одним словом, вы должны будете признать, что наша линия была линией партии, рабочего класса, единственно правильной ленинской линией. *(Бурные аплодисменты. Все встают).*

Перспективы профдвижения.

(Заключительное слово к отчетному докладу на VIII С'езде Профсоюзов).

Товарищи! Мне подано порядочно записок, многие из которых интересны, на многие из них следовало бы ответить, потому что они имеют большое принципиальное значение. Но тем не менее я лишен возможности это сделать, потому что это заняло бы слишком много времени, по крайней мере весь вечер. Так как у нас в президиуме решено, что на записки, подаваемые докладчику, будут даны письменные ответы в отдельных брошюрках, то я позволю себе не отвечать здесь на все записки и ограничусь ответом на 2—3.

Убеждением, а не принуждением.

Записка первая. Она подтверждает мои опасения относительно тех методов борьбы с религиозными настроениями, которые могут проводиться. Записка гласит: «Скажите, баптисты и сектанты могут ли состоять членами союза?» Вывод из нее, я думаю, вы видите: мало сказать раз, нужно повторять тысячу раз, что профсоюзы об'единяют рабочих независимо от их политических и религиозных

убеждений. Мы, профсоюзы, как классовая пролетарская организация, ведем идеологическую борьбу со всеми предрассудками, мешающими классовой борьбе, отвлекающими рабочих от классовой борьбы, — поэтому мы ведем идеологическую борьбу и с религией путем терпеливого раз'яснения рабочим контр-революционного, антипролетарского характера всякой религии, путем воспитания их в духе научного марксистского, материалистического мировоззрения, но вовсе не тем, чтобы исключать религиозных рабочих из союза. Почему именно исключать баптистов, а почему не православных верующих? Чем баптизм хуже православия, магометанства, иудейства и других религий? А если мы всех религиозных исключим, кто у нас останется в союзах? (Смех). Рамки наших союзов тогда очень недалеко уйдут от рамок коммунистической партии. Это будут очень ортодоксальные союзы, они будут на 100% коммунистическими, антирелигиозными и т. д., но они не будут той широкой массовой организацией, которая нужна, которая необходима, которая об'единяет почти поголовно рабочих и которая создает незыблемую опору диктатуры пролетариата, ибо рабочий именно потому, что он рабочий, несмотря на свои предрассудки, несмотря на свои вынесенные из прошлого недостатки, несмотря на свою темноту, невежество, несмотря ни на что, в силу того, что он — *пролетарий, всегда будет надежной опорой диктатуры своего класса, пролетариата, надежной опорой власти советов, надеж-*

ной опорой и верным солдатом, идущим за своей коммунистической партией.

В погоне за удешевлением не упустить главного.

Вторая записка, на которую я считаю нужным ответить, это: «Почему межсоюзными организациями на местах допускается насильственность по об'единению технического аппарата союзов, что в результате, кроме бюрократического извращения, ничего не дает. Вы говорили очень много о самокритике, и были случаи, когда руководители отдельных союзов протестовали и за это подвергались всевозможным личным неприятностям. Это имело место в Брянске».

Что из-за самокритики многие имели личные неприятности, в том числе, вероятно, в Брянске, да и не только в Брянске, это бесспорно. О таких случаях нужно громко кричать, нужно их доводить до сведения рабочей прессы и добиваться строгого наказания «источников» неприятностей. По первой части меня интересует вопрос — *о насильственном об'единении аппарата межсоюзными организациями.* Вопрос об об'единении технических аппаратов профсоюзов у нас в президиуме ВЦСПС считался и считается до сих пор спорным. Мы, правда, не подводили под него никаких «идеологических» фундаментов и «принципиальных разногласий», а просто смотрели на него, как на важный, практически спорный вопрос, который не мешает дальнейшей совместной работе. Я не знаю, может быть,

постановка работы в президиуме ВЦСПС не может считаться идеальной, но, во всяком случае, ни один из критиков не выступал, и не может выступить и сказать, чтобы у нас не было свободы мнений в президиуме ВЦСПС. На заседании президиума ВЦСПС каждый товарищ, который по тому или иному вопросу имеет свою самостоятельную точку зрения, ее отстаивает, прения происходят открыто в присутствии всех 23 председателей ЦК союзов и всех членов президиума ЦК, кто только не ленится притти на заседание. На заседаниях президиума бывает до 100 чел., и до сих пор все члены президиума и ЦК спорят между собой самым деловым товарищеским образом. По этому вопросу у нас есть разногласия. У меня, — я принадлежу к разряду тех, которые в целесообразности этого об'единения сомневаются, считая, что это мероприятие можно испытать, как опыт, можно попробовать, — но я лично убежден и считаю, что этот опыт ничего хорошего не даст. В самом начале, когда у нас возник этот вопрос, я сказал, что, конечно, упрощение и дешевизна — вещи хорошие, но нельзя подходить ко всем вопросам только так: простота, удобство и дешевизна. Может оказаться так, что будет удобство, дешевизна, простота, но одного маленького не будет — *союза не будет*. Поэтому при обсуждении тезисов, не желая насиловать друг друга, мы решили: вопрос глубоко практический, есть кое-какой опыт, пусть с'езд обсудит, нужно этот опыт продолжать или нет.

Хотите, давайте еще продолжим этот опыт, посмотрим, что он даст. Я согласен на это. Если вы считаете, что опытов довольно и можно подвести итоги, давайте подведем итоги. Но это мы будем обсуждать и решать в организационной секции. Вам и книги в руки.

Профактив вырос больше, чем это кажется.

Я перехожу к прениям. Целый ряд товарищей выступал и проявил неудовлетворенность моим докладом. К таким товарищам относятся: последний выступавший тов. Мандальян, т. Вейнберг, тов. Шарангович, тов. Кузьменко и некоторые товарищи из комсомола. Я никогда не претендовал на роль дамы, «приятной во всех отношениях», всегда и для всех. (Аплодисменты). Ничего не попишешь, кому нравишься, кому не нравишься. Ведь выступать с докладом, спорить, ударять по целому ряду профсоюзных предрассудков, наскоков, по излишней суетливости и требовать, чтобы никто не обиделся, — это нужно иметь такое искусство, которого в природе не существует, и я таким талантом не обладаю.

Подводя итоги прениям, я должен сказать, что здесь выступал 91 оратор, из них половина рабочих с производства, выступало несколько десятков женщин, выступали люди, которые впервые были на такой большой трибуне, которые впервые приехали в Москву. Какой итог прениям можно подвести? Можно смело сказать, что наш актив растет

и гораздо лучше, чем это кажется некоторым товарищам, в том числе и т. Вейнбергу. *(Аплодисменты).* Из выступлений было трудно отличить выступление партийного рабочего от беспартийного, в прениях трудно было различить, выступает партийный интеллигент или беспартийный. Показался первый проблеск, первая ласточка, первый результат нашей совместной работы в национальных областях, первые работники и первые весьма удовлетворительные представители актива из национальных областей, товарищи с Дальнего Востока, из Киргизии, из Казакстана, которые показали, что они стоят на высоте тех прений, которые велись, ведутся и будут вестись на Всесоюзном С'езде Профсоюзов. Сюда приехали представители самых различных отраслей труда, прямо от станка, и *они показали, что наш актив растет не только количественно, но и качественно, и что это обстоятельство является лучшим залогом того, что мы справимся со всеми теми болезнями, которые у нас есть.*

О женщинах. Я думаю, что спор о том, правильно ли была поставлена работа среди женщин, или неправильно, разрешен демонстрацией женщин с этой трибуны. Есть ли теперь сомнение у кого-нибудь в том, что наши женщины-работницы подросли за это время? Разве они не доказали здесь, что мы, наконец, стали на правильную дорогу, что мы, хотя и медленно, идем по правильному пути? У нас уже есть профработницы, активистки, которые оторвались от своих прежних жен-

ских узеньких интересов, которые умеют ставить общесоюзные проблемы и задачи всего рабочего класса и ставят эти вопросы, — хорошо все это было продемонстрировано с этой трибуны.

Прения показали, что, начиная с работника и работницы от станка, не исключая батрачки, любой из выступавших здесь товарищей, вплоть до представителей интеллигентного труда, все понимали, какую они несут ответственность, выступая на этой большой трибуне. Если сравнить прения на этом с'езде и прения на предыдущем с'езде, то мы должны сказать, что мы не слышим теперь тех голосов, которые тогда раздавались, голосов людей, которые впервые попали в Москву, в высший орган профдвижения, и которые порой сводили свои речи к тому: «а нельзя ли нам что-нибудь получить».

На этом с'езде — другое: здесь собрались люди, которые чувствуют ответственность не только перед своими избирателями, но и перед всем рабочим классом, и которые понимают, как хозяева, чего можно и чего нельзя в настоящее время, которые пролетарским чутьем понимают, что сейчас можно, чего нельзя.

Поменьше пессимизма, больше бодрости.

Повторяю, эти прения показали, что наш профсоюзный актив растет. Многим товарищам, особенно тем, которые пускают не в меру пессимистические нотки о состоянии и развитии нашего

профдвижения, следует заняться изучением стенограмм прений на настоящем с'езде.

О пессимистических нотках. Конечно, товарищи, все это правильно, что «достижения у нас несомненные, но нам нужно поговорить и о наших недостатках», это правильно, но когда кругом слышишь, только и слышишь: «бюрократизм», «чиновничество», «бюрократическое закостенение», «омертвение», «аполитизм», «хвостизм» и прочие «измы», слова, которые раздаются иногда по-делом, а иногда и не по-делом, а по «вдохновению», — это не способствует развитию той смелости, той бодрости, того размаха в работе, которые особенно теперь нужны для нашего молодого актива.

Давайте заниматься критикой и самокритикой. Это, бесспорно, необходимая вещь, как я и большинство ораторов говорили. Но давайте заниматься так, чтобы из этой критики и самокритики не вытекали пессимистические нотки, чтобы нам опять не пришлось договориться до каких бы то ни было «кризисов профдвижения». Вы помните 1920 г., когда спорили о «кризисе профдвижения», и что потом действительно получилось? Результаты были очень скверные. *Давайте смотреть об'ективно, прямо и честно на наши недостатки, на наши ошибки, в то же время ни капли не преувеличивая их. Однако, давайте не забывать и о наших достижениях.*

Большинство из практических указаний, которые раздавались с этой трибуны, правильны.

Например, товарищ с Урала говорил: «редко присылаете инструкторов, редко бываете на местах». Это правильное указание. Однако, сами мы, члены президиума ВЦСПС, не можем бросить работу и рез'езжать. Представьте себе бесконечную землю от Ленинграда до Владивостока, от Белого моря до Черного, и что будет, если мы, члены президиума, будем раз'езжать почаще? Это не выходит. По мере сил мы это делаем, может быть, делаем меньше, чем следовало бы, но ведь все мы перегружены чинами, орденами, собраниями, комиссиями, заседаниями и т. д. Слишком перегружены. Инструктора? У нас есть инструкторский персонал, но для правильного обслуживания, для такого обслуживания, которого может быть требует современное положение, может быть, этот инструкторский аппарат слаб, хотя персонально это — лучшие работники профдвижения; может быть, его нужно усилить. Но тут нам, как практикам, приходится к ряду вопросов подходить сперва подсчитав. Инструкторский персонал можно увеличить, но это будет *означать удорожание аппарата*. Теперь говорят, что это узкое дело — подсчитывать. И если вы сейчас заставите усилить инструкторский аппарат ВЦСПС, я буду за это, но при условии, если при этом вы скажете — увеличить членские отчисления со стольких-то процентов на столько-то, т.-е. увеличить отчисления с центральных комитетов союзов в кассу ВЦСПС. Нам приходится по одежке протягивать ножки.

Указания тов. Эйдемана, председ. ЦБ пролетарского студенчества, о том, что нами не поставлено или плохо поставлено руководство студенчеством, — совершенно правильны: плохо поставлено. Об этом я говорил на пленуме ВЦСПС, говорил в своем выступлении в Высшей школе профдвижения, где указывал на проблему постановки этой работы. Но тов. Эйдеману, рядом с признанием, что он правильно поставил этот вопрос на с'езде, должно бросить маленький упрек. Вот они-то, руководители студенчества, повторяют так называемое общее положение: плохо поставлено руководство, а мы их спросим: «Придите и скажите нам, как практически сделать так, чтобы мы, профсоюзы, не только формально, а практически, на деле руководили, были бы связаны со студенчеством не теми механическими методами, которыми осуществляется в настоящий момент это руководство: в такой-то день ты должен проводить профсоюзное собрание и т. д., но как практически ставить работу, чтобы нам, профсоюзам, ближе подойти к быту, к жизни студентов, хотя бы так, как мы подошли к рабочим? Вот этого пролетсуды нам не дали. Я думаю, мы вместе должны работать над этим вопросом. Это не легкая проблема.

Правильно замечание товарищей из нацреспублик, что у них плохо идет работа по воспитанию нацактива. Это правильно. Но мало сказать, что эту работу нужно поставить. Над воспитанием нацактива мы бьемся не один год. Как вы поста-

вите воспитание нацактива, если все лекторы, все учителя, кроме как по-русски, не говорят ни на каких языках, а те, которых нужно обучать, говорят на всех языках, кроме русского? Тут очень трудно согласовать это противоречие. То обстоятельство, что сейчас начали появляться работники нацактива, стоящие на достаточной ступени политической зрелости, служит залогом тому, что мы эту работу все-таки сдвинули с мертвой точки, и она пойдет вперед.

Практически правильно замечание о том, что руководящие материалы, директивные письма ВЦСПС надо переводить на национальные языки. Это, по-моему, правильное и ценное деловое замечание. И такое замечание стоит десятка общих фраз о необходимости продвинуть актив, воспитать, создать актив. Покажите практически, какие шаги в данный момент, на данной стадии надо делать?

Правильны ли упреки в плохой подготовке к с'езду.

О подготовке к с'езду. О том, чтобы была плохая подготовка к с'езду, — поздно отпечатаны тезисы, поздно развернуты кампании, — это главный, по-моему, если серьезно подходить ко всем прениям, единственный упрек ВЦСПС, единственное обоснованное обвинение. Кое-какая доля правды тут есть. Кое-какая доля вины нашей есть. Можно было бы, конечно, раньше опубликовать

тезисы, можно было бы, конечно, раньше открыть кампанию, но, товарищи, когда к нам подходят с этим обвинением рядовые работники, с них нельзя спрашивать; но совсем иное дело, когда подходят руководители профорганизаций, ответственные работники, которые сами к своим с'ездам никаких материалов не печатают и никаких кампаний не проводят, а от ВЦСПС это требуют. Я этим не хочу сказать, что они поэтому не имеют права требовать, — требовать имеет право каждый человек, — но если вы хотите, чтобы мы, как английский Генсовет, за 8 месяцев до с'езда отпечатали все резолюции, — за 4 месяца до с'езда все поправки к ним и за 6 месяцев до с'езда отпечатали речь председателя, которую он должен произнести на с'езде, — это не выйдет, ибо темп нашей работы не такой, как у английского Генсовета. Там все идет размеренно, там можно сказать, что будет через 6 месяцев, а мы живем в период революции, когда быстро меняется обстановка, когда многие экономические крупные выводы зависят от чего? От урожая. Контрольные цифры у нас от чего зависят? От урожая. Что же, я вам напечатаю свою речь и тезисы и отчет в мае месяце, а потом придет урожай и все это перевернет вверх тормашками? Мы не можем писать тезисы по вопросам зарплаты до тех пор, пока мы не имеем в руках контрольных цифр. Как вы этого не хотите понять? А когда контрольные цифры получаются? В октябре. Когда мы можем написать

эти тезисы и весь материал? Только после октября. Я не могу эту вину переложить на членов президиума ВЦСПС. Я держусь того мнения, что президиум ВЦСПС в своей работе был на высоте своего положения. Я думаю, что состав президиума ВЦСПС вполне соответствовал, это был вполне правильный состав и состоит, по-моему, из хороших товарищей. Но они не обладают одним качеством, — все мы из рук вон плохие литераторы. И вот, для этих первоклассных работников профдвижения писать тезисы — чистая мука. Раньше, как через две недели, от них ничего не добьешься. Если вы хотите, чтобы тезисы шли без сучка, без задоринки, то выбирайте в президиум литераторов, тогда дело писания тезисов, — за другое не ручаюсь, — пойдет. А пока здесь сидят слесаря, токаря, печатники, — дело будет обстоять с этим плохо. Многие тезисы переделываются по пяти раз. Конечно, можно было развернуть кампанию раньше, но если вы присмотритесь к положению, не как люди чужие, а как люди свои, посмотрите, чем мы день за днем заняты, начиная с сентября месяца, то вы увидите, что все это время мы бегали по разным комиссиям, связанным с бюджетом, с контрольными цифрами и т. д. Этим мы были заняты до сих пор. Разве это не так? Всю осень мы были заняты в разных комиссиях и работой над теми вопросами, которые определяют положение рабочего класса, которые решают все вопросы экономики труда. Что та работа до извест-

ной степени нас отвлекла и задержала, — это правильно. Следовало бы подумать об этом раньше. Это надо принять во внимание.

Ответ комсомольцам.

С величайшим сожалением я должен приступить к товарищам из комсомола. Я был бы очень счастлив и рад, если бы мне не пришлось полемизировать с этими товарищами, и буду очень доволен, когда мне не придется больше с ними полемизировать. Никакого проку, ничего хорошего я из этой дискуссии не усмотрел. Удовольствия мне, и не только мне, а я думаю, никому из наших товарищей-профессионалистов она не принесла. Однако, здесь допущено столько всяких неправильностей и кривотолков, столько нездорового туману, столько здесь создалось нездоровых настроений, что пройти мимо этого нельзя. Приходится еще и еще раз говорить о комсомоле. Извинительным для меня является только то, товарищи, что несколько месяцев, как вы все знаете, я сидел и молчал. Я нигде не выступал. Я и мои товарищи по президиуму думали: авось это уляжется, пройдет. Пошумят-пошумят люди и поймут, что не нужно углублять этого вопроса. Почему мы не выступали? Потому, что знаем, что когда начинается драка, то как бы вежлива она ни была, драка есть драка. И клок шерсти вырвут и рубашка будет разорвана. Как можно вежливо драться, чтобы никого не обидеть? Не выйдет. Мы — люди тем-

перамента, люди русские, да вдобавок еще большевики. Как начнем дискуссировать, так иногда на другой день после дискуссии зубы выметать приходится *(аплодисменты, смех)*. Вот как у нас дискуссируют.

Две политических ошибки тов. Козелева.

В этой дискуссии было допущено много неправильностей. Я должен с величайшим сожалением указать, что одну из крупнейших неправильностей допустил тов. Козелев. Этим он продемонстрировал перед вами то, на что я указывал, когда говорил в докладе о самокритике, — что самокритика требует одного: вести полемику в товарищеских тонах, без наклеивания ярлыков и без лишних окриков. Мы все знаем товарища Козелева, как прекраснейщего профессионалиста, старого революционера, прекрасного товарища, но в данном случае он допустил две грубейшие политические ошибки. Это нужно сказать прямо. Цитируя статью из «Правды», он дал неподобающую квалификацию этой статьи, т.-е. сказал, что эта статья является клеветнической. Не надо забывать, что «Правда» есть центральный орган партии пролетариата, гегемона революции, и что к этому органу нужно относиться с должным уважением. Такое ненужное преувеличение, такое обострение не вносит оздоравливающего момента. Оно не выясняет, а затуманивает положение, отвлекает от выяснения его в какую-то другую сторону. И зря это

было здесь сказано. Это первая крупная политическая ошибка тов. Козелева.

По существу статьи. О каждой статье может быть два мнения, — можно думать, что она хороша, можно думать, что она и не совсем хороша. Я бы не сказал, что эта статья является необходимым элементом для подготовки с'езда или для освещения его. Такую статью можно печатать, можно и не печатать. Но против чего полемизировал тов. Козелев? Ей-ей, «овчинка выделки не стоит». Эта цитата говорит: «Некоторые профработники утверждают, что политической работой должны заниматься партийные организации и так далее».

Против чего возражал тов. Козелев? Против того, что есть некоторые работники, которые «утверждают». Конечно, есть. У нас актив полтора миллиона человек. Неужели среди него нет ни одного профработника, который бы «утверждал» самые глупейшие вещи? Как спорить против этого? Есть и такие, «которые утверждают, что профсоюзам не надо заниматься политикой». Вероятно, кто-нибудь скажет и это. В более, чем миллионном активе имеются всякие грехи. Ведь это — люди. Одни утверждают одну глупость, другие — другую. Как спорить с такой статьей, которая хочет доказать, что кто-то, неизвестно кто, как, — неизвестно как, где, — неизвестно где, когда, — неизвестно когда, что-то утверждает? В чем же дело? Кто-то, когда-то, где-то, что-то утверждает.

Ну пускай себе утверждает, о чем здесь речь? *(смех, аплодисменты).*

Тов. Козелев допустил другую политическую ошибку, когда в полемике с «Комсомольской Правдой», — органом комсомола (а фактически с самим комсомолом) — допустил ненужные, вредные, недопустимые в полемике между рабочими организациями сравнения, — «Абрамовичи» и т. д. Тов. Козелев умно и правильно сделал, что выбросил это из стенограммы, как слова, сорвавшиеся у него против воли. Но слово не воробей, — вылетит, не всегда его поймаешь. А особенно, когда по радио слушают неизвестно сколько человек. Поэтому тов. Козелев допустил двоякую ошибку. Я считаю напрасным, что товарищи-комсомольцы стали чересчур углублять эту ошибку тов. Козелева, поместив специальную статью в сегодняшнем номере «Комсомольской Правды». Мы не должны замалчивать этого.

Из того, что тов. Козелев взял эти слова обратно, вытекает, что он сам понимает свой недостаток, который скорее свойственен молодому человеку — комсомольцу: он слишком горяч, слишком пылок, точно он член ЦК комсомола и не всегда сдерживает свой темперамент.

Отсюда делать вывод, который есть в сегодняшнем номере «Комсомольской Правды», что Козелев — образец бюрократа, это уже ненужное преувеличение. Кто из нас не знает Козелева! Похож он на бюрократа? Ни капельки не похож. Или

некоторые здесь говорили о том, что он — против самокритики. Тоже ни к селу, ни к городу. Можно не соглашаться с Козелевым, можно, как угодно, резко квалифицировать его ошибочное выступление, я сам считаю долгом остановиться на выступлении Козелева, ибо считаю его выступление политически неправильным, считаю, что тов. Козелев сделал глубокую ошибку, но преувеличивать эту ошибку и приписывать человеку свойства, которыми он не обладает,— это тоже ошибка. Не нужно такого тона.

Спор о добровольном обществе закончен.

В чем заключаются наши разногласия с комсомолом и как развернулась наша полемика на этом с'езде? Наши разногласия о добровольном обществе физкультуры как-будто куда-то уплыли, я не заметил в прениях прежней страстности в отстаивании необходимости создания добровольного общества. А вы как? По-вашему, тоже? Нужно сказать: нечего, товарищи-комсомольцы, делать что-нибудь наполовину, признайтесь, что вы были неправы, и бросим разговоры о добровольном обществе (аплодисменты). Оно как-то само уплыло из дискуссии, чувствуется, что нет у людей уверенности отстаивать свою правоту, нет аргументов. С добровольными обществами дело покончено. Мир праху его! Не будем к этому вопросу возвращаться, поскольку мои оппоненты на этом настаивают только из приличия.

Наши разногласия второго типа — о фабзавучах. Как к ним подходять? Если вы хотите, чтобы мы к этому вопросу подходили принципиально, то мы разведем такой спор, из которого товарищи-комсомольцы выйдут с помятыми перьями. Я этого не хочу.

О фабзавуче.

В чем заключаются практические разногласия в вопросе о школах фабзавуча? Вот постановления, принятые правительством о броне подростков. Для тех, кто желает ознакомиться с ними, я кладу их на стол. Вот положение о броне подростков. Кто хочеть ознакомиться? Пожалуйста, товарищи-комсомольцы, может быть вы хотите? А практические разногласия заключаются в том, что мы спрашиваем: существование школ фабзавуча при нашей бедности, при нашей неудовлетворительной постановке обучения в других школах есть благо или нет для комсомольцев, которые попадают в эти школы? Мы в один голос отвечаем: благо. Школа фабзавуча, несмотря на свое несовершенство, все-таки кое-что дает, ребята жалование получают, кое-чему учатся. Хорошая это вещь? Вообще говоря, хорошая. Должны мы, профсоюзы, школу фабзавуча поддерживать и отстаивать? Должны. Нужно ли существующие школы фабзавуча поддерживать и развивать? Нужно. Можем ли мы допустить закрытие, свертывание школ фабзавуча? Не можем.

В чем же теперь разногласие? Разногласие в том, что товарищи-комсомольцы говорят: «это — единственно лучшая форма подготовки рабочей молодежи, подготовки рабочей силы». И параллельно делают наскок на методы ЦИТ, на Гастева. Практика заключается в том, что есть школы фабзавуча, должны мы их поддерживать или нет? Если так ставить вопрос, — *должны*. Должны ли мы бороться против их сокращения? *Должны*. Должны улучшать их работу? *Должны*. Значит ли это, что это единственный и лучший метод подготовки рабочей силы? Нет. Что для вас важно, чтобы мы поклялись в какой-нибудь резолюции, что школа фабзавуча есть лучший метод подготовки рабочей силы, и оставались пассивными к тому, как ее будут закрывать, или, если скажем, что мы считаем, что есть и могут быть лучшие методы подготовки рабочей силы, но школы фабзавуча закрывать не будем, будем их поддерживать? Никто не может сказать, что мы когда-то, где-то, настаивали на закрытии школ фабзавуча, а если вы это говорили, то говорили неверно. Если это так, вы должны считать, *что практически вы удовлетворены* на 100%, а принципы о «социалистическом воспитании», о «социалистических формах труда», всю путаницу, которую вы напустили по этому вопросу, мы правильной считать не можем. Вы хотите выйти с честью из той неумной путаницы, в которую вошли, мы помогать вам не будем, выбирайтесь сами, как умеете.

На самом деле, что такое — социалистическая организация труда подростков? Говорил об этом тов. Сырев, говорил тов. Жданов, оба говорили о «социалистической организации труда подростков». Социалистическая организация труда — это благо? Если это благо, то почему только для подростков, а не для всех рабочих? Нужно внятно, ясно и просто сказать, что представляет собой социалистическая организация труда, и если это бесспорно хорошая вещь, почему вы не предлагаете ее для всех? А вы где-нибудь внятно об этом сказали? Нет. А просто произносите эту красивую фразу. Но красивые фразы иногда бывают весьма красивы по форме, но очень бессодержательны по существу. Есть много фраз, которые люди повторяют с умиленным видом: ах, как хорошо! А когда в такую фразу вдумаешься — фразерство. Например, я часто встречаю комсомольские лозунги: «грызите молодыми зубами гранит науки». Но если наука — гранит, то ее зубами не прогрызешь, все зубы потеряешь *(смех)*. И почему науку можно грызть зубами? Эта фраза принадлежит Троцкому, а он на красное звонкое словцо мастер.

Труд в социалистическом обществе.

Форм социалистической организации труда сейчас, в переходный период от капитализма к социализму, — а мы живем в этот переходный период,— мы еще не знаем. Мы можем только предсказывать.

Социалистическая организация труда, по нашему предположению, будет состоять в том, что люди будут с детства получать полное разностороннее образование, попутно изучая трудовые процессы и законы механики. Я предполагаю, что развитое социалистическое общество будет обществом в высшей степени машинизированным. Я предполагаю, что ремесленные виды труда отойдут в область преданий в этом машинизированном обществе, в котором, главным образом, будет господствовать автомат-машина. Я предполагаю, что тогда разносторонне развитой человек будет с одинаковой легкостью переходить от различных видов труда. Я предполагаю, что социалистическая организация труда в развитой форме социализма будет исключать из себя все элементы трудового принуждения, она будет покоиться на сознательном отношении индивидуума с социально развитой коллективистической психологией к общественно необходимым трудовым операциям. Люди тогда будут работать не потому, что они обязаны по правилам внутреннего распорядка и колдоговору делать то или другое, а потому, что они, будучи членами общества, не могут не работать, не могут не выполнять общественно необходимых функций. Вот что такое, по-моему, социалистическая организация труда. Я, наконец, предполагаю, что в социалистической организации труда перемена занятий будет сопряжена не только со случайностями, но она будет необходимым условием

труда, как гарантия от вредных последствий однообразия труда, предохранение от утомляемости. Вот как мне представляется социалистическая организация труда в будущем. Я подчеркиваю, что это так мне представляется. Я согласен поговорить с товарищами-комсомольцами на эту тему более обширно, более обстоятельно в другой обстановке, но здесь, на с'езде профсоюзов, такой обширной темы я не могу достаточно подробно осветить. Тот, кто вдумается в то, что я говорил, думаю, согласится с тем, что я близок к тому, каким должен быть труд в социалистическом обществе. А если это так, то насколько эта современная дрянненькая школа фабзавуча, между нами говоря, не подходит к тому, что потребуется в будущем, не походит на то, какой должна быть школа, обеспечивающая действительно социалистическую организацию труда! Зачем же такими красивыми звонкими словами нас бедных запугивать? Школы фабзавуча, пока у нас нет лучших, мы, профсоюзы, будем отстаивать, будем поддерживать. Имейте в виду, товарищи-комсомольцы, если мы вас не поддержим, то кто вас, кроме нас, поддержит? *(Смех).* Вы наверное знаете, что при переплаве металлов появляются побочные продукты, например, при переплаве меди таким побочным продуктом является золото, а при коксообжигании побочным продуктом являются газ и бензол. Так вот из этого спора только ненужным побочным продуктом явились вредные, опасные нападки на ЦИТ

и на его руководителя т. Гастева. При чем тут тов. Гастев?

Люди уцепились за те или иные ошибки А. К. Гастева — директора нашего Центрального института труда. Позволю себе сделать здесь одну вставку. Кто-то из делегатов с'езда сказал: «какой-то там ЦИТ?». Советую, пока вы находитесь в Москве, ознакомиться и посмотреть ЦИТ. Это не есть «какой-то ЦИТ», а есть Центральный институт труда ВЦСПС, который нами из ничего создан и который сейчас является лучшим учреждением в мире по изучению и организации процессов труда. В нем не на словах, а на деле без звонких фраз изучают процессы труда так, как они есть. Поинтересуйтесь.

Из-за того, что А. К. Гастев допустил те или иные в своих рассуждениях или спорах ошибки, товарищи-комсомольцы напали на дело, которое наиболее ценно, наиболее дорого, наиболее важно, напали на ЦИТ, где не на словах, а на деле изучают процессы труда. Между прочим, товарищи-комсомольцы, если вы хотите быть беспристрастными, вы должны на собраниях молодежи не для рекламы Гастева, который в рекламе не нуждается, рассказать молодежи, как бывший слесарь А. К. Гастев, без денег, без средств, при поддержке ВЦСПС, своими руками, своей головой, несмотря на ряд ошибок, построил лучшее в мире учреждение, которым успешно и блестяще все время руководит.

Как создан Центральный институт труда.

Я позволю себе остановиться на этом, ибо для молодежи — это очень поучительный пример. Точно не помню, примерно, в 1919 или в 1920 г., ко мне приходит мой старый товарищ по 1905 году — Алексей Капитонович Гастев, с которым я в свое время очень много спорил и ругался по разным политическим вопросам: был он когда-то синдикалистом, был большевиком, работал в ЦК металлистов. Пришел тов. Гастев и говорит: «у меня идея, давайте построим институт труда». Я человек консервативный, — об этом сказать не стесняюсь, все профессионалисты это знают, человек очень осторожный в разных мероприятиях, — я говорю: «идея очень хорошая, но что тебе нужно для проведения в жизнь этой идеи?». Тогда деньги были не нужны, а все измеряли тем, сколько нужно сапог, сколько нужно пудов хлеба, сколько людей и прочее, и прочее. Вот тебе, я говорю, комната, стол, стул, пачка бумаги, чернила — пиши, а все остальное будет зависеть от того, что ты будешь предлагать и как это дело пойдет. Он говорит: «помещение надо, служащих». Никаких служащих, никакого помещения! Если у тебя из этого выйдет институт труда, тогда посмотрим.

Прошло несколько лет, вы можете теперь посмотреть, что из себя представляет институт труда, какие у него учреждения и сколько туда дало государство — очень немного — вы можете посмотреть его работу. Успех колоссальный, и он

достигнут благодаря настойчивости и энергии тов. А. К. Гастева. Разве можно, товарищи, после этого так легко подходить к людям, подобным тов. Гастеву, так небрежно, так походя ударить? Такой «побочный продукт» в дискуссии не годится.

Обоснован ли спор о броне?

Третий вопрос — разногласия о броне. Я в докладе сказал, что мы должны были считаться с постановлением с'езда советов. Тов. Мильчаков бросил мне реплику: «зачем старое вспоминать?». Но, позвольте, — это «старое» никем не отменено. Давайте сделаем новое постановление: постановления с'езда советов для ВЦСПС необязательны, а постановления с'езда комсомола для ВЦСПС обязательны. Тогда будем подчиняться решениям с'езда комсомола. IV с'езд советов СССР постановил вот что, позвольте прочитать, это не секретный документ:

«В виду существующего несоответствия между установленными в законодательном порядке нормами брони подростков и фактической потребностью промышленности в них для восстановления естественной убыли квалифицированных рабочих, с'езд поручает правительству установить нормы брони подростков, увязанные с фактической потребностью промышленности, при чем действующий процент брони исчислять только по отношению к квалифицированным рабочим».

Вот что постановил IV с'езд советов. Отсюда и пошло. Как мы выполнили решение с'езда советов? Если говорить с точки зрения советской лойяльности, мы погрешили перед с'ездом советов, мы отстаивали не то отношение, которое дано, а во много раз большее. Как я это и раньше излагал, дело обсуждалось в комиссии, в которой я, как представитель ВЦСПС, отстаивал интересы молодежи. При чем главная инициатива и главный бой за большее отношение процента подростков вели мы, в частности, я. Нас поддержали РКИ, НКТ и комсомол.

Как же от этой истории отмахнуться, как можно ее изображать так, как здесь ее изображают товарищи-комсомольцы? Вы требуете фактов, ну, а кто-нибудь опровергнет этот факт? Тут выступали товарищи и говорили, что они очень бедные и что их обижают. Но кто их обидел, они сами десятерых обидят. Когда почитаешь речь т. Жданова, то вспоминается пословица: «медведь корову дерет и сам же ревет».

Что ВЦСПС постановил по вопросу о броне? Мы постановили:

«Принять за основу проект НКТ. Признать необходимым: 1) Приспособить систему народного образования таким образом, чтобы школы-семилетки в первую очередь обслуживали рабочую молодежь. 2) На одном из ближайших заседаний президиума ВЦСПС заслушать доклад тов. Гастева на тему: «Роль ЦИТ в общей системе подго-

товки рабочей силы». 3) Признать, что вновь установленные в законодательном порядке нормы брони должны рассматриваться, как минимальные, и при перезаключении колдоговоров они могут повышаться».

Против чего же вы спорите: против того, что семилетка должна быть приближена к рабочей молодежи, против того, что нормы брони могут быть по колдоговору повышены? Вот вам постановление с'езда советов, Совнаркома, комиссии, прочитайте. Как же так получилось, что представители правительства спорили, хозяйственники предлагали норму брони на много меньше, мы за вас заступились, отвергли предложение хозяйственников, а нападение вы ведете на нас? Я этого никак не могу понять. Кто спорит против увеличения норм брони? Хозяйственники. Постановление чье выполняют? Постановление правительства. А почему же критика и нападки на нас, на профсоюзников? Не понимаю.

Пару слов о речи тов. Косырева. Мне кажется, что он не выдержал тона той полемики, которая должна выяснить вопрос. Нам кажется, говорит он, неправ Томский, когда пытается суть этих вопросов затушевать и неправильно передать делегатам. Кто же неправильно пытается информировать делегатов? Я не могу уходить со с'езда с кличкой, что я хотел обмануть с'езд. Вот вам документы, я их положил на стол, смотрите, судите сами, кто хотел затушевать этот спор?

Тов. Косырев излагает свою платформу и говорит: «мы стоим за то, чтобы количество брони сохранить и расширить». А я ведь вам читал постановление ВЦСПС, и мы тоже стоим за то, чтобы там, где можно, броню подростков расширить. Зачем же туман напускать?

Далее тов. Косырев говорит, что «мы хотим активно участвовать в нашей пролетарской общественности, а нам говорят: осадите назад, сперва научитесь, яйца курицу не учат». Разве на самом деле это так? Разве бывает так, что товарищи из комсомола хотят «итти к общественности», а мы, злые люди, отталкиваем их? Наоборот, я всегда говорил, говорю и буду говорить, — поучитесь, это не вредно. Я не рекомендую вам грызть какой-либо гранит, хотя бы и науки, но учиться не вредно. Тов. Косырев указывает, что будто бы кто-то говорил, — яйца курицу не учат. Если принять вызов тов. Косырева, то чего же он хочет? Чтобы яйца все же учили курицу? Мы говорили только одно: пусть из яиц вылупляются хорошие цыплята, но пока они еще не вылупились, пусть яйца не пытаются руководить курицей. *(Аплодисменты).*

Несколько хуже обстоит дело с тов. Ждановым. Речь тов. Жданова носила нехороший тон, нехороший характер. Мне не хотелось бы на ней останавливаться по двум причинам. Во-первых, потому, что тов. Жданов работал у нас в аппарате ВЦСПС довольно долго, более года, и в конце концов его взяли на более высокую должность. Тов. Жданов,

несомненно, очень хороший, очень способный молодой товарищ, из которого, мне кажется, может и должен был бы выйти при правильной постановке крупнейший профработник или вообще крупный работник, конечно, если человека не дергать с места на место, дать ему освоиться на работе, иначе у любого талантливого человека может развиться поверхностность. К тов. Жданову мы все относились с достаточным уважением.

Неверные, необоснованные обвинения.

Второй мотив, по которому я не хотел бы говорить о речи тов. Жданова, довольно курьезный мотив: он договорился до оргвыводов, и как будто бы Жданов требует смены Томского. Он говорит, что «тот руководитель, который не может осознать всей глубины наших принципиальных споров с профсоюзами по вопросам труда и образования рабочей молодежи, кто наше отношение к профсоюзам измеряет только тоном критики политики ВЦСПС с нашей стороны, тот не только не сможет сделать необходимых для своей дальнейшей работы правильных выводов из дискуссии, но и не сможет понять принципов, на коих основана наша совместная работа — совместная работа комсомола и профсоюзов среди рабочей молодежи. Не понимая этого, этот человек не сможет, как это нужно, укреплять в своей повседневной работе связь между этими двумя организациями в деле обслуживания рабочей молодежи».

Я думаю, что если бы такой человек нашелся, который не может обеспечить связи между комсомолом и профсоюзом, то такого человека надо убрать, но на самом деле это не так страшно выглядит, как здесь сказано. Не надо напускать много тумана в простые и ясные вопросы и тогда не будет таких людей, которые вас не понимают.

Тон речи тов. Жданова никуда не годится. Он пустил такие словечки: «трудно было представить себе, что обсуждение всех этих вопросов на нашем с'езде примет характер издевательства над предложениями ЦК комсомола». Тов. Жданов, позвольте вам сказать: легче на повороте. Надо придерживать язычек. На рабочих с'ездах не было, не будет и не может быть никаких издевательств. Зачем такое сгущение красок? И дальше речь тов. Жданова была построена в таких же тонах, непригодных для представителя рабочей молодежи перед лицом с'езда, представляющего весь рабочий класс СССР. Я прочту пункт за пунктом, где он изложил плюсы и минусы ВЦСПС, и остановлюсь на них. «Постановление президиума ВЦСПС, говорит тов. Жданов, о подтягивании уровня заработка подростков было, но первая часть этого постановления проводится слабо». То-есть, он бросает нам упрек, что мы приняли постановление о подтягивании уровня зарплаты подростков и постановления этого не выполнили. «Заработная плата подростков отстает», — слышно в речах и других ораторов. Вот у меня таблица:

Рост заработной платы в червонных рублях в марте 1928 г. в %% к марту 1926 г.

Название союзов и производств.	Все рабочие.	Ученики фабзавуча.
Транспорт—машиностроение	139,8	140,1
Металлургия	128,6	147,2
Бумажники	121,1	136,9
Полиграфическ.	123,8	145,5
Кожевники	124,4	159,3
Табачное	126,7	144,0

Неверно тов. Жданов бросил свое первое обвинение президиуму ВЦСПС. Не соответствует оно действительности. Может быть, недостаточное подтягивание — это верно, но что мы вообще не подтягивали зарплаты молодежи — это неверно. Вот вам цифры.

Второе обвинение: уменьшение брони подростков по сравнению с прошлым на 70.000 человек. Неверно, тов. Жданов. Все знают, что это неверно. Вы оперируете двумя вещами, и когда вы их не расшифровываете, то получается, что вы путаете *броню* с *людьми*. Люди — не броня. Это вещи разные. Как было дело до этих постановлений? Дело было так: броня была хорошая, но людей в этой броне не было, она не была заполнена, и мы вместе с вами не могли добиться ее точного выполнения.

Так или нет? Все вы знаете, что так. Броня была заполнена? Нет. А вы берете ту броню, которая, *если бы* остался тот процент, который был раньше, и *если бы* количество рабочих было

такое, как теперь, и *если бы* вся эта броня была заполнена на 100%, то тогда разница была бы в 70.000. Но вы это говорите о броне, а не о людях, когда у вас та броня не была заполнена. А что вы решили? Существующее количество учеников не может быть понижено и не будет понижено. И это проводится. Зачем же вы приходите и напускаете здесь такой туман? Броня и люди — это разные вещи. Количество учеников на фабриках и заводах не уменьшилось, и мы постановили не допускать уменьшения. О чем же вы спорите? Неверно тов. Жданов сказал второй раз. Позвольте я прочту то заявление, которое мне подал тов. Гиндин. «Установленные СНК и ЦИК по предложению ВЦСПС и Наркомтруда новые нормы брони подростков твердо закрепляют количество подростков, фактически находившееся в промышленности в период принятия закона. Закрепление это вдвойне застраховано: установлением законом такого процента брони, который соответствовал среднему проценту фактически занятых подростков в промышленности (4½%) и *воспрещением* специальным пунктом *увольнения подростков* в тех отдельных отраслях, где новые нормы могли бы оказаться ниже наличного количества.

Но зато новый закон по предложению ВЦСПС и НКТруда *расширил по сравнению с прошлым* сферу применения *юношеского труда,* распространив еще броню подростков *на кооперацию и ряд отраслей промышленности, где ее раньше не было*

(нефтяная, платиновая, железорудная, авто-транспорт и др.)».

Это сделано по чьему предложению? По предложению ВЦСПС и НКТруда. Попробуйте, оспорьте это.

Таким образом, заявление тов. Жданова об уменьшении новыми нормами на 70 тыс. человек количества занятых подростков в производстве *не соответствует действительности,* является вымыслом и одним из неудачных полемических приемов.

В связи с этим полезно указать на следующее: «в 1928 г. нехватало для строительства 52.000 квалифицированных строителей. Курсы ЦИТ и биржи труда, по методу ЦИТ, подготовили в 1928 г. 11.000 квалифицированных строителей. Попробуйте, оспорьте это. А все стройучи, т.-е. школы фабзавучей, дали за этот период 250 человек строителей». Вот вам размах работы. Вот факты. Я не мог читать все эти документы в своем докладе, но предполагается, что председателю ВЦСПС кое в чем можно поверить и на слово. А попробуйте, оспорьте эти документы. «Колоссальный рост безработицы подростков», говорит Жданов, и говорит, что это есть минус ВЦСПС. Ну, это уже чересчур свободное толкование роли и обязанности ВЦСПС. А раз вы заговорили о безработице, то позвольте вам указать на резолюцию XV партконференции. Может быть, кое-кто из вас знает эту резолюцию? Где впервые был поставлен до-

вольно резко вопрос о безработице среди молодежи? Он был поставлен на XV партконференции по моему докладу о профсоюзах. В этой резолюции говорится:

«Остро стоит вопрос о безработице среди пролетарской молодежи (подростки, так наз. переростки, главным образом, дети фабрично-заводских рабочих и низкооплачиваемых служащих»).

Дальше говорится об опасностях, которым они подвергаются, оставаясь без работы. Дается директива: «Самым деловым образом подойти к решительной ликвидации беспризорности детей и подростков, всемерно облегчить поступление на фабрики и заводы детям рабочих (подросткам и переросткам)». Тов. Жданов, мы — ВЦСПС — может быть плохо проводили это постановление XV партконференции, но вместо всех ваших принципиальных рассуждений о социалистической организации труда, почему вы не пришли к нам и не сказали: «почему вы плохо проводите эту резолюцию?»

Беспризорность можно считать почти ликвидированной, а кто ее ликвидировал? НКТруд и ГПУ. Почему эта инициатива попала в руки НКТруда? Вы говорите: «пожалуйста, критикуйте наши недостатки». Я и критикую их самым деловым образом. Почему вы не пришли с этой резолюцией и не внесли ряд основных предложений во исполнение ее? Обвинение ваше голословное, неверное, несерьезное

Дальше говорится такая вещь, которую не следовало бы вообще говорить перед с'ездом, на котором больше 50% рабочих непосредственно от производства. (Президиум с'езда почти поголовно состоит из рабочих). Тов. Жданов приходит сюда плакаться и говорить жалостные речи о больных подростках и о тягостных условиях труда молодежи. Недостойно это. Что, мы не знаем разве, как рабочим живется? Вы думаете, что мы, здесь присутствующие, считаем, что дошли до счастливого периода, когда уже все хорошо и благополучно? Ничего подобного. Я говорил в своем докладе, что рабочему живется трудно, и не буду удовлетворен, когда его жилплощадь повысится в два раза, когда его зарплата повысится в два раза; не буду удовлетворен, когда число домов отдыха увеличится в три раза, число санаторий в пять раз. То, что мы делаем, это только робкие шаги, только кое-что, а вы приходите сюда с большой программой обеспечения подростков и изображаете дело так, что мы хотим отмахнуться и считаем ваши предложения глупыми. Не в этом дело, а в том, что, когда вы говорите о подростках, это на 100% применимо к женщинам, к рабочим, ко всем. Если бы вы пришли и сказали: «вот мы, никого не обижая и не затрагивая ничьих интересов, придумали такой-то метод улучшить положение больных подростков», то вы бы открыли нам Америку. Вы молоды, у вас мозги молодые, свежие. Изобрели бы что-нибудь, тогда бы мы отнеслись

к вам серьезно. Но ведь в санаториях и домах отдыха имеется определенное количество мест, которое определяется количеством рублей в бюджете соцстраха. Это определенное количество мест я должен разделить между союзами металлистов, текстильщиков, горняков и т. д. Если на тысячу рабочих приходится одно место на курортах (в домах отдыха больше), то что вы мне порекомендуете? Выбросить из домов отдыха и санаториев тех, которые проработали на производстве по 15—20 лет и у которых наполовину с'едены легкие, расширены сердца и искривлены суставы? Вытеснить их и дать место подросткам? Вы это хотите рекомендовать? Не повернется у вас язык это рекомендовать. Что же вы хотите, чтобы я взрослым рабочим сказал в этом году: пускайте в дома отдыха и санатории вместо себя подростков? Куда это годится? На другой же день все рабочие по всему СССР сказали бы: дрянной ВЦСПС и дрянной НКТруд, куда их кто-нибудь толкнет, они туда и качнутся. Мы должны заботиться о всех рабочих, что мы и делаем. Мы делим все по союзам. Каждая организация больше дает тому, кто нуждается, независимо от его пола, возраста и национальности. Если есть какие-нибудь злоупотребления, — придите и скажите нам, — мы за это виновных взгреем. Давайте, установим ваш контроль над этим. Давайте, установим контроль над домами отдыха и санаториями, посмотрим кто там лежит? Может быть не рабочие? К нам при-

ходят то одни, то другие. Приходят от медицинских работников, приходят от работников просвещения и говорят: «у меня мало получают». Приходит Семен Шварц и говорит: «горняки плохо живут». Всякий хочет, чтобы его союзу дали предпочтение. А наша политика заключается в том, чтобы всех выслушать, все внимательно взвесить и не давать преимуществ тому, кому на данном уровне это не необходимо. Как ВЦСПС регулирует эти блага? Ведь кошелек один, сундук один и в нем все, что для всех нас отпущено. Если я дам одной пригоршней больше горнякам, значит, одной пригоршней меньше получит кто-то другой — либо металлисты, либо текстили, либо учителя. Вот как все это распределяется. Как вы этого не можете понять? Как можете вы приходить с такими несерьезными, неделовыми, нетоварищескими обвинениями? Когда приходят такие товарищи, как Жданов, и произносят такие речи, нехорошее остается впечатление. Каково мое положение? Меня критиковали двояко: товарищи-комсомольцы говорят: «если мы неправы, бейте нас». С другой стороны, говорят: «на нас очень нападают, бьют, нельзя нас бить, не грози, говорят, кошельком, не касайся вопроса о деньгах». А потом заявляют: «Томский отшутился, посмеялся над нами». Вы обижаетесь, что я говорил так, что зал подсмеивался над вами. Чего же вы хотите, чтобы я говорил так, чтобы зал плакал о вас? *(смех)*. То же самое повторяли и другие. Ну, если вы хотите, что-

бы я дискуссировал с вами так, чтобы никому не сделал больно, ни над кем не посмеялся, ни на кого не обрушился, то возьмите меня, председателя ВЦСПС, замажьте мне рот замазкой, закрасьте его суриком и посадите меня куда-нибудь в темный угол *(смех)*.

Вместе работать, вместе нести ответственность.

О кошельке. Никакой угрозы тут нет. И, конечно, никто не поверит тов. Мильчакову и никому другому, что с моей стороны здесь была угроза.

Позвольте поговорить о своеобразной роли профсоюзов в системе прочих добровольных советских организаций. Во-первых, разрешите вам напомнить историю вопроса, которая заключается в следующем. Наша финансовая политика и финансовое положение резко разделяются на два периода: до нэпа и после нэпа. До нэпа денег у нас было сколько хотите, тогда деньги мы считали вагонами и думали, что, чем больше денег мы напечатаем, тем скорее они обесценятся, тем скорее у трудящихся масс лопнет вера в этот фетиш капиталистического строя. Потом решили, что это неправильно. Перешли к укреплению червонца, а мы внутри профсоюзов перешли к системе существования на членские взносы. Я только кратко напомню о том, с каким трудом приходилось пробивать психологию профессионалистов, дабы они поняли, что существовать на членские взносы нам необходимо, что членские взносы надо считать.

Тогда также говорили, что это делячество, что это значит заниматься копейками и т. д. Но мы заставили считать. После бешеной работы и пропаганды люди научились так работать над членами союза, что те в известное число вынимают из кармана кошельки и платят членские взносы. Это — большая работа.

После этого наша роль среди общественных организаций стала своеобразной. Мы поставили работу. Сначала утверждали все, что бездефицитно профсоюзы не могут работать. Потом оказалось, что мы не только работаем бездефицитно, но еще денежки остаются, тогда стали строить клубы и выдавать пособия безработным. Напомню товарищам, что когда мне, в качестве председателя ВЦСПС, приходилось проводить все эти одно за другим мероприятия, порой приходилось как в стену лбом бить, только и было слышно: «немыслимо, невозможно». Однако, теперь — это пройденный этап, теперь у нас есть денежки.

Отношение многих добровольных организаций к нам стало несколько своеобразным. Кто не упрекает нас за недостаточную поддержку разных мероприятий? Все хотят, чтобы мы помогали всем из своих средств. Но ведь, товарищи, мы тоже добровольная организация. Суть добровольной организации та, что она об'единяет членов на добровольных основах, которые для выполнения целей этой организации, согласны нести некоторые жертвы. Вот суть. Когда говорили, что это

невозможно поставить, мы доказали, что это возможно. Теперь все говорят: так как у вас денег много, поделитесь с нами. А если бы вы, товарищи, попробовали сами так поставить. Это трудно, но попробуйте сами поставить. Средств у вас немного, клубы надо строить, и когда к нам приходят товарищи и легкомысленно говорят: «вы нам денег дайте на то, на другое, и т. д.», не забывайте, что у нас обязанности многообразные. Всякий, кто будет выступать, все будут говорить о новых и новых задачах профсоюзов. Чего мы не обязаны делать в Советской республике? Все обязаны делать. Мы во всех отраслях государственной жизни, и со всех сторон нас бьют: там не выполнили, тут не выполнили, и все первостепенные задачи, голова кругом пойдет. Посмотрите, тов. Крупская, которая искренне расположена к профсоюзам, сколько она на нас задач возложила: и о советах, и об учительстве и т. д. Все это требует денег. Можно сказать: «деньги — пустяки», но на самом деле, деньги не пустяки. У нас работа развернулась тогда, когда мы поставили ее финансово правильно. От постановки финансов зависят все взаимоотношения. Когда мы сверху вас субсидировали, можно было не приходить особенно отчитываться, все равно, вы, низовые организации, от нас получали, а теперь, когда вы нас содержите, вы иначе стали к финансовой отчетности относиться. Теперь в ваших руках ключ от организации, и вы можете определить — повысим членские взносы,

работа ВЦСПС будет лучше на энное число процентов. Поэтому я и считаю, что ни с какой пролетарской точки зрения ничего зазорного нет в том, что в пролетарской организации считают рабочие копеечки: десять раз сосчитай и десять раз проконтролируй. И когда вы хотите отшутиться от вопроса или обидеться, «ах, Томский говорит о деньгах», извините, нельзя так подходить к вопросу.

Товарищи-комсомольцы меня не могут ни в чем упрекнуть. С начала организации комсомола, а он на моей жизни и памяти организовался, я уже был сознательным человеком, когда он организовался, я никогда не обращался, никогда не говорил, никогда не подходил, и пока жив, не буду подходить к молодежи *со словами лести*. Вреднее всего льстить молодежи. Вы — лучшая часть человечества потому, что вы молоды, потому, что перед вами лежит будущее, потому, что вы увидите то, чего нам еще не суждено увидеть, но закрывать глаза на ряд ошибок молодежи, не выправлять ее, это значит потакать всем ошибкам. И в другом не может меня упрекнуть молодежь, что тогда, когда бывало общественное увлечение искать грехи молодежи — распущенность и т. д., я никогда не был, не буду в этих рядах, ибо без лести считаю, что современная молодежь гораздо лучше той, какой были мы в ее лета. И люди, убеленные сединами, которые приходят искать пороки у молодежи, и слишком жестоко их бичуют, с моей точки зрения, вызывают осуждение потому, что утверждаю,

что мы в этих летах жили в других условиях, у нас не было того, что у них, и мы были гораздо хуже, испорченнее. Из этого не следует, что мы должны всегда говорить вам комплименты. Никогда не буду этого делать. Мы — за дружную работу, за союз между профсоюзами и комсомолом, но давайте условимся, что этот союз должен быть основан на взаимной самокритике, я это принимаю, но давайте понимать это так, что и мы можем вас критиковать. Не только вы нас. Что же вы обижаетесь, когда я начинаю вас критиковать? Ах, Томский напал. Почему я должен только смотреть на вас и любоваться: «ах, какие хорошенькие, ах, какие умницы». Если вы лучше нас, вы живете в других условиях, вам больше дано, с вас больше спросится. Мы — за дружную работу, за союз, но если союз такой, что мы будет работать, а вы — критиковать, спасибо за такой союз, нельзя ли поменяться ролями: вы будете работать, а я буду критиковать *(аплодисменты)*. Я против такого союза не возражал и не буду возражать. Союз — вместе работать, друг другу помогать. Самокритика — вместе критиковать, но вместе нести ответственность, а не так: подросткам плохо живется, — руки в брюки, ах, этот ВЦСПС плохо заботится о подростках. Против такого союза мы будет решительно возражать.

С директивой в кармане.

О представительстве. Я очень рад, что т. Мильчаков, наконец, сознает, что дело с представителями

было поставлено нехорошо. Как ни утверждайте, а грех в этом деле, должен сказать прямо, был. Все ваши благие обещания остаются обещаниями, если вы не примете некоторых организационных мероприятий. Я верю, что вы искренне хотите улучшить систему представительства, чтобы ваш представитель работал, по крайней мере, вы хотите этого сейчас, здесь, когда вы на с'езде. Но вопрос в том, что каждая организационная система требует известных организационных внутренних отношений и из порока этих отношений вытекает ряд организационных пороков. В данном случае порок заключается в том, что ваш представитель рассматривает себя в профсоюзе, не как работник профсоюза, а именно, как представитель, работающий под вашим руководством, и пока будет ощущаться подобное двойное руководство, до тех пор будет то, что в профдвижении женский актив будет перегонять рост актива комсомольцев. Тов. Вейнберг попытался это элементарно об'яснить. Вот если бы, говорит, тов. Томский, и все другие также поддерживали и выдвигали комсомольцев, как женщин, тогда были бы другие результаты, это было бы гораздо полезнее. Я не знаю, что было бы полезнее, полезнее выдвигать женщин или молодежь. Я думаю, что и то, и другое полезно, но вопрос заключается не в этом. Когда женщины пошли расти? Вы спросите всех женщин-активисток, когда женщины начали расти? Тогда, когда окончилось двойное руководство, когда женщины вошли органической

частью в работу профсоюзов, тогда, когда они стали подходить к общей профессиональной работе по обслуживанию всех рабочих, когда перестали быть защитниками исключительно женского дела. Тогда они пошли расти. Пока ваши представители приходят в ВЦСПС с готовой директивой в кармане и по каждому вопросу бегут за директивой в комсомол, до тех пор, при всем моем желании, как я могу понимать, как могу помочь ему расти, как могу им руководить? Когда Мильчаков ими руководит и я руковожу, тогда, поверьте мне, никто не руководит. Двойное руководство ни к чему не приведет. Как это можно руководить человеком, у которого в кармане директива? Как только эта директива вся выйдет, он за другой бежит *(смех)*.

Самокритика хорошая вещь, пожалуйста, критикуйте, критикуйте прямо, но не так, чтобы сразу орать двумя миллионами глоток, это громко будет, не годится. Тут кто-то из товарищей правильно сказал, что это совсем не годится. Подумайте, если ВЦСПС в 11 миллионов глоток закричит, что это будет! Критикуйте, пожалуйста, поверьте, что мы с должным вниманием отнесемся к этой критике. Мы дорожим мнением молодых рабочих, как должны дорожить мнением и уважением детей все отцы. Когда я говорю об отцах и детях, порой это не лишено преувеличений и выглядит забавно. На самом деле, если посмотреть между Ягломом (старый) и Мильчаковым (молодой) разница года в четыре. Вот вам отцы и дети *(смех)*. Если вы сегодня

комсомольцы, то через пять лет вы перестанете быть комсомольцами и будете обычными рабочими, перейдете в разряд отцов. Ясно, что каждый, кто смотрит на будущее, понимает, что как так можно не считаться с мнением молодых рабочих? Что за вздор? Но нужно признать, что учитесь вы плохо. Если вы не поставите себе задачу, что вы к будущему с'езду дадите, не в силу того, чтобы их выдвигать, потому что они молодые, таких активистов, — таких работников, которые будут работать внутри профсоюзов, которые должны будут притти на смену теперешнего актива, если вы такой задачи перед собой не поставите, тогда зачем говорить об учобе, ибо из этого ничего не выйдет, и мы будем продолжать разговаривать на разных языках. Слишком вы подходите, не в обиду будь вам сказано, поверхностно к профсоюзам, вы подходите к ним, как организация в стороне стоящая. А ведь вы все — члены профсоюзов — находитесь внутри профорганизации, почему же вы от нее в стороне? Вот эта попытка влиять на профсоюзы не извнутри путем завоевания их, завоевания доверия и уважения масс, здесь внутри профсоюзов, а влиять извне, эта попытка приводила и будет приводить к нехорошим результатам, к дискуссиям, к взаимному непониманию.

В профсоюзах бюрократизм? Да, бюрократизм есть. Но, товарищи, если уже говорить о критике профдвижения — критикуйте, но тот, кто, хоть сколько-нибудь знаком с нашей деятельностью, по-

нимает, что больше, как мы сами, нас никто не критикует. Больше тех недостатков в нашей практической работе, о которых я сказал в докладе, — ей-ей никто не указал. Тот, кто читал наши директивные письма, выступления, брошюры, с указанием на недостатки, тот скажет, что значительная часть появляющихся в печати статей есть не всегда удачный пересказ сказанного нами. Разве не так? Мы не боимся самокритики, что вы, не в этом дело. Но почему ни один из вождей комсомола не сказал, обращаясь к молодежи: «берегите, укрепляйте, развивайте профессиональные союзы, эти величайшие массовые организации рабочего класса, этот необходимейший передаточный механизм от партии к широким рабочим массам», — почему? Вот этакого тона, необходимого, бережливого, любовного отношения к профсоюзам, мы в ваших словах не слышали; в то время, как мы хотим, чтобы такое отношение к профсоюзам развивалось.

Разногласий с комсомолом нет.

В личных об'яснениях, товарищи комсомольцы говорили, что мое выступление, или полемика на с'езде может быть понята, как сигнал — «бей комсомол». Товарищи, было бы очень печально, если бы это было так понято. Если вы хотите знать, почему тогда, когда началась полемика, тогда, когда в комсомольских газетах изображали меня, комиссара труда Шмидта, Догадова, Мельничанского и др. в не совсем приличных каррикатурах, мы,

в частности, я, молчали? Именно потому, что я не хотел, чтобы мое выступление могло быть понято, как лозунг «бей комсомол». Это не может и не будет так истолковано, ибо здесь присутствующие понимают, что одно дело полемика, одно дело выяснение вопроса, хотя бы в очень горячих спорах, другое дело вражда. О последнем не может быть и речи. Однако, начав полемику, не обижайся, когда тебя критикуют (смеются). Научите меня полемизировать так, чтобы не смеяться, не вышучивать, не обижать. Я так не умею. Кто умеет, научите. Вот выступление тов. Жданова. Я тоже могу сказать: вы меня обидели. Вот, например, выступления товарищей Жданова и Мильчакова мне тоже не нравятся. В чем дело? Если бы вы за меня говорили, мне бы понравилось, против меня, — не нравится. Вам, конечно, не нравится мое выступление потому, что я говорю против вас. Но не можете вы требовать, чтобы я, в том числе и президиум ВЦСПС, всегда на все 100% соглашались с вами. Работа должна быть налажена. Я за дружную работу с комсомолом. Я говорил и повторяю, что тот, кто будет небрежно, неуважительно, несерьезно относиться к массовой организации наших молодых рабочих, ВЛКСМ, тех мы будем призывать к порядку. Работа среди молодежи должна быть улучшена, усилена, выдвижение молодежи должно быть улучшено, но, поверьте вы мне, если комсомол не даст лозунга: «берегите профсоюзы», «внимание профсоюзной работе», если комсомол не укажет

своим работникам, что выборная работа в профсоюзах есть важнейшая почетная работа в рабочем классе, если вы сами серьезно не подойдете к этой работе, если вы будете думать, что для того, чтобы быть профессионалистом, достаточно посидеть на одном из заседаний, получить билет, чин — уже профессионалист, если вы не поймете, что профработа требует постоянной, длительной, упорной работы, чтобы усвоить ее, понять и знать каждый винтик в союзной организации — тогда выдвижение на профработу молодежи пойдет помимо организации комсомола.

Вы сказали: здесь присутствует молодежь, а большинство не комсомольцы. Вот вам грозный призрак! Молодежь будет выдвигаться, но не через организацию ВЛКСМ, а пойдет мимо ее. Наладить работу, это значит научиться уважать друг друга. Мы относились и будем относиться с уважением к комсомолу, к нашей братской организации, у которой масса заслуг, которая выдвинула много ценных товарищей, и которая является органом, воспитывающим широкие кадры пролетарской молодежи. Комсомол должен быть ближайшим помощником профсоюзов. Каждый комсомолец должен быть самым стойким, самым лучшим, самым дисциплинированным членом союза. Он должен любить и с уважением относиться к своей кровной организации — профсоюзу. Если такую задачу не поставит перед собой комсомол, то у нас никогда не будет необ-

ходимой смычки между комсомолом и профсоюзом. Эту дискуссию нам пора кончить. Вы видите, что все споры по практическим вопросам, которые вы выставили, окончены. Куда девались все эти разногласия? Их надо вновь высасывать из пальца. Если вы не вернетесь к вопросу о том, является ли «наилучшей формой подготовки к социалистической организации труда молодежи» школа фабзавуча, если вы не вернетесь на эту безнадежную позицию, то темы для дискуссии нет.

Нужно ли фабзавуч передавать хозорганам или не нужно? Для меня это вопрос практический, и спорить по этому поводу я не хочу. Вот с'езд — люди, которые лучше меня знают эти школы, знают, как там работают, какие там отношения, — пусть они решат. Если с'езд скажет, что передавать их хозорганам не надо, то я ни капельки не огорчусь, — значит мы ошиблись в тезисах. Мы этот вопрос не изучили, спорить об этом не берусь и ничего тут принципиального быть не может. Если вы будете приходить к нам по-товарищески и все практические вопросы, возникающие между нами, разрешать в чисто деловом порядке, без принципиальных обоснований, без деклараций, то мы с вами всегда договоримся, потому что плох между нами будет союз, если он будет основан только на том, что что бы вы ни хотели, — мы должны выполнять. Мы построим этот союз на других началах, на началах деловых, товарищеских и тогда никаких разногласий и споров не будет. Мы выра-

жаем уверенность, что у нас с комсомолом будет хорошая работа, а из-за того, что мы немножко побранились, дурного ничего не будет: «милые бранятся, только тешатся». *(Аплодисменты).*

„Антиделячество" взрослых.

Хуже, или во всяком случае не лучше, обстоит дело со взрослыми. Если со стороны наших молодых товарищей слышно пренебрежительное отношение к «делячеству», то это вполне понятно,— молодым людям не так легко подавить свой темперамент, усесться за кропотливую работу, но когда взрослые люди подходят с «антиделяческим» подходом к критике ВЦСПС, то это вызывает недоумение. Кое-кого из товарищей не удовлетворило мое выступление, мой доклад, думаю, что этих товарищей меньше всего удовлетворит и мое заключительное слово.

Напомню вам маленькую техническую деталь. Доклад я вам делал и защищаю его в заключительном слове от имени Всесоюзного Центрального Совета Профсоюзов, а не от имени президиума. Отчет тов. Догадова в основном одобрен пленумом ВЦСПС. Товарищи Вейнберг, Шарангович, Кузьменко являются членами Всесоюзного Центрального Совета Профсоюзов. Странно, сидят они в профорганизациях и смотрят, как мы куда-то «уклоняемся», видят, как мы делаем ошибки, но почему же никто никогда не говорил: «товарищи, вы, мол, извращаете линию ВЦСПС». Когда я про-

смотривал стенограмму речей товарищей Вейнберга, Шаранговича, Кузьменко, я задал себе вопрос; а было ли подобное выступление с такой критикой на пленуме ВЦСПС? Я попросил своих помощников просмотреть стенограммы пленума. Оказывается, ничего подобного не было. Тов. Шарангович говорил на одном пленуме о клубном строительстве и о колдоговорах и только. Почему вы не вышли с критикой на последнем пленуме? В чем дело? И что случилось за эти 3—4 дня?

Если приходится говорить о новых активистах, что у них, у людей, впервые выступающих с этой трибуны, чувствуется сознание своей ответственности, то этого нельзя сказать о некоторых членах ВЦСПС. Тов. Кузьменко говорил об организационной неустойчивости. Организационная неустойчивость, может, была не в ВЦСПС, а в ВУСПС, секретарем которого вы состоите? Почему раньше вы не говорили об организационной неустойчивости? Говорили вы о ней от себя или от имени украинской делегации? Если от имени украинской делегации, то почему украинская делегация не выступала ни на одном пленуме и не сказала, что ВУСПС недоволен организационной политикой ВЦСПС, — почему вы этого не сказали? Не понимаю, в чем дело.

Демократический централизм и демократия наизнанку.

Тов. Кузьменко выступает против централизма и в то же время всячески старается отмахнуться,

когда ему тов. Фин сказал, что от вас попахивает федералистическим душком. О чем тоскует душа ваша, тов. Кузьменко, о каком граде Китеже взыскуете вы?

А вот, как ни кинь, а нам, ВЦСПС, приходится за вами посматривать, хотя вы и Всеукраинский Совет Профессиональных Союзов. Это неприятно, вам неудобно, иногда обидно, но это необходимо. Может быть, отсюда и появилась у вас такая нелюбовь к централизму? А все-таки посматривать приходится. Вы провели свою систему госнормирования служащих, отличную от общей системы, без связи и согласования с Наркомтрудом и с ВЦСПС. Назвали это унификацией зарплаты. Где эта унификация теперь, какие результаты она дала? Плохие результаты. Нам пришлось выступать против этого. Поправили. Вы попытались по-своему, по-украинскому, расходовать средства Цусстраха. Нам пришлось вызвать вас в Москву и немного пошевелить. Поправили. Это как — централизм или нет? Мы считаем, что это здоровый централизм. В прошлом году вы провели свой закон о ненормированном рабочем дне, по которому допускалось по соглашению сторон всех служащих, независимо от квалификации, переводить на ненормированный рабочий день. Мы против этого выступили. Пришлось этот закон отменить. Это как — централизм или не централизм? Если вы это считаете централизмом, то позвольте вам сказать, что такой централизм должен быть и впредь. Если вы не хотите

такого централизма, тогда скажите прямо: мы хотим федерализма. Как же иначе? Я утверждаю, что если мы будем выполнять те резолюции, которые до сих пор приняты, и если мы будем сохранять в стране единое, построенное по принципу демократического централизма профдвижение, то такой централизм с нашей стороны будет. От этого вы, тов. Кузьменко, никуда не уйдете.

Тов. Кузьменко бросил упрек, что наши инструктора ездят, наскакивают, ни на кого не обращают внимания, не докладывают о результатах работы заинтересованной организации и т. д. Неверно. Из 21 инструкторского посещения работниками ВЦСПС Украины в 19 случаях наши представители увязывали свою работу с ВУСПС и информировали последний о результатах обследования. Факт это или нет? Факт. В двух случаях не увязывали. Первый случай с тов.Кидияровым, который был послан ВЦСПС на обследование профработы в Одессе. Я в это время, по поручению ЦК партии, выехал в Шахтинский и Луганский районы для обследования на месте шахтинских событий. Так как мне нужны были люди, которым я доверяю, люди опытные в обследовательской работе, то я телеграфно вызвал тов. Кидиярова: «Бросай все, приезжай». Уважительный это случай, когда тов. Кидияров не мог согласовать своей работы с ВУСПС? Я думаю, что я был прав: мне нужен работник, его я снимаю на более важную ответственную работу.

Второй случай: с комиссией по обследованию Донбасса. Мы постановили, что надо посмотреть, как проводится наше постановление о шахтинском деле. Создали комиссию во главе с тов. Клиницким. Тов. Клиницкий не согласовал своей работы с ВУСПС, потому что мы вызвали его телеграфно в Москву: «Кончай скорей свою работу, не задерживайся». Что сделала комиссия тов. Клиницкого? Значит ли это, что если комиссия не согласовала с ВУСПС, то они нигде не отчитались? Комиссия отчиталась на 12 предприятиях о своей работе. Комиссия сделала доклады на всех обследованных предприятиях и во всех соответствующих ОСПС: в Артемове, в Сталине, в Шахтах. Только не поехали в ВУСПС. Ну, я допускаю, что эта комиссия должна была бы сделать доклад и в ВУСПС. Но перед изложенными мною фактами, которых не оспорить, как может тов. Кузьменко делать такие заявления? Не серьезно это. Надо выходить на эту трибуну с более ответственными заявлениями. Тов. Кузьменко хотел на нас — ВЦСПС — свалить вину за плохие бытовые условия в Донбассе, это с больной головы, да на здоровую. За шахтинское дело, может быть, вы тоже на нас вину возложите? Тов. Кузьменко, не надо пенять на зеркало, когда физиономия кривовата.

Тов. Кузьменко попытался быть оригинальным в вопросе организационном. «На VIII с'езде, — говорит т. Кузьменко, — опять делается установка: фабзавкомы, цеха, смены. Я утверждаю, что это

является недостаточным. Нам нужно итти дальше, переносить центр тяжести в группы». На какие группы, в чем дело? А вот: группа выбирает делегата, нужно из этого сделать опору. Я боюсь, что получится демократия наизнанку. После этого тов. Кузьменко выйдет и будет говорить, что незачем на группу опираться, нужно опираться на каждого отдельного рабочего. Вы поставьте сперва цеховую работу так, как она должна быть поставлена: не нужно излишней торопливости. В организационных вопросах торопливость вредна. Проверьте, если не на ряде лет, то на ряде месяцев опыт данной организации, то, что ею проделано. Проследите и посмотрите за каждым винтиком, обсудите, а потом уже делайте выводы. А это — излишняя размащистость. Зачем нам на цех, давай на группу опираться, пойдем дальше,— давай на отдельного человека. Повторяю, — это демократия наизнанку, которая никуда не годится, и бестолковая торопливость.

Я думаю, что критика т. Вейнберга немногим пока ушла от критики тов. Кузьменко. Она уже потому не могла уйти, что он тоже член ВЦСПС. Нельзя сидеть и помалкивать, дожидаясь, когда будет с'езд профсоюзов. Не для этого вас выбирают в ВЦСПС, а для того, чтобы вы поправили, контролировали в процессе работы. Кого вам угодно выбирайте в совет, но вы в праве требовать от члена совета, что раз он видит, что президиум проводит неверную линию, он должен поправлять

ее в процессе работы, а не ждать два года до нового с'езда: вот на с'езде выступлю и покритикую! Что это за работа? Если вы правы и видели наши ошибки, почему вы нас не поправили? Или на вас благодать снизошла узреть ошибки, только когда вы на с'езд пришли? Только сейчас вы заметили эти ошибки или раньше? Где же вы тогда были раньше?

Не все неурядицы зависят от производительности труда.

Неверна со стороны тов. Вейнберга критика «Труда». Неверно, что якобы «Труд» не отзывался относительно поднятия производительности труда. К вопросу о поднятии производительности труда, как ко всякому вопросу, можно подойти с нескольких сторон. Мы — за поднятие производительности труда, но когда начинается такая критика производительности труда, когда говорят: «хозяйственные неудачи — потому, что производительность труда низка, плохо снижается себестоимость, производительность труда низка, плохое качество продуктов, — производительность труда низка» и т. д., пытаясь все свалить на производительность труда, к этому прибавить расхлябанность, отсутствие трудовой дисциплины и т. д., и все недостатки свалить только на рабочего... Ну, извините, если при этом и мы, профсоюзы, будем говорить: «во всем виноваты, в конечном счете, рабочие», то получится совсем некрасивая картина.

Когда виноваты рабочие, то мы должны без тени замазывания говорить об этом. Но так, товарищи, нельзя. В социалистическом отечестве так не работают, так социализма не строят. Нужно поднимать производительность труда, — мы говорили и говорим об этом. Но когда пытаются и бесхозяйственность, и неряшливость, и растяпистость свалить на недостаток производительности труда, — тогда «Труд» должен защищать рабочих и говорить: «извините, производительность производительностью, а и вы немного должны шевелить мозгами».

Сваливать все на производительность труда очень легко, ибо рабочие, на которых сваливают, — далеко. Считать, что все неурядицы зависят от производительности труда, такой линии мы никогда не будем держаться. Мы должны точно определить, что и как нужно отнести за счет плохой работы рабочих, а что — за счет неудачного хозяйствования. Хотя падение производительности труда и имело место на ряде предприятий, но годовые результаты показали, что производительность труда на 15% перегнала рост зарплаты, чего еще никогда не было в истории диктатуры пролетариата.

Легко кричать и поднимать шум о том, что во всем виновата производительность труда, говорить о том, что газету «Труд» должна выправлять «Торгово-Промышленная Газета», но это — несерьезное, неделовое обвинение.

Фабзавкомщик сценический и настоящий.

Никуда не годится, когда такой старый профработник, как тов. Вейнберг, говорит о каких-то председателях фабзавкомов, которые напоминают ему фабзавкомщика из пьесы «Рельсы гудят». Плохо, товарищи, если мы будем составлять себе представление о наших активистах по театральным пьесам. Плохо мы сближаемся с массами, если для того, чтобы знать своего профсоюзного активиста, нам надо пойти в театр и посмотреть, как его там изображают. Большего отрыва от массы быть не может. К чести нашего актива надо сказать тов. Вейнбергу, что ни наш актив, ни наши фабзавкомщики ни капли не похожи на тот тип, который выведен в пьесе «Рельсы гудят». *(Аплодисменты. Голоса:* правильно). Когда я был в этом театре, то ко мне подходили и спрашивали: «Как тебе нравится эта пьеса, тип фабзавкомщика?». Я говорил, что этот тип столь же похож на председателя фабзавкома, как на китайского императора. Бранят ли эту пьесу, хвалят ли ее, я считаю, что с этой точки зрения, с точки зрения выявленного типа фабзавкомщика, она никуда не годится. Единственно, кого там постарались изобразить в гадком, непристойном виде, это — председателя фабзавкома. Это — характерная черточка. Но как бы ни были плохи наши председатели фабзавкомов (я говорю о средних работниках), на их шее мы сделали всю революцию, через них проводили

все трудные мероприятия. Вот уж кому нельзя позавидовать, так это — председателям фабзавкомов и низовым работникам. *(Аплодисменты).* Если нам здесь приходится расстраиваться, когда мы подписываем с хозяйственниками положение о норме прозодежды, то каково приходится фабзавкомщику там сидеть за столом на заводе, когда каждый сует ему плохую рукавицу: «нет, ты смотри: у нас плохие, а у них — хорошие! У нас нормы на два месяца, а они изнашиваются в неделю!». Им приходится выдерживать истерики и за плохую прозодежду, и за низкую норму заработной платы, и за все. Мы ему дарим по 22 кампании в неделю, при чем каждая — в первую очередь и каждая — по первому разряду. И потом выходит, умный на 100%, председатель ЦК и говорит: это те, которые похожи на фабзавкомщика из пьесы «Рельсы гудят».

Со мною был такой курьез. Подошла ко мне в театре жена одного ответственного работника и спрашивает: «как вам нравится пьеса?» Я отвечаю: «ничего себе; пьеса, как пьеса». А она говорит: «Очень хорошая пьеса — завод прекрасно изображен». Для тех, кому надо посмотреть завод на сцене, потому что в жизни они его не видали — это так. *(Аплодисменты).* Нельзя по сценическому заводу составлять представление о настоящем. Нельзя по сценическому фабзавкомщику составлять представление о настоящем, действительном, революционном фабзавкомщике — об этой серой

революционной скотинке, которая прет на своей шее все профдвижение, все хозяйственное строительство и всю советскую власть. *(Аплодисменты).*

Своих ошибок мы не замазываем.

Что сказать о тов. Шаранговиче? Тов. Шарангович пошел по такому пути: он взялся критиковать меня за то, о чем я не говорил. Надо признаться, что я многого не сказал. Я не сказал, например, о китайской революции, о забастовке в Лодзи, о последних событиях в Германии, я не сказал о восстании в Афганистане, в общем — много, о чем я не говорил. Тов. Шарангович с глубокомысленным видом заявил, что он перечислит те вопросы, которых я не коснулся. Я сидел и ждал. «Вот, говорит он, важный вопрос о рабочем снабжении». Я думаю: «Ну, сейчас предложить что-нибудь по рабочему снабжению?». Ничего. «Вот, думаю, важный вопрос, которого Томский не коснулся — о направление капитальных вложений». Я думаю: «вот скажет, что-нибудь умное о направлении капитальных вложений?». Опять ничего. «Томский ничего не сказал о выдвижении». Ну, думаю, тут-то он скажет, что-нибудь: вопросик простенький — каждый низовой активист может сказать о выдвижении очень много. Нет, ничего не сказал, пошел дальше. Итак, по всем вопросам — ничего! Я только ждал, что он сейчас скажет о том, что Томский ничего не говорил о проблемах методологии. Только этого нехватало! *(Смех).* Когда

с подобными речами выступают такие почтеннейшие особы, такие гранд-персоны, как председатель союза пищевиков, председатель областного совета профсоюзов, секретарь целого крупнейшего республиканского совета профсоюзов, и когда они ничего не могут сказать, то приходится сделать вывод: они получают себе свидетельство на бедность, а нам это говорит о том, что не могут найти у нас ошибок.

Некоторые ошибки у нас были, и мы сами о них рассказали, ни на минуту их не замазывая. Скверно было бы, если бы мы не хотели нести ответственность за свои ошибки. И к грехам ВЦСПС не принадлежит такая черта, чтобы мы отказывались нести за что-нибудь ответственность. Мы не только несем ответственность за ВЦСПС, мы несем ответственность за работу каждого ЦК, за каждый областной совет, за каждую организацию. И когда нам говорят: где-то там в профдвижении плохо, то мы никогда не становимся в позу и не говорим: «ага, плохо — смотрите». Мы говорим тогда: «у нас плохо». Может быть, мы иногда болезненно реагируем, когда слишком резко критикуют наши организации. Не потому, что мы не любим самокритики, а потому, что мы чувствуем ответственность за каждую организацию и знаем, как трудно работать на местах. Если мы пересчитаем все до одной обязанности, которые на нас лежат, то уже за одно это «да благо нам будет и да долголетни будем на земли». Я попросил составить номен-

клатуру всех наших отраслей работы и все наши обязанности переписать на карточках. Когда были переписаны только те обязанности, которые мы должны нести по одной культработе, то получился гигантский труд. Не может быть, чтобы в этой гигантской, безбрежной работе не было многих недостатков, много невыполненного, много сделано вкривь и вкось — это для данной стадии неизбежно. Если же принять во внимание, что мы еще с вами некультурны и так завалены работой, что заняться, подчитать некогда, необходимую газету порой нет времени прочитать, и так работаем изо дня в день, а задачи растут, работа усложняется,— тут, конечно, без ошибок не обойтись и есть что покритиковать. Однако, если критика идет не только для критики, то нужно честно сказать, что наша работа была не так плоха.

О норвежско-русском об'единении.

Мне приходится в нескольких словах коснуться речи тов. Транмеля, который недоволен моим выступлением. Еще раз повторяю, я вовсе не брал на себя обязательства: всем сделать удовольствие, никого не обидеть, искать расположения. Ничего не поделаешь. Я должен больше огорчить т. Транмеля в своем заключительном слове, ибо, если он оказался моей речью не вполне доволен, то я совсем недоволен речью тов. Транмеля. *(Аплодисменты).* Если у меня до выступления тов. Транмеля были кое-какие сомнения, то после его речи для

меня стало несомненно, что дело у нас плохо с норвежско-русским об'единением. Очень плохо. Тов. Транмель в первой части своей речи говорил об истории. Он говорил, что, начиная с 1920 г., международный вопрос их очень интересовал, что они были на II конгрессе Коминтерна, что норвежские союзы принимали участие в организации Профинтерна, что они ушли из Амстердама, потом — хотели войти в Профинтерн, но это отклонилось, потом хотели в Амстердам, это тоже было отклонено. Когда эту историю посмотришь, невольно хочешь сказать: какие вы непостоянные люди, норвежцы. В Коминтерне — были, Профинтерн — создавали, в Профинтерн — хотели войти, не вошли, в Амстердам хотели войти — не вошли, теперь мы с вами промеж себя союз хотели организовать, — боюсь, что это тоже не приведет к хорошему.

Тов. Транмель говорит дальше: мы недовольны декларацией, которую представители советских профсоюзов огласили на копенгагенской конференции. А эта декларация определяла отношение советских профсоюзов к Амстердаму и предложению норвежцев о созыве конференции из представителей Амстердама и Профинтерна по вопросу об единстве международного профдвижения. Вот первый пункт этой декларации: «Вся история взаимоотношений ВЦСПС и МФПС за последние годы ясно вскрыла, что вожди МФПС в действительности не только не хотят единства профдви-

жения, но готовы всемерно бороться против какого бы то ни было об'единения с классовыми революционными профсоюзами». Тов. Транмель говорит: «мы были против этой декларации, мы считали, что она не способствует установлению единства дружеских отношений» и т. д., а потом сам говорит: «мы предложили собраться на конференцию Профинтерну и Амстердаму. Амстердам отказался, Профинтерн принял». Почему же вы недовольны декларацией? Ведь она именно об этом и говорила. Ведь она вас предупреждала, что ничего не выйдет из обращения к Амстердаму с предложением об единстве. Вот буквально можно сказать: «говорила тебе я, ты не ешь грибов, Илья» *(аплодисменты)*. Вы нам рекомендовали обратиться в Амстердам, мы говорили: обращаться туда никакого прока нет. Сидит там публика, с которой пора перестать разговаривать. Весь смысл нашей декларации был: амстердамцы дрянь ужасная, они против единства, они за раскол профдвижения, но если вы хотите, люди вы еще неученые, мы обратимся, дабы помочь вам изжить амстердамские иллюзии. Хорошая декларация, верная, оправдавшая целиком. *Амстердам отказался,* просто отказался, а *Профинтерн согласился*. Факты, от которых никуда не уйдешь.

Я говорил, что вопрос с ратификацией копенгагенских решений подвигается слишком медленно, но ведь это верно, товарищи! А что утешительного нам рассказал тов. Транмель? Он сказал: затем

вопрос о копенгагенской конференции был передан на рассмотрение местных организаций, которые только-что закончили свое обсуждение. Когда я его слушал, я хотел сказать: «закончили, ну и слава богу!». Нет, погодите, дальше он говорит нечто другое. «Теперь вопрос будет обсужден на пленуме Об'единения Профсоюзов 7 января 1929 года». Ну, думаю, дело хуже, на 7 января дело переносится. Дальше он говорит: все союзы выразили свое согласие «при условии». Опять «при условии»? Что мы за несчастные люди! Как только начинаем с заграничными союзами говорить, сейчас же «при условии». Между собою они сговариваются без каких условий! А как с союзами СССР, обязательно «при условии», и чтобы кого-то не обидеть, что-то не разорвать и т. д., и т. д. Ну, ладно, при условии, так при условии. Допустим, что вы все за договор, но «при условии». Дальше он говорит: вероятно, что этот пленум 29 года отложит дело до следующего. Здравствуйте! Тов. Транмель нас утешает, что это не отклонение, что это только отсрочка. Дальше, тов. Транмель говорит: в это время необходимо будет подробнее узнать точку зрения датских и шведских профорганизаций. Ну, что же, если позиция шведских и датских союзов неизвестна, надо ее выяснить, может быть, будут какие-либо важные доводы против ратификации копенгагенских решений, но дальше тот же т. Транмель говорит, что шведское и датское об'единения профсоюзов *уже заявили, что они не согласны*

заключать договор с норвежцами, если они не войдут в Амстердам. Что же тогда, т.т. норвежцы хотят выяснить? Вот уже действительно — или дождик, или снег, или будет, или нет. *(Аплодисменты).* А практический смысл речи тов. Транмеля такой: хорошие вы ребята, мы за об'единение с русскими революционными союзами, но только у вас характер нехороший. И потом, хотя вы и революционные союзы, но если с вами об'единяться, хотя вас и 11 миллионов, это испортит наши отношения с датским и шведским союзами. Поэтому, как вы ни хороши и как мы вас ни любим, но если мы должны будем порвать с вождями шведских и датских профсоюзов (именно с вождями, ибо я уверен, что шведские и датские рабочие за союз с нами), мы вынуждены будем отказаться от дружбы с вами. Тут какой-то сложно завязанный роман, не разберешь, где начало и где конец. Буквально напоминает Гейне — юноша любит девицу, она любит другого, другой любит другую и так без конца. (Смех). Мы привыкли подходить к большим вопросам, разрешать эти большие вопросы (а вопрос, о котором мы сейчас говорим, считаем не маленьким, вопрос идет о союзе професионального движения двух стран, профдвижения хотя бы и маленькой Норвегии, но могущей при правильной политике играть большую роль в международном рабочем движении, и профдвижения большой страны, крупнейшего профдвижения в мире, с 11 миллионами пролетариев), как подобает пролетарским революцио-

нерам. Такой вопрос как надо решать? Ну, ей-ей, каждый наш фабзавкомщик знает, как его надо решать. Ясно, как надо решать. Надо посмотреть, у кого линия правильная, что даст пользы больше для развития не только норвежского, но и мирового профдвижения? Мы предлагаем вам союз с советскими пролетариями, впервые в мире взявшими власть в свои руки, доказавшими всему свету, что у нас с буржуазией никакого соглашения нет. *(Аплодисменты).* Наша буржуазия разогнана по всему свету: в Канаде, в Париже, где хотите. А здесь, где раньше танцовали дворяне, мы сейчас заседаем. Норвежские товарищи должны решить, с кем им лучше об'единяться — с советскими союзами или с датскими и шведскими союзами, которые не хотят, чтобы норвежские союзы об'единялись с революционным профдвижением СССР. Почему шведы и датчане не хотят этого? *Потому что они стоят за Амстердамский Интернационал.* А что из себя представляет Амстердамский Интернационал? Разве это все еще неизвестно до сих пор? Надо же вам прямо ставить вопрос. Нельзя быть стыдливой девицей и опускать глаза. Вы хотите об'единиться с Амстердамом или нет? Чего тут вилять? Нужно прямо по-большевистски ставить вопрос. Может быть, это невежливо так в упор ставить вопрос, да еще гостям — извиняюсь (смех). Но ведь именно от такой постановки вопроса никуда не денешься. Сами посудите, не могу же я говорить русским рабочим: норвежцы очень

любят нас, но так как они одновременно любят шведские и датские союзы, а шведские и датские союзы любят Амстердам, а Амстердам нас не любит, то поэтому дело укрепления союза русских и норвежских рабочих двигается вперед черепашьим шагом. Для нас не секрет, что т. Транмель один из вождей, пользующихся большим влиянием в норвежском рабочем движении. Именно поэтому я в праве спросить его, как и куда он будет вести норвежские союзы? По пути к Амстердаму или по пути к об'единению с союзами СССР? Только так может быть поставлен вопрос. Если такие крупные политики, как т. Транмель (он хотя из маленькой страны, но крупный политик), не понял, как стоит вопрос, то я считаю своим долгом раз'яснить ему нашу позицию. Нельзя вести политику так, чтобы и невинность соблюсти, и капитал приобрести *(смех)*. Чтобы амстердамские волки были сыты и московские овцы тоже были целы и довольны. Не выйдет это. Я должен откровенно сказать, что если т. Транмель так будет ставить вопрос, то от его утешения и любезности нам мало пользы.

Странно звучит ссылка т. Транмеля на норвежских коммунистов, которые смеют критиковать руководителей норвежских союзов. Сегодня получено письмо от норвежского об'единения профсоюзов, в котором нам также пишут, что норвежские коммунисты сильно критикуют норвежское об'единение, и что мы чуть ли не ответственны за это. Мы в СССР выступаем всецело за самокритику.

Вы видели, как нас здесь комсомольцы критиковали? *(смех)*. Скажите, пожалуйста, кто считал бы, что я нахожусь в здравом уме и в твердой памяти, если бы я сказал норвежскому или какому-нибудь другому профоб'единению, что так как меня критикуют комсомольцы, то у ВЦСПС с норвежскими союзами ничего не выйдет. Норвежские коммунисты ни в какой степени ВЦСПС не подчинены. Тот, кто думает, что мы будем замазывать рты коммунистам в какой-либо стране, ошибается. Ставить условием утверждения копенгагенского договора, который формально еще не отклонен, и который все еще движется по инстанциям, но который, судя по всему, будет отклонен, чтобы мы не только не критиковали норвежские союзы, но чтобы и норвежские или какие-либо коммунисты никогда и ни за что не критиковали норвежское профдвижение, — это уже слишком тяжелые условия. Такие условия — хуже Версальского мира.

Когда т. Транмель старался доказать, что дело с утверждением копенгагенского договора в Финляндии обстоит так же, как и в Норвегии, то это немного не так. В Финляндии дело обстоит совсем по-другому. Финляндских товарищей сажают в тюрьму и для финляндских профсоюзов труднее ратифицировать копенгагенский договор, пока его не утвердили в Норвегии. Мы за братское об'единение с рабочими всех стран, которое предполагает взаимную поддержку, моральную и материальную. Мы за это, всегда на это готовы. Братский союз

предполагает поддержку во время борьбы. Мы за это. Братский союз предполагает также дружескую критику и самокритику. Разве братский союз рабочего движения двух стран обязывает говорить друг другу только комплименты? Братский союз предполагает как обязательное условие самокритику. Критикуйте нас, разве мы боимся? Разве нас не критикуют? Да весь мир критикует. Разве мы этого боимся? Если мы когда-нибудь, где-нибудь, каким-нибудь рабочим скажем: мы за союз с вами, но при условии друг друга не критиковать, то какой же это будет союз? Это будет союз взаимного укрывательства вождей, никаким иным союзом он быть не может. Союз между рабочими организациями, это есть союз с правом товарищеской дружеской критики и если вы сделаете ошибку, позвольте нам вас покритиковать так же, как и вы критикуете за наши ошибки. Как мы критиковали англичан? Мы говорили им: вот вам материальная поддержка, поддержите рабочих, боритесь. А они отвечали: для этого надо остановить электростанции, — и... провалили всеобщую стачку, за что мы их назвали предателями. *(Аплодисменты).* Самокритика предполагает братскую товарищескую помощь.

Если *ты будешь критиковать, не помогая,* то это критика плохая, а если ты помогаешь, а потом критикуешь, то это твое законное право. Если ты будешь драться, чтобы не задеть очки хозяина, то это никуда не годится.

У меня возникают большие опасения по поводу копенгагенских решений. Я боюсь, что если т. Транмель отражает мнение верхушки норвежского движения, а он именно отражает ее мнение, то у нас не выйдет ничего, ибо темп, которым вожди норвежского профдвижения развертывают это братское единство, чрезвычайно медленный, и этот темп отстает от развертывания классовой борьбы в странах Европы. За это время нам нужно было бы несколько раз собраться и обсудить, чем можно помочь французским текстильщикам, лодзинским ткачам и т. д. А у нас в это время дело не идет дальше утверждения общих положений. Мама! Когда же до дела-то дойдет?

Мы немножко слышим и видим европейских рабочих, когда они приезжают к нам, и мы уверены, что они хотят союза с русскими рабочими. *(Аплодисменты).* Об этом можно говорить смело. И мне кажется, что норвежские рабочие несколько иначе поставят вопрос, чем ставили его т. Транмель и другие вожди.

Товарищи, я задержался в своем заключительном слове. О вопросах, которых я не коснулся в докладе, я скажу в секциях.

Я не коснулся радио. Мы строим теперь радиостанцию, которая в этом году, надеемся, заговорит как следует, полным голосом, потому, что это будет одна из самых мощных радиостанций в Европе, которая даст нам возможность централизовать культработу, посредством которой мы думаем по-

мочь вашим кружкам, поставим инструктирование и преподавание по некоторым отраслям профсоюзной деятельности, надеемся дать образцы художественной пролетарской работы.

Вопрос о прессе — об этом я тоже позволю себе коснуться в секции по культпросветработе.

Работа профсоюзов в деревне.

О работе в деревне. Я думаю, что пора перестать говорить о работе в деревне вообще. Мы говорили о работе в деревне «вообще» несколько лет, написали хорошие резолюции, и если поставить на голосование резолюцию о работе в деревне «вообще», то вы будете единогласно голосовать за нее. А нам нужна не резолюция о работе в деревне вообще, мы будем требовать, чтобы союзы, имеющие сезонных рабочих, в местах скопления сезонных рабочих поставили непременно получение этими рабочими одной-двух газет не только союзных, но и политических — «Правду», «Рабочую Газету», «Труд» — обеспечили бы небольшой библиотечкой, обеспечили бы радио-приемником, который должен громко говорить, а не громко молчать. Нужно, чтобы это было не только в резолюциях сказано, а, чтобы это было обеспечено, проверено, просмотрено и на 100% выполнено. О передвижках-спектаклях пора перестать говорить, — ничего из этого сейчас еще пока не выходит.

Перед индустриальными союзами мы ставим конкретную задачу помощи союзам, связанными

с деревней, и, в первую очередь, союзу работников земли и леса. Если мы поставим вопрос вообще о деревне, то меня это не интересует, а мне надо конкретно знать, чем можно сейчас обеспечить деревню. Это — радио, небольшой библиотекой и газетой. Это потребует от нас усилий, внимания, и неправильно будет, если газета будет с месяц приходить, а потом оборвется, если радио поговорит 2 недели, а потом будет молчать весь год. Надо поставить дело так, чтобы радио работало, газета получалась, библиотека была бы в исправности, пополнялась бы, а все это проверялось бы, контролировалось.

Демократия и самокритика.

Не стану говорить о самокритике и демократии. Все ораторы, которые об этом говорили, не сказали ничего нового. Некоторые товарищи говорили, что мы слабо развиваем самокритику. Этим хотят бросить со счетов истории тот факт, что о профсоюзной демократии, о ее развертывании впервые было сказано президиумом ВЦСПС. Все мои публичные выступления, это не только мои личные выступления, а поскольку они делаются по поручению президиума ВЦСПС, то значит — это выступления президиума ВЦСПС. В 1925 году на ленинградском с'езде профсоюзов была дана первая платформа развертывания рабочей демократии, и она повторилась на ряде с'ездов и в наших циркулярных письмах. Товарищи Мандалян и Ша-

рангович говорили, что они не поспели проработать тезисы ВЦСПС, ибо на окраинах их не получали. Не забывайте, мы — ВЦСПС, и мы знаем и видим, как и где ведется работа. Прорабатывали ли вы циркулярное директивное письмо ВЦСПС на активе? Почему вы его не проработали? Циркулярное письмо хорошее, там полное развертывание нашей программы и план работы, там говорится и о самокритике и о демократии. Вы очень хотели бы проработать тезисы, потому что их у вас нет, а то, что у вас было, вы не проработали. Здесь есть излишняя придирчивость. В наших тезисах вопрос о самокритике и о демократии развернут достаточно.

Работа ВЦСПС велась правильно.

Товарищи, прения по отчету закончились, и я отвожу решительным образом всякие упреки в том, что мы относились пристрастно к каким-либо отдельным слоям рабочих. Это неверно. У нас 23 ЦК союзов, и каждый ЦК бывает понемножку нами недоволен. Почему? Потому, что каждый ЦК хочет, чтобы об'единяемые им рабочие были на первом месте. Каждый губпрофсовет недоволен потому, что каждый губпрофсовет хочет, чтобы при разассигновании различных фондов эти фонды попали в первую очередь ему, а так как денег у нас мало и остатков не бывает, то всегда стоит вопрос не кому дать, а от кого срезать, а поэтому всегда бывают недовольные.

Я утверждаю, что в общем и целом работа велась правильно, хотя отдельные ошибки могли быть. Ко всем слоям рабочих, ко всем союзам, ко всем возрастам среди рабочих наша политика была абсолютно об'ективна, никто нам фактов, опровергающих это, не привел, и это уже одно показывает, что наша политика была не цеховой, не поощрением какого-нибудь одного союза, не поощрением какого-нибудь одного округа, она была и в экономической своей части правильной общеклассовой выдержанной линией. Этого никто не опроверг. Тут один делегат-горняк говорил, что мы мало заботимся о горняках. Вот неверно, так неверно. Пусть председатель ЦК горняков т. Шварц скажет, где мы не поддержали горняков? Везде, где стояли вопросы о горняках, мы на протяжении последних двух лет первые были за горняков, ибо мы понимали, что горняки в зарплате отстают. Мы считаем своим главным достижением, что в этом году нам удалось хоть немного, но подтянуть слишком отсталые в зарплате слои с.-х. рабочих, учителей, врачей и т. д. Может быть, мало. В будущем году продвинем еще. Нет такой категории труда, которую мы забывали бы.

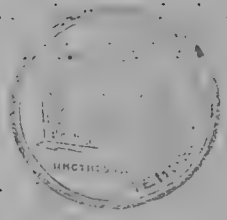
Мы не претендуем на непогрешимость и не рекомендуем никому претендовать. Мы говорим: были ошибки, их мы признаем, кое-чего мы не могли выполнить по об'ективным условиям, кое-чего потому, что не поспели за множеством дел, может быть, и была некоторая небрежность, невни-

мание с нашей стороны. Мы — не боги и ни в какой степени на непогрешимость не претендуем. Но в общем и целом линия наша была правильной, классовой, политической линией. В общем и целом, несмотря на отдельные дефекты, следует добросовестно сказать: да, были недостатки в работе, будут ли они к будущему с'езду? Будут обязательно. В таком большом деле, в таком гигантском деле, чтобы вы подобрали такой ВЦСПС и его президиум, который нигде не ошибается — этого не может быть. Что у нас могли быть кое-какие ошибки и бюрократического характера—возможно. Мы сидим, отрезанные от рабочих, очень далеко, за 5—10 стенами, работа не позволяет ближе познакомиться с тем, что делается в массах. С массами мы говорим только с трибуны, а это большой недостаток, ибо трибуна нас отделяет от масс ровно настолько, насколько она стоит выше над массой. Когда мы говорим с трибуны, — это одно, а попробуй говорить в мастерской — другое. Пойди в мастерскую между станками, тебя начнут за рукава дергать.

Товарищи, те, кто будут подходить к нашему отчету с оценкой нашей работы беспристрастно, без излишней придирчивости, должны признать минимум того, что есть на самом деле, а именно, что мы честно и правильно выполнили директивы, данные нам VII С'ездом, что мы правильно и честно, по мере сил и возможностей были об'ективными, защищая интересы всех рабочих в целом, не забы-

вая ни об одной группе, что мы, по мере сил, добросовестно и честно отстаивали и развивали развертывание широкой рабочей демократии и критики, как необходимой базы для развертывания всех сторон союзной работы, что мы неуклонно отстаивали профдвижение от всяких извращений, в какую бы сторону они ни были, что мы все время стояли на линии XI С'езда нашей партии, что все время наблюдали и заботились о том, чтобы профсоюзы выполняли добросовестно и честно свою роль, роль школы коммунизма. *(Аплодисменты).*

Исходя из беспристрастной оценки нашей работы, вы, товарищи, должны это признать и нашу работу одобрить. *(Аплодисменты).*



ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Профсоюзы в условиях индустриализации страны. (Речь при открытии VIII С'езда Профсоюзов). . 3

Итоги работы профсоюзов. (Отчетный доклад VIII С'езду Профсоюзов). 15

Перспективы профдвижения. (Заключительное слово к отчетному докладу на VIII С'езде Профсоюзов). 136

70к.

Цена ~~30~~ коп.

3345

Книгоиздательство ВЦСПС

Книгоиздательство ВЦСПС.
Москва „11", Солянка, 12, Дворец Труда.
Тел. № 5-08-32.

Ленинградское областное отделение:
Ленинград, Площадь Труда, 1/39. Тел 6-10-18.

Сибирское краевое отделение:
Новосибирск, Дворец Труда.